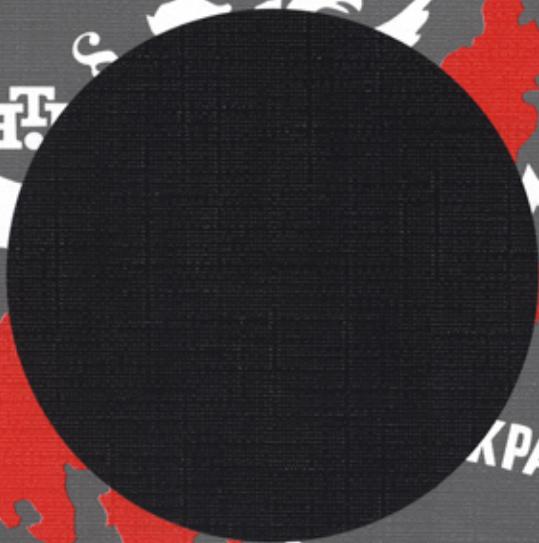

4

2005

РОСССНЯ XXI

4.2005 июль-август

Общественно - политический

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

«Чик» и «Цык»
или в чем реальное содержание
обостряющейся властной коллизии _____ 4

Геоглобалистика

Дов Конторер

Враг у ворот:
юбилейные размышления _____ 62

Россия в мире

Леонид Фридман

О многовариантности
международных экономических
сопоставлений _____ **108**

Страницы истории

Александр Филюшкин

Первые выборы: избирательная
кампания Ивана Грозного ___ **144**

Александр Орлов

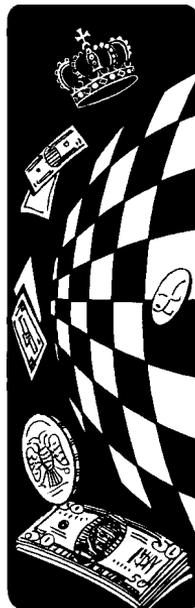
Японский фактор в европейской
войне. 1941–1945 гг. _____ **176**

Contents in English look at the page 200

Своего рода презрение к слову, да что там – почти омерзение перед словом овладело человечеством. ... Никогда еще в истории по крайней мере Западной Европы человечество не признавалось так честно и откровенно, пусть это и кажется циничным, в том, что слово ничего не значит, более того, что не стоит и труда искать взаимопонимания ... И все-таки: пусть умолкнет в этом мире даже музыка, пусть исчезнут всякие последние непосредственные проявления духа, пусть останется одно только рациональное мышление, с отчаянной честностью цепляющееся за очевидное, сознающее его границы как мистику, но и тогда в этом

царстве логики останется место духу, живому сверхпорядку, который не относится к сфере практики и не может быть понят с ее точки зрения, но который существует и осознается. А в этом осознании и заключено самое главное. Оправдание и, более того, требование такой позиции, которая не устает запрашивать о духе.

Герман Брох

Сергей Кургинян

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

**«ЧИК» И «ЦЫК»,
ИЛИ
В ЧЕМ РЕАЛЬНОЕ
СОДЕРЖАНИЕ
ОБОСТРЯЮЩЕЙСЯ
ВЛАСТНОЙ
КОЛЛИЗИИ***

An old joke: «TSeKa (The Central Committee of the CPSU) tsykaet (threatens) while CheKa (subsequently KGB) chikaet (represses)» reflects the most typical and serious problems of contemporary Russia. From the moment of Putin's ascension the «chik» (repressive apparatus) acquired a chance to become the «tsyk» (the highest authority). However having acquired the power demonstrated its utter inability to transform itself into the highest authority, to develop an ideology. The country is incapable for mobilization while it is submerged in the criminal filth. In such situations revolutions are a dangerous mummery. Events in Ukraine and Kirgizia were «banana» revolutions that exploited selfish and venal interests of power elite groups. Members of these groups are hiding their money at banks abroad. The «banana» situations are easily controlled: owners of bank accounts are simply blackmailed with expropriation of what they embezzled. The Belief in possibility to establish a «peripheral capitalism» all over the post-Soviet space has finished. Nobody is trusted in the space. Therefore, there is an intention to carry out a nationalization and then to pass the principal assets over to the Western corporations. The country is sick. To gather strength for a break-through the really strategic problems are to be put into the agenda. If the power does not want to be swept away it has to change the very type of society, to replace «chik» (ability to repress) with «tsyk» (ability to govern and rule).

* Доклад на клубе «Содержательное единство» 31 марта 2005 г.

ТОЛЬКО ЛИ АНЕКДОТ?

В эпоху застоя существовал такой анекдот: «ЦК цыкает, а ЧК чикает». Поразительным образом этот анекдот выражает и раскрывает нынешние актуальные политические проблемы. И в этом смысле он является уже не анекдотом, а грубой и жестокой метафорой, порождающей вокруг себя проблемно-концептуальное поле.

Постараемся разобраться, что именно порождается? И за счет чего?

В чем смысл выражения «ЦК цыкает»? Смысл в том, что «собственно властный субъект», под контролем которого находятся некие репрессивные органы, способен именно цыкать. То есть исходя из неких идеологических представлений, целей и многого другого «осмысленно волеполагать». В чем и состоят функция и роль настоящего политического субъекта.

Тем самым мы констатируем, что «цык» – это очень непростое действие. Нужно еще быть готовым его осуществить. Нужно суметь цыкнуть, и не каждый обладает этим умением.

Далее, надо определить, чем «цык» отличается от «чика». Осмысленно волеполагающий субъект (сразу надо признать: речь идет, прежде всего, о субъектах существенно недемократических, хотя и для субъектов демократических проблема весьма актуальна) умеет цыкать. А для того, чтобы его «цык» был в полной мере реализован, он опирается на обычную и политическую полицию. Одним способом он на них опирается в демократической стране, другим способом в стране, где власть осуществляется недемократически (авторитарно или как-то еще). И эта полиция (в нашем случае – ЧК) во исполнение «цыка» осуществляет те или другие репрессивные действия.

Если кому-то тесно в рамках данного анекдота и его семантики (а я считаю, что эта семантика по отношению к нашей сегодняшней ситуации очень яркая и точная), то можно вспомнить про «органы». Они ведь органы, правда? Они ведь не субъект, а аппарат, используемый субъектом! Субъект (ЦК) цыкает, а спецаппарат (ЧК) чикает.

Предположим, что субъект формируется народным волеизъявлением (демократический вариант). Тогда спецаппаратам, например, ЦРУ и ФБР, очень трудно выдвинуть себя в качестве формализованной открытой альтернативной властной системы (в качестве альтернативного субъекта то есть). И даже непонятно, зачем.

У спецаппаратов в демократических странах есть свои возможности влиять на процесс. И эти возможности порою покруче, чем переворот с

захватом государственной власти. В демократической стране такой переворот надолго оставит шрам в общественном сознании и сделает альтернативный субъект, пришедший к власти в результате переворота, существенно нелегитимным. То есть неустойчивым и неэффективным. И возникает вопрос: на фига козе баян?

Чем менее страна демократическая, тем менее актуален подобный вопрос. Потому что диктатура легитимируется иначе. И если кто-то совершит переворот – то и что? Диктатура меняется на диктатуру. Как там у Брехта? «Что тот солдат, что этот».

Демократический политик боится электората и общественного мнения. Диктатор не боится электората и существенно меньше боится общественного мнения. Диктатор либо вообще независим от выборов, либо точно знает, что все решает его административный ресурс. То есть что выборы при необходимости будут подтасованы и беспокоиться не о чем.

Что касается других форм народного волеизъявления, то диктатора (идет ли речь о личной диктатуре или о диктатуре партийной, диктатуре ЦК) эти формы тоже не очень беспокоят. Ну, выйдут люди на улицы. До тех пор, пока у ЦК (субъекта политической диктатуры) есть ЧК (спецаппарат по подавлению подобных эксцессов) и этот аппарат работает, можно не слишком бояться разного рода уличных неприятностей. Один мой знакомый сказал по этому поводу: «Если люди собрались на площади, значит, органы уже недоработали. Эффективные органы возьмут людей, когда они выходят из своих квартир. И на площади будет ровно столько людей, сколько это нужно будет органам. Нужно, чтобы никого не было – никого не будет».

Итак, эффективный диктатор (а это чаще всего диктатор коллективный, то есть ЦК) может не бояться ни общественного мнения, выявляемого через выборы, ни других форм выявления общественного мнения. Говоря современным языком, майданных форм этого выявления.

Значит ли это, что диктатор ничего не боится? Отнюдь! Диктатор (ЦК), прежде всего, боится собственных репрессивных органов (ЧК). Все перевороты происходят либо тогда, когда репрессивные органы уже неэффективны (разложены коррупцией, кем-то перекуплены и т.д.), либо тогда, когда... Словом, когда сами же репрессивные органы и осуществляют переворот в собственных интересах или в интересах внешнего заказчика.

Если диктатор боится именно этого, то что он делает, чтобы этого не допустить? Он ведь диктатор, а не неврастеничная барышня. Диктатор заводит себе специальный орган контроля за спецслужбами, обладающий собственными оперативными и иными возможностями. Этот орган под-

чинен уже только диктатору (в случае коллективного диктатора он подчинен партии и является ее «святая святых»). В СССР таким органом была партийная разведка (точнее, совокупный партийный спецслужбистский аппарат – до сих пор достаточно закрытая тема). При Ельцине аналогичную роль выполняла Служба безопасности Коржакова.

Если этот сверхорган работает эффективно, диктатор может не бояться обычных репрессивных органов (нормативных спецслужб). Но тогда он начинает бояться этого сверхоргана. У Ельцина, как мы понимаем, были серьезные основания для подобных страхов. Да и в Советском Союзе партия очень даже побаивалась собственной «инквизиции».

С этим страхом что делать? Диктатор не только усложняет пирамиду «органов». Как ни усложняй, страх будет перемещаться на высший уровень этой пирамиды. Диктатор делает нечто, аналогичное тому, что делает султан, назначая евнуха в гарем. Он обзаводится некими гарантиями того, что евнух не воспользуется соблазнами, проистекающими из специфики занимаемой должности. Кстати, султан не всегда использует для этого хирургические методы. Иногда он так доверяет, что обходится без них. Но чаще все-таки призывается на помощь еще и некий хирург.

В случае гарема все понятно. А что происходит в интересующем нас случае «чика» и «цыка»? Как обуздать «чик» настолько, чтобы он не захотел «цыка»? В общем, тоже известно, как это делается.

Во-первых, кадры отбираются соответствующим способом. Кадры «чика» должны быть лишены ментальных, эмоциональных и волевых претензий на «цык». Ведь и султан не зовет хирурга прямо перед назначением евнуха. Он подбирает дядю, уже имеющего соответствующую антропобиологическую специфику. Если он сам эту специфику создаст – дядя будет в претензиях и это опасно. Значит, кадровая служба, назначаемая ЦК, должна отбирать работников для ЧК таким образом, чтобы ЦК был гарантирован от наличия в мозгу чекиста неких собственно цэкистских интенций.

Во-вторых, ЦК должен специально следить за тем, чтобы внутри пирамиды ЧК не появлялось никаких «странных сгустков», в рамках которых возникнет почва для произрастания «цэкизма». Особо опасно в этом смысле занятие чекистов разного рода интеллектуалистикой с политической окраской. Даже – политической аналитикой, а уж тем более политическим планированием, идеологией, стратегией. Все это должно быть абсолютной прерогативой именно субъекта политической власти. У него должна быть абсолютная монополия на это начало, на

субъектность, на осуществление высших управленческих функций, и на мышление, способное породить такие функции.

В результате должен возникнуть пресловутый феномен «Центр – Юстасу». Юстас ничего не должен хотеть и мочь без Центра. Он должен без него лежать обесточенным, и только когда Центр «даст ток», Юстас должен начать невероятно энергично и эффективно дергаться.

Высший политический класс (в советском случае ЦК) должен был породить свою репрессивную вторичность в виде миллиона подобных, только по его энергосигналу оживающих юстасов. Он не мог не быть этим обеспокоен. И он предпринимал все возможное, чтобы добиться непреодолимой дистанции между ЦК и ЧК, между способностью аж цыкать (обладать высшей политической самостью) и способностью всего лишь чикать (блестяще решать ограниченные задачи сугубо спецслужбистского свойства).

Исторический опыт показывает, что никогда ЦК не удавалось построить подобное абсолютное разграничение между собою и ЧК. Примеры Берии и Андропова здесь достаточно показательны. Потому что и Берия, и Андропов не только примеривались к функциям высшего политического руководства (Андропов эти функции даже получил на излете), но и замыслили нечто наподобие революции или контрреволюции.

Андропову недостаточно было стать генеральным секретарем и полностью зависеть от не им сформированного ЦК. Он хотел сформировать альтернативный модернизированный ЦК внутри своего ЧК. И не возглавить власть, а трансформировать ее весьма существенным образом.

Берия, возможно, шел еще дальше, мечтая о смене всего формата власти, о демонтаже коммунистической идеологии и о многом другом в этом духе.

Когда я спросил одного исследователя, занимающегося историей спецслужб, исчерпывается ли список чекистов, мечтавших заменить «чик» на «цык», Берией и Андроповым, он сказал мне: «Да нет, Вы, наверное, забыли еще одну фигуру...» Я спросил, кого? Исследователь ответил: «Представьте себе, Феликса Эдмундовича Дзержинского».

Здесь крайне существенно, что успех претензий коллективного «чика» на «цык» полностью зависит от того, сумеет ли данный «чик» преодолеть свое отчуждение от специальных форм интеллектуализма. Зависит от того, как именно этот «народ» соединится с «интеллигенцией», обладающей знаниями по поводу «интеллектуальной алхимии», преобразующей «чик» в «цык», а ЧК в ЦК.

Учили ли чему-то Лаврентия Павловича окружавшие его академики – это открытый вопрос. А вот то, что Феликс Эдмундович очень цепко и осмысленно присматривался ко всему подобному – от Барченко и Бокия до разных восточных религиозно-философских школ, содержащих в себе знания о «цыке», – это, как мне кажется, вполне очевидно.

Но нас здесь, конечно, больше всего интересует современность. А также вплотную прилегающая к ней история. Эта история детерминируется андроповским началом. И андроповским желанием соединить вверенный ему «чик» с чем-то, что пахнет «цыком». Это опасное желание могло хоть отчасти осуществляться только в силу того, что «высшее политическое животное», обладавшее прерогативой «цыка», уже не хотело цыкать и не держалось за свою прерогативу. Но даже в этом случае блокирующие механизмы работали «сами собой». И «цык» защищал себя от «чиковских» притязаний.

Переломным моментом, когда эти иммунные барьеры (кадровые, организационные и сущностные) были сломаны, следует считать все то, что привело к созданию в Советском Союзе идеологической контрразведки (Пятого управления КГБ СССР).

Идеология была высшей прерогативой «цыка». «Цык» должен был защищать не только свое абсолютное право цыкать, то есть исторгать из себя идеологический позитив, но и право контролировать все, что было связано с анализом чужих цыканий, являющихся подкопом под его «цык». Иначе – все, что было связано с идеологической инквизицией. И не надо окрашивать слово «инквизиция» оценочно. В Ватикане инквизиция до сих пор существует. И ее глава вот-вот станет Римским Папой.

Инквизиция – это просто защита механизма своего «цыка», то есть своей высшей политической смысловой самости. То, что эту самость и право на инквизицию «цык» (КПСС) отдала своим обычным репрессивным органам (Пятому управлению КГБ), означало, что «цык» уже тотально политически невменяем, что он не только не умеет осуществлять власть, но и не понимает, как за нее разумно цепляться. И что значит «цепляться». И что происходит, когда цепляться перестаешь. И с чего начинается это «перестаешь». А оно начинается именно с того, что ты отчуждаешь от себя собственную инквизицию.

Вопрос совершенно не в том, чтобы на кого-то за что-то возлагать избыточную ответственность. Вопрос вообще не в размышлениях о прошлом, а в приурочивании к будущему. Но избегать определенных констатаций невозможно. В гиперцентрализованных системах, к которым относился СССР под властью КПСС, перевороты происходят не на площадях. Единственным органом, который в таких системах может

готовить переворот, является система репрессивных органов, которая обзавелась чем-то наподобие своего «цыка».

Переворот Андропова был абортирован. Возможно, этот переворот принес бы с собой определенные позитивы. В любом случае, «высшее политическое животное», дошедшее до той степени невменяемости, когда оно делегирует кому-то свою политическую самость, было обречено. Но тогда следует признать, что отсроченный андроповский переворот фактически и был осуществлен в пределах так называемой перестройки. Конечно, наряду с другими конкурирующими замыслами.

Я констатирую это не впервые. Сразу после развала СССР (впрочем, еще до этого развала) выявилась группа, которая относилась к развалу в каком-то смысле сдержанно позитивно, считая, что развал позволит осуществить очередную фазу модернизации России, а потом к этой модернизации приложится все остальное. Но уже на других, более эффективных, – не имперских, а, так сказать, национальных, – идеологических основаниях.

Какие-то шансы на подобное развитие событий существовали. А поскольку это развитие событий содержало в себе определенные позитивы, то объявлять авторов этой (много раз подчеркивал – не моей!) политической логики носителями деструкции было и безнравственно, и контрпродуктивно. О чем я тоже заявлял в момент создания клуба «Содержательное единство», в 1994 году.

Прошло более десяти лет. И за эти десять лет я не раз спрашивал этот элитный совокупный «чик», вознамерившийся цыкать: где же модернизация?

Невнятные ответы адресовали к помехам со стороны «преступного ельцинизма». В этом было определенное лукавство. Но отделить это лукавство от невероятно сложных предлагаемых обстоятельств не представлялось возможным. И создавалась некая ситуация «вязкой паузы».

Приход к власти президента Владимира Путина прервал данную паузу. В стране возник своего рода *momento di veritas* (момент истины). С этого момента «чик» получил возможность стать полноценным «цыком». Он превратился во власть. Это превращение было очевидным для всего народа, заговорившего о чекистах и их новой власти как о данности и надежде. Именно эту данность и эту надежду олицетворяет высочайший рейтинг и все, что к нему, так сказать, приторачивается.

С момента прихода к власти Владимира Путина я неоднократно говорил, что вера народа в то, что «чик» станет «цыком», – это не бесплатное удовольствие. И вот теперь мое давнее и очень серьезное беспокойство (которое разного рода акынам от политологии, фиксирую-

щим только то, что есть, а не то, что зреет внутри происходящего, казалось «торговлей страхом») превращается в нечто очевидное для всех.

Разговоры об «античекистском восстании» по румынскому или какому-то другому образцу становятся «общим местом». Чекистское сословие не сумело перейти от «чика» к «цыку», оно не стало носителем осмысленного (андроповского, бериевского или любого другого) корпоративно-сословного начинания (проекта). В этом смысле пять лет потрачены зря. А по счетам потраченных лет придется платить очень скоро. И время воистину на исходе.

Я уже описывал и то, чем, на мой взгляд, является этот перехват власти «чиком» путинского периода. Я объяснял, что, на мой взгляд, это не революция, не сложно спроектированная спецоперация, а просто падение разваливающейся системы с аттрактора на аттрактор. Сгнивший аттрактор компартии выронил власть, и она после коротких квазиолигархических судорог упала на ближайший чекистский аттрактор.

А к этому времени в пределах аттрактора произошли серьезные изменения. Чекистский конгломерат, состоявший из весьма разнородных элементов (обычных бюрократов, людей служения, золотой молодежи, потенциальных бандитов), развалился на части. «Люди служения», в основном, ушли в маргинальность или в запой. «Золотая молодежь» – в банки и за границу. «Бюрократы» – куда попало. В охранные структуры или в отстойники новых спецслужб.

В условиях ельцинского регресса потенциальная криминальность части наших спецслужб не могла не превратиться в актуальную. Я уже неоднократно цитировал известное высказывание: «Моя этика – профессионализм». И показывал, что это – нонсенс. Солдата отличает от убийцы не профессионализм (профессионализм примерно совпадает), а идея служения. Если служения нет, солдат становится бандитом автоматически. Я не даю буквальных юридических оценок. Я говорю о социальном качестве. Отчасти – метафорически. Но лишь отчасти.

Эффективность новых чекистских слагаемых и их способность бороться за власть против так называемых олигархов были куплены ценой определенного социального мутагенеза. А этот мутагенез еще более отдалил «чик» от «цыка». Лишил удачно смутировавших способности к эффективному стратегическому смысло- и целеполаганию.

Чекистский класс, чекистская социальная группа получили власть, но не смогли (по крайней мере, по сию пору) трансформировать полученное из привычного формата «чика» в новый и непривычный формат «цыка». Это при том, что нынешний «цык» может уже носить только проектно-концептуальный характер.

Аттрактору «чekiстов» дана всего лишь отсрочка. Если он так и не сумеет ею правильно воспользоваться, то страна катастрофически упадет с него на следующий аттрактор (судя по всему, военный). А впоследствии с этого аттрактора еще далее – в бездну. Спасти от этого, остановить падение может только смена социального качества. То есть переход от «чика» к «цьку». Речь идет ни больше ни меньше как о макросоциальном процессинге, самотрансформации, самопреобразовании, самообучении. Или о том, что я называю самотрансцендентацией.

Этому препятствует навык «чика», а также вся заученная логика разграничения между Центром и юстасами. Юстасам предстоит самим стать Центром или катастрофически заплатить за подобную неспособность. Юстасы и хотели стать Центром. Но, когда эта возможность упала им в руки, они стали проявлять катастрофическую неспособность ею воспользоваться.

Я не буду подробно описывать, на что и как это было разменяно. Я просто вкратце зафиксирую все вызовы, которые стоят перед совокупным «чиком», и всю невозможность преодолевать эти вызовы, мобилизуя собственно «чиковское» начало. Еще раз: речь идет не о качестве мобилизации «чика». Может быть, кто-то и решится чикнуть по настоящему, хотя лично я в этом глубоко сомневаюсь. Но если это будет только «чик» – то кончится все чем-нибудь румынским. Или – еще более печальным.

Итак, о вызовах.

ВЫЗОВЫ «ОГОРОДА»

Я мог бы разобрать этот вызов более научно, рассуждая о фундаментальной социокультурной коллизии. Но я хочу сделать свои рассуждения максимально прозрачными. И потому начинаю с простейшего бытового вопроса. Имеется ли у моих слушателей и читателей опыт непосредственного соприкосновения с огородом?

Если имеется (а в той или иной степени это, безусловно, так), то что вы ответите умникам, которые скажут вам, что на огороде нужно обеспечить равноправную конкуренцию между сорняками и огурцами с помидорами? Вы пошлете этих умников куда подальше и будете пропалывать огород, помогая огурцам и помидорам победить сорняки.

А если вам скажут, что в России нужно лишь обеспечить равноправную рыночную конкуренцию и тогда рынок расставит все приоритеты, что вы на это ответите? Многие ответят, что это современная и правильная точка зрения.

Но чем эта точка зрения отличается от предложения организовать равноправную конкуренцию сорняков и помидоров с огурцами? Что до меня, то я считаю, что это буквально одно и то же.

Я убежден, что Гайдар «стебется», когда говорит о том, что рынок расставит приоритеты. Ради чего он стебется, это отдельный вопрос. И не ко мне, а к тем, кто пытался превратить «чик» в «цык» в более ранний период. И ко всей теории «прогрессоров», «особых зон», «решающих социальных экспериментов». Но мне, по крайней мере, ясно, что Гайдар твердо понимает: никакой рынок приоритеты не расставит и расставить не может! Гайдар для этого достаточно умен, образован, изощрен.

А вот что думает по этому поводу новый чекистский либерально-державный прагматический... клан... аттрактор... цех... Что он думает? Он, может, действительно считает, что рынок расставит приоритеты, а любая иная позиция отдает дремучим коммунистическим догматизмом?

Но мы же на этой провокативной лошадке въехали в эту самую перестройку, мы на ней ехали весь ельцинизм и приехали (вполне закономерно) в криминальное общество.

В этом смысле огурцы и помидоры – это нормальные советские граждане (младшие и старшие научные сотрудники, инженеры, техники, рабочие), которым предложили стартовать в единой рыночной эстафете с держателями общаков, наркоканалов и всего прочего. Как это называется на языке социальной теории? «Неравные стартовые возможности».

Может, этих держателей больших стартовых возможностей (агентурных сетей, оргпреступных групп, номенклатурных позиций и прочего) кто-нибудь ловил за штаны, когда они «особо резво» побежали в рынок? Какой-нибудь прокурор, комиссар Катанья? Так нет, наоборот! Было сказано, что эти держатели особых возможностей как раз и есть соль земли! Я могу привести сотни высказываний о том, что в совковой антисистеме нормальны только мафиози и что именно они должны стать нашей опорой на пути к рынку.

Так они и стали! Сорняку дали на равных состязаться с помидорами и огурцами. И сорняк закономерным образом победил. Что? Кто-то из мэнэсов пробился в олигархи? Без комментариев! Когда огурец или помидор побеждает сорняк, считайте, что он уже обладает всеми свойствами этого сорняка. Кроме того, все эти истории о пробившихся мэнэсах-одиночках очень напоминают рождественские сказки об американских чистильщиках сапог, ставших миллионерами. Реальная история американской элиты имеет мало общего с мифами об успешной чистке сапог.

Может быть, в этом соревновании был надлежащий моральный, культурный, экзистенциальный, просто человеческий, гуманистический арбитраж? А вы вспомните! Вы перечтите внимательно статьи той (самого страшного, что и этой) эпохи. Вы раскиньте мозгами! Вы сопоставьте! Вы не пренебрегайте анализом статей Н.Шмелева о пользе мафии. Вы вдумайтесь в смысл фразы А.Чубайса: «Наворовали, и ладно (заметьте: не "хватит", а "ладно"). Может быть, внуки станут порядочными людьми». Вы отдайте должное воспоминаниям А.Козырева: «Мы думали, чем заменить коммунистическую идеологию, поняли, что любая идеология приведет к тоталитаризму, и решили: пусть вместо национальной идеи будут деньги».

Деньги – отличная вещь. И никто не зовет назад, в натуральное общество. Но если деньги становятся национальной идеей, то это даже не город Желтого Дьявола. Это просто криминальное государство. Не криминализованное, а именно криминальное. А что, криминальное государство может быть великой державой? Оно вообще может быть устойчивым?

Когда и кому говорили то, что было сказано в России? Когда так издевались над людьми? Когда им в лоб заявляли, что новая элита – это элита воров?

Но если элита – элита воров, то почему все остальные не будут воровать?

А если все будут воровать, то это – криминальное государство.

А если это криминальное (не путать с криминализованным) государство, то кто будет его защищать? «Паханат» сам будет защищать себя с помощью своих летучих отрядов? От Гусинского с Березовским (то есть от других слагаемых того же самого) так можно защититься. На Ходорковского так можно наехать. А даже от боевиков из Чечни так уже не защитишься! Потому, что криминализованный солдат и криминализованный офицер будут сговариваться с чеченцами. И потому, что у традиционных (даже традиционно-набеговых) социальных групп есть фора по отношению к регрессивному криминальному началу. Тейпы, не тейпы, но что-то есть.

А если все это еще поддерживается извне – какие летучие отряды, мама родная? И что они будут защищать и зачем? Бабки они будут защищать свои воровские! И не через «грудью на дот», а совсем иначе. Матросов и Маресьев – не Федя Резаный и Вася Кривой. Бандитский нахрап – не державный героизм. Это все треснет под первым, даже средним, нажимом. Треснет вместе со всей страной. И никто – слышите! – никто не поднимется на защиту. Потому что нормальным людям,

нормальным патриотам предложат патологический выбор. Им предложат сдаваться или защищать паханат.

А что значит – защищать паханат? Людям скажут: «Вы идете с внуком по улице. Выскакивает наглец на "Мерседесе", сбивает внука, а вам орет: "Хиляй, а то и тебя пришью!"» Людям скажут: «Выбирайте: или сюда придет европейский чиновник, и тогда наглец на "Мерседесе", который сбил вашего внука, сядет и получит еще лишние пять лет за то, что он на "Мерседесе", или кучмовско-шеварнадзевский пахан совсем обнаглеет и начнет сбивать всех подряд».

Что вы скажете людям? Что ющенковско-саакашвилиевский паханат еще хуже? Так это не аргумент! И никогда это не отвращало людей от революции. Потому что логика революции – «сначала ЭТО уберем, а потом посмотрим. Придет еще худшее – опять уберем». И что вы противопоставите этой логике?

Я прекрасно понимаю масштаб катастрофического процесса. Я понимаю несоразмерность этому процессу многого из того, что у нас имеется. Но прежде, чем говорить о том, где можно искать источники для преодоления катастрофы, надо все-таки расставить точки над «i».

Прежде всего, надо еще раз вспомнить, как масса высокообразованных идиотов (прошу прощения за грубое выражение) бесконечно спорила о том, кем был нарком продовольствия Цюрупа. Наживался ли он на революции, как говорил Бунич, или был честным человеком и падал в голодные обмороки?

Правда, конечно, очень важна с точки зрения истории. Но все это до боли напоминает коллизию с огородами. Потому что любому вменяемому человеку было понятно, что главное не в том, о чем спорили. Не в том, голодал или жрал в три горла некий реальный Цюрупа (я-то считаю, что голодал). Но даже если реальный Цюрупа жрал в три горла, то дело не в этом. А в том, что революционный «цык» предъявлял народу, обществу, умиряемому хаосу образ голодающего Цюрупы. И в этом была высшая правда.

Большевики предъявляли массам, в виде позитивного идеала, наркома продовольствия, который падал в голодный обморок рядом с продуктами, но не воровал. То есть они предъявляли мораль, подымали ее на знамя. И за счет этого преодолевали сползание революционного процесса в анархию, в криминалку.

То же самое делали деятели Великой Французской революции. Кем был Робеспьер в реальности – это один вопрос. Историки спорили и будут спорить. Но обществу, взбаламученной революционной Франции

предъявлялся образ Неподкупного. Образ морали, жертвенности, высокого идеала.

То же самое делала Коммуна. То же самое делал Кромвель. Кто делал иначе? Алжирские пираты, создавшие криминальное королевство? Так чем они кончили? Тем, что их вырезали всех, под корень. Беспощадно и окончательно.

Сегодняшняя наша элита ведет себя на этот алжирский манер. Она нарушает все исторические прецеденты. Она непрерывно вещает, дует в каждое ухо: «Если человек, будучи рядом с продуктами, не кормит до отвала свою семью и падает в голодные обмороки, то он – идиот, чуль ли не мерзавец. А хорош он в том случае, если эти продукты хавают, не делая разницы между своим и чужим».

Такой антистандарт транслируется через телевидение, прессу. Пришел новый субъект? «Чик», желающий стать «цыком»? Он что, остановил этот процесс? Помониторьте телевидение всего один месяц, сосредоточьтесь только на центральных каналах. Посчитайте количественно семантику, конфликтно-сюжетную логику, логику противопоставлений и оценок. Результат будет чудовищным. Не можете это просчитывать? Не понимаете, что это такое? Учитесь! Превращайте «чик» в «цык»!

Не хотите – швыряйте страну на следующий аттрактор. Соучаствуйте в очередной катастрофе. И ни на кого потом не сетуйте, только на себя.

Страна не может жить, если основной предмет обсуждения всего общества состоит в том, кто, как, сколько, когда и от кого поимел. «Чисто конкретно», в миллиардах «зеленых». Страна не может мобилизоваться на защиту чего бы то ни было, непрерывно купаясь в полукриминальной и криминальной грязи. Может, ей нравится в этом купаться. Слаб человек и любит грязь. Но тогда ее надо из этой грязи вытягивать. А не конкурировать за то, кто лучше разместит хрюшку в луже и позволит ей сочнее хавать и хрюкать. Потому что если это хрюшка, то ее забьют. И вас вместе с нею.

Жизнь как-то возможна, если исподтишка берут взятки и время от времени за взятки сажают в тюрьму людей, которые «зарвались». Но нельзя выдвинуть взятку как норму. Нельзя, чтобы взятки открыто обсуждали в духе: «Раньше мы носили сумки с долларами, а сейчас таскаем чемоданы на колесиках. И в этом – главная разница эпох».

Нарастание таких тенденций в нашей реальной жизни несовместимо с жизнью. Если эти тенденции развиваются дальше, они сами эту жизнь уничтожают. А для того, чтобы изменить тенденции, нужен не лучший или худший царь, не лучший или худший вождь. Нужен

субъект в виде огромного количества людей, не зараженных этими тенденциями. И нужно, чтобы эти люди одновременно начали что-то этим тенденциям реально противопоставлять.

Признайте, что страна перешла черту. Это еще не смертный приговор, но уже очень тяжелый диагноз. Признайте это и делайте выводы. Защищайте не себя, не свои позиции и возможности, а некий шанс на спасение своего народа. Защищайте это – и тогда защитите себя. Начнете защищать только самих себя – вам конец. Начнете угрожать, что вместе с вами все развалится, только затянете петлю на своей и общероссийской шее.

Спросят: откуда возьмется нечто, способное переломить всеобщую криминалку? Откуда возьмется восходящее, если все нисходит? Откуда черпать силы, если всюду смрад? Что противопоставить регрессу, если он возобладал?

Не капитулируйте перед правдой, сколь бы горькой она ни была. И не прячьтесь в сладкую ложь. Да, вы перед лицом ситуации, почти не знающей прецедентов. И тем не менее прецеденты были. Да, революционные и контрреволюционные коллизии мы проехали (а то, что получим вместо них в ближайшем будущем, – это суррогат). Но есть и иная, позитивно-катакомбная, логика.

Вспомним пример христиан, вброшенных в исторический процесс в период распада Римской империи. Империя уже не имела тормозов, все тенденции в ней вели к тому, что она должна была быть уничтожена. Но вышедшая из катакомб группа, заряженная другим смыслом и сформированная иначе, успела встроиться в существующий государственный субъект. И – через катастрофу, через распад, трансформацию, через Бог знает что еще – удержала Рим для мира. Удержала как центр Запада.

В этом была огромная роль Ватикана. Я бы посмотрел, чем были бы государства раннефеодальной Европы, если бы не было Папы Римского. Какой бандитизм гулял бы по Европе, и чем бы это (в худшую сторону!) отличалось от того, что происходило при поздних монгольских ханах.

Значит, существуют исторические прецеденты, когда катакомбные формы спасают самые больные, самые разлагающиеся сущности во имя будущего, во имя Истории. Имея перед глазами прецеденты, как мы можем впасть в отчаяние?

На самом деле, есть и другие прецеденты. Каждый из них на вес золота. И далеко не все стоит обсуждать публично. Обсуждать надо, прежде всего, качество происходящего. Остроту и глубину нынешней социальной болезни. Надо признать, что болезнь зашла очень далеко, страшно далеко. Что резерв исторического времени действительно на исходе, а ситуация

только усугубляется. И что выход, реальный выход, при такой глубине болезни и травмы общества не в революциях, а в чем-то намного большем, намного более радикальном и более страшном.

Выход – по ту сторону спектакля. А революции при такой социальной болезни – это небезопасное комедиантство весьма специального толка.

ВЫЗОВЫ «СУРРОГАТНОЙ БАНАНОВОСТИ»

С тем, что огород пропалывать надо, мы уже согласились? С тем, что нельзя призывать к воровству сто-миллионную аудиторию, тоже согласились? Мы уже готовы признать, что Волга впадает в Каспийское море? А то, что бескровных революций не бывает, – это непреложная констатация или парадоксальная эксцентрическая гипотеза?

Идиоту никогда ничего не докажешь. Безглюкозный сахар... безбелковое мясо... бескровная революция... Если настоящая революция началась, она бескровной не будет. Она может быть более или менее кровавой. Вулкан не может извергнуть из себя холодную лаву, которая ничего не подожжет и не подомнет. Иначе это не вулкан, а фейерверк.

И тем не менее мы постоянно слышим: «Ах, какая замечательная, совершенно бескровная революция!» Я вам объясню в двух словах, что такое бескровная революция. Бескровная революция – это когда метрополия меняет власть в колонии или доминионе. И соответственно все названия, которые смакуют сегодня («оранжевая революция», «революция роз» и т.д.), имеют один общий первоисточник: «банановая революция».

Что такое, в своей основе, «банановая» (суррогатная) революция? Это ситуация, когда на улицы выходит толпа, а власти говорят, что они не могут, не имеют права применить свой репрессивный аппарат.

Толпу в колониальной стране можно вывести на улицы всегда, потому что в любой колонии почти все недовольны всем. Чуть-чуть проплатили кому надо – и вывели толпу. А затем диктатору говорят: «Хуан, Родриго или как тебя там, твое время кончилось! Не стреляй, а то плохо будет!» И диктатор, у которого руки по локоть в крови, вдруг начинает проявлять человеколюбие: «Я не могу стрелять! Как же я буду стрелять в свой народ!»

Толпа бушует на улице, диктатор отказывается приказать стрелять, а затем быстро сваливает куда-нибудь с большими чемоданами. Наверное, в них он везет сочинения Поппера, Хабермаса и других о демокра-

тии и открытом обществе. А может быть, алмазы или доллары ...но не буду так гадко думать об этом милом диктаторе.

Меня роднит с Асланом Абашидзе то, что он увез из Аджарии на самолете свою любимую собаку (я очень люблю собак). Меня не роднит с ним то, что он бросил под нож следующего режима (поверьте мне, совсем не вегетарианского) своих друзей и соратников. Что его любовь оказалась избирательной любовью только к собаке (и к отдельно взятым близким), а не к своей команде.

Если человек имеет миссию, претендует на «цык» и хочет вернуться, он вывозит команду... и – собаку тоже. Я очень люблю собак... И уважаю тех, кто их любит... Но если думаешь о «цыке» (а если не думаешь – не лезь во власть!), то надо вывозить (и любить) не только собак и близких. И это еще одно отличие «цыка» от «чика». Скажете, незамысловатое отличие? Ой ли!

Но почему очередной жестокий диктатор будет так «мирно сваливать» из своей страны? Потому, что ему сказали: «Освободи место. И не стреляй, стрелять нельзя!» А почему теперь нельзя, а раньше можно было? Пиночет что, не стрелял? Или Дювалье? Или шах Ирана? Они что, вдруг все стали толстовцами? В них проснулись совесть и народолюбие?

Боюсь, что мы зря здесь будем искать элементы моральной логики. Логика тут есть, но другая. Банановая. Метрополия напрямую объясняет «банановому» диктатору, что ему надо сваливать (называются причины или нет – не суть важно). Диктатор может просто послушаться. А может не послушаться и захотеть «рыпнуться».

Если диктатор дурак, «не рубит фишку» и не понимает, что ему пора сваливать, то представители метрополии договариваются непосредственно с конкретными силовыми структурами доминиона. И эти структуры вышибаются из-под диктатора, как стулья, на которых он рассчитывал усидеть.

В 1991-м году один патриотический писатель мне рассказывал: «Ты не думай, Грачев – наш, он порвет этих демократов, он их ненавидит!» Так хотелось верить! Но не зря говорят, что многие знания умножают скорбь. Я не знал тогда и сотой доли того, что знаю сейчас. Но кое-что я все-таки знал. Я успел поездить по «горячим точкам», набрал какой-никакой аналитический и информационный актив. И я верил не писательской патетике, а данным этого актива. А актив этот просто, сухо, устало и иронично повествовал о том, когда, кому конкретно, на какой, образно говоря, лавочке, кто именно из вполне уже «обананенных» (и оболваненных) силовых боссов рапортует и присягает.

Конечно, не только эти присяги решали суть дела. Ненависть развал Союза и не имея (ни тогда, ни сейчас) никаких предрассудков по поводу недопустимости силовой защиты от деструкции, я постоянно (публично и непублично) предупреждал апологетов «чика», не понимающих роли «цыка», что в танках сидят солдаты, читающие журнал «Огонек». Что для победы нужно выиграть информационную войну и что ее можно выиграть. Но «чик» считал себя самодостаточным... Неужели и сейчас эта «чиковость» ничему не научилась, ничего не поняла, не обрела хоть чего-то принадлежащего сфере настоящего «цыка»?

Но пропаганда, нацеленная на разложение и ценностную перевербовку силовой низовки, не исчерпывала сути происходящего. Другой, более высокий, контингент имел другие мотивы для неожиданного обнаружения в себе толстовской, гуманистическо-пацифистской сути.

Человек – глубочайшая тайна Вселенной. Мало ли кто и что может в себе неожиданно обнаружить? Но все-таки мне почему-то кажется, что люди, тренированные на убийствах (например, тех своих, кто неожиданно окажется на их пути при осуществлении особых заданий), не превращались вдруг из Савла в Павла, а банально присягали на «банановый» манер. Что они уже знали, кому и как следует присягать.

И если бы кто-нибудь в ГКЧП сошел с ума настолько, что отдал бы команду стрелять, то эти люди, мгновенно превратившись из мордоворотов в алёш карамазовых, не смогли бы переступить через «слезу ребенка»... Даже если этого ребенка зовут, например, господин Бурбулис. И то ведь – ну, не может человек убивать, его по этому принципу отбирали в спецназ. По наличию аллергии на всяческое кровопролитие. Долго искали, находили того, кто ну никак не может выстрелить в человека, и только его и брали в спецназ... Такая у нас была, видите ли, кадровая политика...

Если без шуток, то, с оговоркой на возможность очень эксцентричных и маловероятных личностных трансформаций, я утверждаю, что в большинстве случаев обнаружение в каком-то вполне оголтелом силовике непреодолимого отвращения к кровопролитию означает, что он уже конкретно «взял». Столько-то и на такой-то счет. Или его хозяин «взял» (конкретный хозяин, батя, которого он должен слушать – иначе ему хана). Или его конкретно «взяли за одно место» и показали, что все им наворованное (вот тут-то и обнаруживает себя гнилая суть криминального государства) находится на таких-то счетах. И будет тут же изъято, если он срочно не обнаружит в себе вышедших из подсознания пацифизма, народолюбия etc.

Такой тип управления я когда-то назвал счетократией. Когда профессионально занимающийся убийствами человек говорит: «Не могу

убивать. Люблю Толстого, Моцарта, а чтобы из автомата стрелять – никогда!», это значит, что у него на определенном счете появилась или выросла определенная сумма. Это Альфа и Омега всех «банановых» революций.

Если «банановый» диктатор «рубит фишку» и понимает, что «раз велено – надо сваливать», то его «боссов "чика"» можно и не перекупать. Он сам прикажет этим боссам сложить оружие и превратиться в паинек-пацифистов.

Если же диктатор уперся, то перекупаются «боссы "чика"»... или же ключевые подчиненные этих боссов... Схема может ветвиться, усложняться. Но суть от этого не меняется. Воровская пластичность – квинт-эссенция всех «банановых революций».

Все, что будет происходить в России, будет столь же «банановым», как и все, что произошло в Киргизии или на Украине. Потому что основополагающие параметры «колониальности элиты» у нас и в Киргизии одинаковы. Это не значит, что мы – Киргизия. У нас есть все для того, чтобы к нам никакой хозяин не сунулся. Все, кроме одного. Кроме того, что составляет суть «цыка».

А суть его – в способности обеспечить иной, не воровской, не тварно-потребительский тип мобилизационной готовности. Суть «цыка» в том, что он преодолевает коллизию счетократии.

Мы от этого страшно далеки. Элита нашего «чика» ничуть не менее гедонистична, чем какой-нибудь ею особо презируемый олигарх. Она так же, как этот олигарх, превыше всего ставит свои удовольствия. А раз так, то и счета в зарубежных банках, обеспечивающие эти удовольствия. А раз так, то и хозяев этих счетов, способных в один момент отнять то, что составляет фундамент этих невероятно ценимых удовольствий.

У нас много говорят про отдельных «оборотней». Я ничего не хочу утверждать, никого не хочу демонизировать – я просто предлагаю логическую дилемму. Эти «оборотни» начальникам «отстегивают» или нет? Если «отстегивают», то есть хотя бы криминальная вертикаль. А если не «отстегивают», то вертикаль поломана. И внизу этакая самоуправляемая кримсистема, выходящая на другие подобные системы (тут без разделения труда и кооперации не обойдешься), а наверху беспомощные начальники.

Если мы имеем дело с первым сценарием, то управляемость сохраняется. Однако это очень специфическая управляемость. Гейдар Алиев недаром говорил: «В Азербайджане одна мафия – моя». Но даже он ошибался.

А если мы имеем дело со вторым сценарием... то... в каком-то смысле это еще печальнее. Предположим, что Алиева сменил Везиров, и предположим, что Везиров «не берет»... Ну и что? А то, что раз Везиров «не берет», то он и не управляет «берущими» милиционерами и гэбэшниками. То есть под Везировым находится структура управления, которая криминально самоорганизуется. А он... Он наверху, но чем он управляет? Самим собой? Своим секретарем? Пресс-службой?

Он же не Петр и не Ленин, он не принес с собой смысловое поле и цементируемый этим полем кадровый резерв. Он не «ччик», не «цык», а так себе... Он чужд криминальному мотиву, но криминальный мотив остается доминирующим в системе управления, для которой он шут гороховый.

Криминальный мотив доминирует... Согласившись с этим, мы не можем не спросить себя, на что этот мотив замыкается? Он замыкается на счета в Швейцарии, Люксембурге, оффшорах. У этого всего есть хозяева. Соответственно, хозяева осуществляют перехват системы управления. Они не только мотив замыкают на себя, они одновременно с этим замыкают на себя и алгоритмы управленческих действий.

Как это делается – общеизвестно. К мотиванту приходят и говорят: «Извини, но, если твое поведение будет неверным, мы не сможем удерживать прокурора. Мы-то хотим всё сделать хорошо, но международный прокурор Карла дель Понте взбесилась (наверное, на возрастной почве) и хочет всех сажать. Она роет и роет, а у нас демократия, и мы ее остановить не можем. Мы ее пока держим, но она возбуждается оттого, что ты не сдал сербов. Сдавай их, быстрее, а то она дорвет до главных сюжетов».

А что, не так? Жил-был имярек с амбициями. А тут еще плохое настроение, то, се. К имяреку пришел возбужденный военный, стал кричать, что гибнет русская честь, Сербия гибнет, наш союзник, надо нашей мощью воспользоваться... Амбициозный имярек чуть было не захотел воспользоваться. Но тут, с одной стороны, вмешались близкие люди, стали рвать на себе одежду, кричать, что он не в себе.

Однако это бы ладно. Ан заодно возьми и всплыви «дело Мабетекса». И эта самая ужасная Карла дель Понте, которая до сих пор «копала» в другую сторону, вдруг начинает «копать» именно в эту сторону. И как копает! Уже почти дорылась!.. Тут уж не до Сербии...

Может я усугубляю, как вы считаете? И то ведь, режиссерское воображение... Этот самый, как его... артистизм...

Штаб Ющенко, как вы, наверное, знаете, состоял из людей с Восточной Украины. Я подчеркиваю: с Восточной, из Харькова, а не с За-

падной. Сидит этот штаб (считайте, что я в силу своего артистизма вижу такой сугубо артистический сон) и думает, кто будет конкурентом Ющенко – Тигипко или Янукович? Им понятно, что Ющенко не может выиграть выборы у Тигипко. Они непрерывно звонят Пинчуку: «Янукович, нам нужен Янукович!» Наконец, им говорят: «Будет вам Янукович». Штаб Ющенко кричит: «Ура!»

Между прочим, вы предположите только, что все разговоры о том, что Мельниченко прослушивал Кучму по поручению Марчука, имеют под собой почву. Тут, имея воображение, можно далеко пойти, руководствуясь артистическими фантазиями. Тут можно сказать: «Кто писал треп пьяного дурака, тот потом под этот треп и акции нужного формата выстраивал». А те, кто об этом знал и мог струхнуть, поплатились. Вполне «банановая» спецлогика.

«Чики» могли бы задуматься о собственных перспективах. А также о том, что настоящий «цык» не может быть записан по двум причинам.

Во-первых, потому что «цык» «пишет» других, а не они его.

Во-вторых, потому что «цык» своему языку никогда воли не дает. Пиши, не пиши – все будет пристойно, красиво, как в официальном докладе на пленуме.

Но ведь хозяину и нужно, чтобы был «чик», а вовсе не «цык». И вот тогда «банановый» шабаш приобретает всеобъемлющий, тотальный характер.

Сплю я и вижу во сне, что Марчук, Пинчук, Кучма сдавали всё политическим конкурентам Януковича. Что и Марчук, и другие боссы «чика» уговаривали конкретно чикающих «не дергаться».

А потом вдруг сны подтверждаются. Есть, например, подробное описание в зарубежной прессе того, как неадекватный командующий Внутренними войсками хотел «дернуться» и как все украинское ГБ останавливало этого командующего, «не рубящего фишку».

Но к этому все не сводится. У «банановых» процессов своя логика, свой внутренний стиль. И потому Ющенко давали лучшие помещения и прайм-тайм на телевидении. А ющенковцы орали: «Нас душат! У Януковича административный ресурс!» Фига, а не ресурс!

Именно Янукович был нужен в качестве соперника сторонникам Ющенко. И потому он был. И был ровно в том качестве, в котором был нужен. Как Зюганов – для Ельцина. Нужно было, чтобы Зюганов сам себя выдвинул против Ельцина. Это был единственный шанс Ельцина выиграть выборы. И Зюганов сделал ровно то, что нужно было для выигрыша Ельцина. Это и есть «банановая» логика, «банановый» стиль.

Протрите глаза! В нужный момент Янукович должен был упустить свой главный шанс. Конкретно, он должен был сказать, что не станет выводить против «оранжевой» улицы Ющенко другую, свою улицу.

Ленин мог что-нибудь подобное сделать? Кастро, Хомейни, Чавес? Когда тебе навязывают «банановый» сценарий, единственный ответ – национальная революция. Ах, она тебе не по зубам! А какого хрена ты вообще полез в эту кашу? В «банановой» логике ты статист. Тогда не лезь вообще! Ты что, бабки взял за роль статиста? Ах, ты бесплатно? Ах, ты еще сам заплатил? Ну, это, знаете ли, совсем... Моя знакомая по деревне Шигары в подобных случаях говорит: «Одна романтика!» Вы, кстати, во что-то подобное верите?

Может, я совсем уже, того, «деромантизировался», но правду-то я обязан сказать. Я не верю. Хотите – верьте. Но я, я лично, не поверю ни в какой романтизм этой, действующей, тертой, вполне реалистичной элиты. Плоть от плоти которой является господин Янукович.

Но это, в конце концов, детали. А главное: если «чик» не перейдет в «цык», то все, что мы будем обретать на наших постсоветских просторах, это «банановый» сценарий с национальной спецификой. Где-то «революция» эта будет «березовой», «рябиновой», «ракитовой» – толку что? По сути, она все равно будет «банановой».

Если есть счетократия, если все вертится вокруг колониального «чика», то вывести на улицы 200 тысяч человек всегда можно. А «чиковая» счетократия начнет толстовствовать, как только ей надавят на самое больное – счета.

Главные вопросы заключаются в том, как поведет себя репрессивный аппарат (пункт № 1) и сам диктатор (пункт № 2). Если они начнут стрелять, толпа на улице будет сметена и разбежится по углам. Но они не будут стрелять, потому что обнаружат в себе счетократический приступ острого пацифизма и непреодолимое стремление к тому, чтобы немедленно и категорически возлюбить мир во всем мире. Вот и все.

Киргизия, Казахстан и так далее – какая разница? Выявляют счета начальника и сообщают ему об этом, выявляют счета основных силовиков и сообщают им об этом, и начинают переговоры... И находят достаточное количество тех, кто ради счетов продаст все. Это и есть криминальное общество.

Кто-то считает, что оно жесткое. Извините! Оно очень избирательно жесткое. «Молодец против овец, а против молодца сам овца». А как иначе может быть? Деньги – всё. Но наши «деньголюбы» не протестанты и не скупые рыцари, не шейлоки эти самые. Им деньги зачем нужны? Для удовольствий.

Как это называется? Это называется гедонизм. Точнее – гедонистический консенсус. Общая формула – этот консенсус плюс криминальный мейнстрим.

Гедонистический лозунг в том, что жизнь – это сумма удовольствий. Что все хотя бы вкусно кушать, роскошно жить, шикарно одеваться, отдыхать на престижных курортах et cetera. Где именно кушать? В зарубежных ресторанах. Где именно роскошно жить? На зарубежных виллах. Где именно шикарно одеваться? У этих, как их там... кутюрье... Где именно отдыхать? На зарубежных курортах. Где именно, вообще-то говоря, жить? Там, у них. Соответственно, там нужны дома и все остальное. Для этого требуются весьма немалые деньги. Их что, налом возьят с места на место? Никто такого нала не примет. Значит, нужны зарубежные счета.

Вот вам и крючочек! Пожалуйста! Ведь наш гедонист – это не какой-нибудь Мэллон XXV! Он деньги под свой гедонизм как зарабатывает? Согласно вышеприведенной формуле про мейнстрим. Криминальный мейнстрим – это не наукообразие. Это значит, что немалые деньги под совершенно необходимые удовольствия добываются воровством. Потому что столько денег добыть больше нельзя ничем. А, как известно, всякие там цюрупы... И пошло, и поехало.

Значит, достаточно получить информацию про криминальность фигурантов (это проще простого), и крутой паханат с его гедонистическим консенсусом как овечка. Смирненький, тихонький, пластичный донельзя.

Пока есть гедонистический консенсус и криминальный мейнстрим, мы «банановая» страна самого низкопробного качества. Нас это не устраивает? Тогда нам надо изменить консенсус и мейнстрим, то есть общество. Если «банановость» останется, власть будет сметена. Если власть не хочет быть сметенной, она должна изменить тип общества.

Только не надо воплей: «Все на защиту того, что есть!» То, что есть, защитить нельзя. И мобилизовываться на защиту этого просто бессмысленно. Потому что при таком обществе любой механизм мобилизации будет парализован.

Потому что при таком обществе нельзя защитить власть, если хозяин решил ее поменять. Потому что при таком обществе можно только изображать из себя особо продвинутый обком при ихнем ЦК. То есть интриговать, разводить, коррумпиловать, юлить, получать мандаты и ярлыки, сдавая других. Но тут, сколько веревочке ни виться, конец один.

А с того момента, когда хозяин примет решение, центр процесса будет находиться в посольстве этого хозяина. Действительная власть будет находиться там и только там. И все потечет оттуда: управляющие сигналы, потоки денег, указания по ликвидации, информационные и идеологические импульсы – все.

Хотите удержаться – замените «чик» «цыком». Свои «наезды» – стратегией. Это не значит, что «наезжать» нельзя. Я не ханжа и понимаю структуру интенций, мотиваций, подходов и алгоритмов. Но я также понимаю, что без замены «чика» на «цык» весь этот норов гроша ломаного не стоит.

Никто меня не полоскал так, как СМИ Гусинского, особенно Киселев на НТВ. И случилось так, что я оказался рядом с одним из организаторов «посадки» Гусинского в тот момент, когда ему позвонили и сообщили: «Гусинский арестован». Он, этот человек, меня спрашивает: «Ну, как мы его, а?»

Я говорю: «Не знаю».

– Почему не знаете? Гусинский – враг России!

– Я пока не знаю, я хочу посмотреть, кто будет рулить НТВ вместо него.

Через некоторое время на НТВ вместо Киселева появляется Савик Шустер. Шустер – мягкий, интеллигентный человек и в этом смысле приятнее Киселева. Разница в том, что Киселев – из КГБ, а Шустер – из ЦРУ. То есть произошла замена сколь угодно гнилого своего (которым, если захочешь, понятно, как управлять: он на подписке, у него кураторы и т.д.) на чужого (или двойного, что в нашей ситуации то же самое). А чужим управлять вообще нельзя. То есть им управляют другие.

Теперь ответьте мне на вопрос: «банановость» увеличилась или уменьшилась вследствие такой кадровой замены? Меня ведь это интересует. А наш совокупный «чик»? Он понимает, что при подобной логике замен он чикнуть не успеет, как его сметут по чужим заданиям. И что ж он творит-то? Почему проявляет такую суицидальную ориентацию?

Спрашивают: «А что вы предлагаете, что можно было сделать?»

Отвечаю, что можно было сделать.

Можно было никого вначале не трогать. Но в соответствующем месте собрать альтернативный информационный актив и сначала просто его обучить. Актив – это 100–150 человек (ведущие информационных программ, режиссеры базовых передач, держатели ключевых узлов информационной инфраструктуры и так далее).

В «час Ч» тихо и без скандалов можно было, при желании, заменить информационный актив. И проводить принципиально новую информационную политику. С ориентацией на другое общество, другую страну. Весь вопрос в том, насколько был бы эффективен новый мессидж, чем он был бы подкреплён в реальности. То есть каков бы был «цык» – не информационный, а совокупный.

Может быть, это дало бы новое качество. А может быть... Может быть, все общество послало бы это все на три буквы и захотело бы сохранить свое свинство, грязь, хрюканье, мейнстримы, консенсусы... Если это было бы так (а я не верю, что это было бы так), то надо было бы застрелиться. Не чикать, а пустить себе пулю в лоб. А вот если отклик был бы достаточный и кто-то начал бы подымать свои банды для того, чтобы поломать новую, их не устраивающую тенденцию, тогда можно было бы чикнуть как угодно, желателью минимально, но эффективно. Однако обязательно – имея и предъявляя свой новый «цык».

Сажать Гусинского... не сажать Гусинского... сажать Ходорковско-го... не сажать Ходорковского... Центр сегодняшней власти – телевидение. Это нынче те самые «почта и телеграф». Взять власть в современную эпоху – значит сменить и контролировать информационный актив, прежде всего именно телевизионный.

Почему этого не сделали? Тут есть две причины, которые необходимо осознать в полной мере.

ЕЩЕ РАЗ О СТРАТЕГИИ И ИДЕОЛОГИИ

Первая причина состоит в том, что смена информационного актива предполагает выход за «банановые» рамки. А на это никто не осмеливается.

Вторая причина, что это предполагает все тот же переход от «чика» к «цыку». И это невозможно без преодоления рамок других: личностных, ментально-поведенческих, корпоративных. Это предполагает, в свою очередь, применение процессинговых, трансцендентирующих технологий. И тут страх перед «хозяином» соединяется с амбициозностью – и все это обрушивается на любое трансцендентирующее начало.

Скажете – слишком сложно? А что тут сложного? Любой профессионал знает, что нельзя управлять активом (и даже руководством) телевидения и газет с помощью непрерывного потока директив. Актив должен сам рулить. А для этого он должен знать, в какую сторону рулить. То есть невозможно вести информационно-психологическую вой-

ну без идеологии и без стратегии. Как только идеологии и стратегии нет – все! Любой информационный актив разваливается.

И только ли информационный актив разваливается? Возможна ли вообще эффективная кадровая политика без стратегии и идеологии? Мы ведь не в исламском мире живем, у нас нет узаконенного многоженства, и ни у кого из нас нет 100 – 150 детей. Кроме того, мы знаем, что там, где все это есть, эти дети режут друг друга, а не образуют единый актив семейно-кланового типа.

Но допустим даже, что детей много и они друг друга не режут. Но их всего 150, а не 10 тысяч. И знакомых у нас, в лучшем случае, человек 50. Причем и среди детей, и среди знакомых явно не все такого качества, что им можно доверить сложные задачи управления.

Во всем мире у крупного политика, главы государства, бывает закрытый «теневого кабинет» из идейно близких к нему людей. У Рейгана был какой-нибудь «сигарный» кабинет. Тут решает близость. И в этом нет ничего плохого. Но это узкая группа, а не исполнительная вертикаль.

Административный актив таким способом не наберешь. Тогда каким способом его набирать? Кто-то тут изобрел что-то, кроме понятия «единомышленники»? Если нет идеологии, стратегии – какие единомышленники? Консолидированную банду так не создашь, не то что кадровый потенциал, который должен вытягивать такую неуклюжую телегу из такой ужасной трясины.

Скажите, кто-нибудь из присутствующих смотрел телепередачу «Русское порно»? Зря не смотрели, посмотрите! «Русское порно» – это не просто порно. Это порно, целенаправленно снимаемое в сакральных точках русской культуры. Например, на крейсере «Аврора»! В момент оргазма барышня дергает за веревочку, и раздается выстрел крейсера «Аврора». Вам понятно, о чем речь? Это что, порно? Это десакрализация, ломка стереотипов, война против символов. А ведь там не только «Аврора». Такое же порно у памятника Петру I и в других, не менее сакральных для России местах.

У меня на семинаре недавно были представители экспертного сообщества Израиля. Я их спрашиваю: «Скажите, может ли быть такое еврейское порно, чтобы групповик – у Стены плача? Что будет дальше? Арестуют или разорвут раньше, чем успеют арестовать?» Самый уважаемый мною эксперт ответил: «Надеюсь, что разорвут на части раньше, чем арестуют. Если нет, я эмигрирую из страны».

После таких вещей, как «Русское порно», мне будет кто-то говорить, что это просто соревнование огурцов с сорняками? Идет прямое подыгрывание каждому сорняку!

Казалось бы, достаточно просто приравнять сорняк к огурцу – и вырастет сорняк. Ан нет! Поскольку есть страх, что все-таки вырастет огурец, каждый отдельный случай «огурца» еще и «мониторят». И всех, кто пытается выращивать огурцы, ставят в максимально неблагоприятные условия.

Я должен собственным трудом зарабатывать на то, чтобы делать сложный театр. А Большому театру, где ставят сорокинских «Детей Розенталя», собираются выделить на реконструкцию миллиард долларов.

Не понимаю, зачем вообще публично оперировать цифрами. Можно строго сказать: «Представьте смету, она будет проверена и удовлетворена». Зачем злить голодную страну миллиардом долларов? Зачем нужно, чтобы высчитывали, сколько это будет за квадратный метр? И обсуждали все вопросы, лакомые для сегодняшнего криминального общества?

Но, в конце концов, ради торжества некоей высокой культурной нормы можно заплатить огромные деньги. Но тогда не говорите сколько, а говорите за что. Вы же платите эти огромные деньги. Вы имеете право спросить: за что? Вам ведь должно быть не все равно!

Отремонтировали Большой театр, отделади по экстра-классу и... И показали там «Детей Розенталя»? То есть Сорокин – это у нас флагман культурной политики? Если Сорокин – флагман культурной политики, то это политика акультурации собственного населения, превращение его в скотов, в быдло, в мразь.

И мне тогда уже все равно, на сколько процентов увеличился ВВП. Потому что если Сорокин – флагман культурной политики, то общество, которое здесь будет, – бордель, и ничего больше. И меня не интересует, как вырастет ВВП борделя. И какие ракетные установки поставят на его крышу. Потому что никакие ракетные установки бордель не защитят. Бордель вообще не может сопротивляться. Потому что Сорокин как флагман (и просто как допустимая, государственно поддерживаемая возможность) – это не вытаскивание людей из грязи, а затаскивание их в грязь. Достоевский по этому поводу говорил: «Обратитесь в хамство, гвоздя не выдумаете».

Все понимают, что «Дети Розенталя» – это культурная политика «банановой» страны. Кого-то это радует. Кто-то это сосредоточенно ненавидит. Но культурная политика – это вообще переход от «чика» к «цыку». Для «цыка» это суперважная вещь, для «чика» – жалкая тусовка на периферии сознания.

А раз так – «банановость» будет расти. А если она будет расти, что можно защитить? Предположим, что хочешь защитить власть, понимая,

что будет хуже. Но как это можно сделать? Только превращая «чик» в «цык». А это нельзя навязывать. Это должно быть выстрадано и понято.

И ведь это касается не одних «Детей Розенталя» или «Русского порно». По телевидению – один сериал за другим. То ГРУшники возят тоннами наркотики и убивают мужчин и женщин, то ФСБшники. Это что – мобилизация, создание аттрактивного позитивного образа?

Помимо прочего, уровень режиссуры и актерской игры в этих сериалах таков, что у любого культурного человека возникает единственное желание – «выключить ящик», чтобы это не видеть и не засорять мозги. Мне говорят: «Это естественный процесс: вор в законе хочет видеть свою любовницу по телевизору, он платит деньги, а те берут. А любовница не умеет в кадре стоять, ходить и говорить». А представьте себе, что вор в законе выдвинет новую Чурикову. И бабки заплатит за нее. Ее возьмут? Ой ли!

Я убежден, что имеет место не только органический процесс (то есть предложение на равных соревноваться сорняку и огурцу), но и процесс специальный. Дело не только в дефиците вкуса у воров в законе. А в том, что если вор в законе проявит высокий вкус, его, вполне вероятно, «шлепнут». Я не шучу.

С одной стороны, мы видим политику настойчивой, навязчивой акультурации нашего населения (каждый день просмотра телевидения об этом просто кричит), а с другой, – слышим непрерывные разговоры о великой державе. О какой великой державе? О великой державе, в основе культурной политики которой оказываются Сорокин и «рашн порно»? Кто-то считает, что можно поместить все это в фундамент культурной политики и иметь великую державу?

Ни в какую органику этой тенденции я не верю. Повторяю: сама апелляция к органике провокационна. Вытащить человека из грязи гораздо труднее, чем толкнуть его в нее. Но ведь толкают, не полагаясь на то, что тот и так выберет грязь.

И для таких выводов мне не надо читать конспирологические записки, достаточно включить четыре главных телевизионных канала и посмотреть, что по ним идет в прайм-тайм. Для этого достаточно знать, что, когда автора и хозяина «Русского порно» пытались привлечь к суду, местные «народные избранники» заявили, что это не порно, а «жесткая идеологическая эротика», и триумфально оправдали обвиняемого! «Идеологическая эротика!» То есть те, кто оправдал, реально понимают, что это идеологическая атака, что удары наносятся именно по сакральным точкам! Тогда зачем гимн: «Россия, великая наша держава»? Какой вкладывается смысл в сей оксюморон?

Я не хочу бесконечно метать громы и молнии и обсуждать то, что, с моей точки зрения, достаточно очевидно. Но я не могу и игнорировать очевидное.

Страна больна и погружается в тяжелейшее состояние, но ее не только не выводят из этого состояния, а все глубже, глубже и глубже в него затягивают. Делают ли это стихийно или сознательно, из предрасудков или по злостности, одни так, другие иначе, но погружение в болезнь продолжается. И корень проблемы в том, что почти вся действующая элита находится в криминальном мейнстриме и гедонистическом консенсусе. В этом состоянии нельзя ни управлять, ни (внимание!) удерживать власть.

Между прочим, Петр Первый это хорошо понимал, когда создавал свои потешные полки. Он понимал, что ему нужен собственный вариант «катакомб», что ему нужно, чтобы из его «параллельной системы» вышел его новый актив. И он вполне осознавал, какой ему требуется актив. Есть такие понятия: «новый призыв», «революция сверху», – Петр это понимал, и это сейчас вполне актуально.

Но, если под флагом «смены актива» кто-то хочет «срубить» на российской нефти или чем-то другом больше, чем «срубил» сейчас, не надо считать, что все вокруг дураки. Сегодня уже очень многие в стране могут отличить реальное намерение исправлять что-то в обществе от «крышевания» благородными декларациями криминальных операций и хватательных рефлексов. Россия уже достаточно изошрена, и она на это не «купится».

Хотите говорить с обществом – говорите всерьез и не считайте, что за вас пиарщики все сделают. Пошлите серьезный честный мессидж. Если живая часть России на него откликнется, может, будет поддержка. А может, ее уже не будет: с каждым месяцем шансов на это все меньше. Потому что мы живем «в ситуации Бишкека». И если мы в этом себе не признаемся, то просто прячем голову под крыло.

ПЕРСОНАЖИ В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Я не могу уходить от злобы дня. Но не могу и все подчинять этой злобе дня. Если мы хотим копить силы для прорывного выхода из сложившейся ситуации, если мы отрицаем свой «банановый» статус, то на повестке дня должна быть и подлинно стратегическая проблематика. Причем такая, которая имеет, в полном смысле слова, общемировой характер. И одновременно замыкается на нашу большую реальность. Иначе – зачем она?

Я позже объясню, какое это имеет практическое значение. А пока давайте рассмотрим следующую модель (рис. 1).

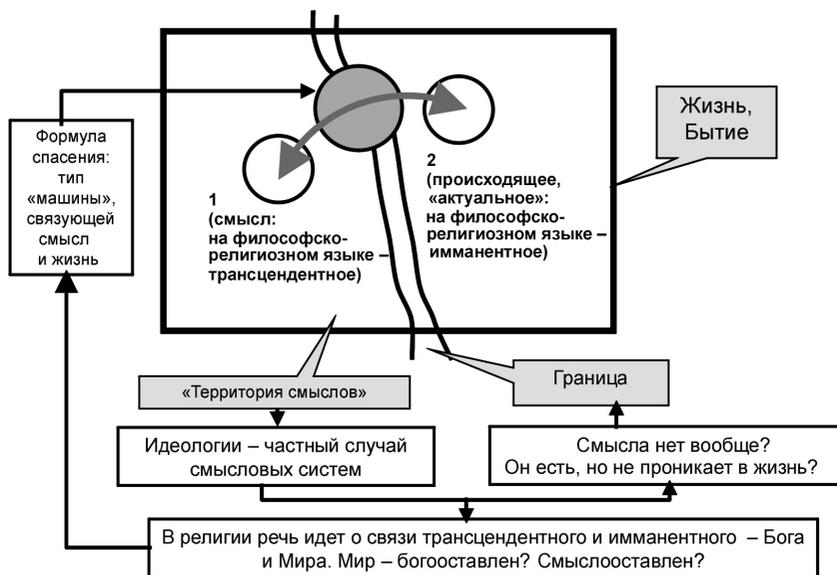

Рис. 1

В нормальной жизни всегда есть территория смыслов и территория всего остального, «происходящего».

Смыслы могут что-то значить, то есть влиять на происходящее, или же являться «смыслами в собственном соку» (если хотите, это вопрос о соотношении идеала и действительности).

Почему сегодня этот вопрос имеет глобальную актуальность? Потому что сегодня все менее понятно: а есть ли «территория смыслов», открытая происходящему? Остались ли вообще смыслы, которые что-то значат?

Из российской жизни они в значительной степени изъяты (вспомните соревнование овощей и сорняков, «Русское порно» и вообще наше телевидение, «Детей Розенталя» и прочее).

Но если смыслы есть, как отвечает мир на сопряжение двух территорий: одной – всего происходящего (конкуренция за ресурсы, энергоносители, финансовые потоки и т.д.) – и другой, вот этой скромной территории смысла? В мировой философской практике это называется

«трансцендентное» и «имманентное». Или, говоря проще, смысловое и все остальное. А между ними – граница.

Что же такое «территория смыслов» (а идеология – это частный случай смысла)? И что значит «граница»? Если есть граница, значит ли это, что в происходящее из смысловой зоны ничто не приходит? Как вообще смысл проникает в жизнь? Как он течет в происходящее у каждого отдельного человека и у всех нас вместе? И почему мы – общество, если вдруг смысл из трансцендентного в имманентное не течет?

В действительности, в нормальной общественной системе между «территорией смысла» и происходящим есть какой-то мост, по которому смысл переключивается из своей собственной области в актуальную жизнь и обратно. И этот тип «машины», связующей смысл и жизнь, этот способ соединения трансцендентного и имманентного в религиозных системах называется «формулой спасения».

Причем в разных религиозных системах она разная. Протестантизм увел трансцендентное в бесконечность, заявил, что имманентный мир богооставлен и что спасение – дело личного отдельного подвига. Православие же, напротив, говорит, что во всем имманентном присутствует трансцендентное, что инобытие есть везде в бытии.

В таком тезисе налицо риск впадения из теизма в пантеизм. И потому в православии внимательно разбирали, как именно трансцендентное размещается в имманентном. В связи с этим Карсавин, например, строго различал пантеизм и панентеизм. Но в религиозной системе трансцендентное, в любом случае, кочует с «территории смыслов» в жизнь.

Что, с этой точки зрения, есть современный мир? Не обязательно мы, а весь мир, потому что мы не поймем себя, не поняв других. В религии речь идет о связи Бога и мира: богонаполнен мир или богооставлен? А в идеологии он что, смыслооставлен? Что такое в нем смыслы? (На религиозном языке – благодать.)

Ответы даются разные. Самый грубый вариант – смыслов в нынешнем мире вообще нет. Более мягкий вариант – мир есть «музей смыслов», которые уже не проникают в бытие. В моем спектакле «Изнь!» есть метафоры: «Рай» и «Зона Ч». «Рай» – это западный «культурный зоопарк», место, где смыслы есть, но они в нем не тигры, а кошки, не «живые бомбы», а безопасные экспонаты. Они обезврежены.

Это и есть мир постмодерна. Неправда, что мир постмодерна – это мир без смыслов. Мир постмодерна – это мир смыслов, которые приручены. Они уже не жгут того, кто с ними соприкоснулся, не мотивируют поведение, не мобилизуют личную и социальную энергию, а существуют так, для декора.

Итак, в России вообще грубо изъяли из жизни смысл. А на Западе что сделали? Там его постепенно превращают в музейные экспонаты. И, по большому счету, я не знаю, что лучше.

Конкретная беда нашего нынешнего варварства, которую я обрисовал, вписана в мировой контекст. И это ставит проблему: какая-то идеология, какой-то смысл – релевантен или нет? Он как-то действует, кого-то активизирует? Люди способны им жить? «Идеи становятся материальными силами, когда овладевают массами», – так говорил Ленин, и это вовсе не потеряло актуальность. Так вот, сегодня идеи в принципе этими массами овладевают или нет? Становятся ли идеи материальными силами? Если становятся, то смыслы – это тигры, а если не становятся, то это кошечки, желательны – без коготков.

Куда идет Запад после 70-х годов XX века? В нем постоянно происходят попытки стерилизовать смысл, изъять из смысла заряд энергии, обезвредить его. И это главное свойство постмодернизма. Это и есть некая эзотерическая философия для той экзотерической идеологии, которой называет себя глобализация. Глобализация – это ярлык для дураков. Подлинное содержание глобализации – постмодерн. Подлинное содержание постмодерна – это изъятие из смысла активного начала, запрет на то, чтобы какая-нибудь идея когда-нибудь превратилась в материальную силу, овладела массами, запустила энергетический импульс в общество.

Следующий вопрос, который всегда под названием «теодицея» стоял перед религиями, – объяснение и оправдание Бога, терпящего в мире Зло (рис. 2). Если происходящее в жизни содержит в себе зло, если налицо очаги зла, то какой стоит за этим смысл? Если горели печи Освенцима и фашизм уничтожил десятки миллионов славян, евреев и других, значит ли это, что в области смысла был какой-то импульс, идеология, энергия, которые это породили? Или и здесь «мухи отдельно, котлеты отдельно», смыслы отдельно, происходящее отдельно?

Мы видим, что в сегодняшнем Западе явно существует страстное желание отделить одно от другого. Я понимаю рискованность сопряжений, но постоянно это обнаруживаю:

- Мирча Элиаде был последовательным железногвардейцем...
- Нет, знаете, он был философом!
- Юнг последовательно стоял на фашистских позициях...
- О! Это архетипы!
- А Хайдеггер?..
- Это экзистенциальная философия.

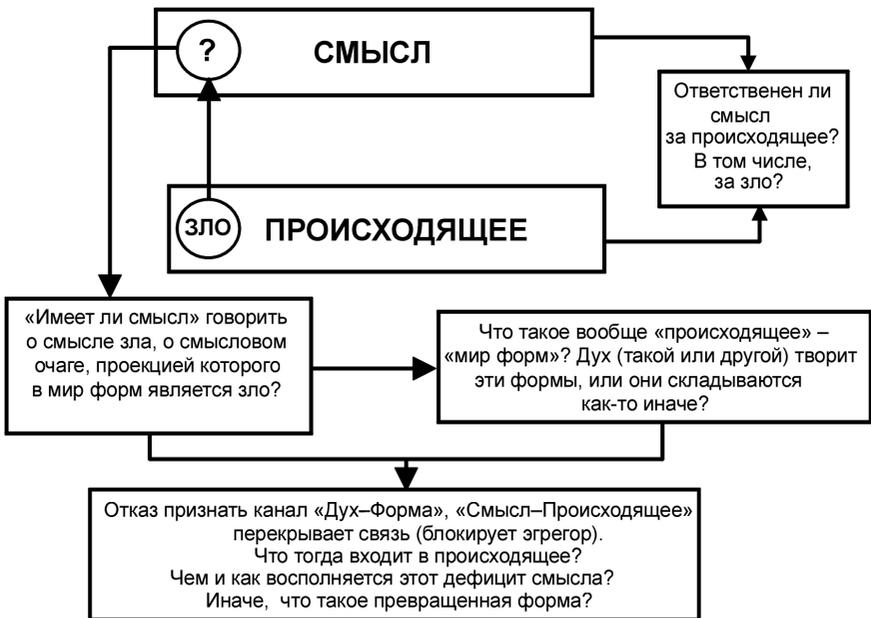

Рис. 2

Я не хочу никому «пришивать дело» и понимаю, что сложно заставить Ницше отвечать за капо в Освенциме, хотя и считаю, что это в каком-то смысле нужно сделать. Однако в современном западном обществе существует гигантское желание этих мух от этих котлет отделить окончательно и бесповоротно. И объявить, что смыслы ни за что не отвечают.

Но, если смыслы ни за что не отвечают, что же тогда произошло и откуда взялись Освенцим и геноцид? Это важно, но еще важнее другое. Если смыслы ни за что не отвечают, что такое человеческая жизнь и почему она зовется человеческой? Говорить, что смыслы ни за что не отвечают, – это и есть попытка окончательно превратить смысл в чисто игровую постмодернистскую конструкцию!

Если всерьез обсуждать смыслы, то нельзя пройти мимо вопроса о смысле зла, то есть о смысловых очагах, проекцией которых на материальную реальность является зло. И мимо вопроса о том, что творит

формы нашей жизни – дух, то есть смысл, или что-то еще? В классической философии, начиная с Платона, формы творит дух. Нет духа – нет форм, все рассыпается, возникает хаос.

Если убрать смыслы, что будет происходить с формами? С любимыми формами жизни: с семьей, с межличностными отношениями, со школой, вообще любой деятельностью? Если смысл во все это не входит, если не смысл все это творит, то кто же и что же творит? Вот, на мой взгляд, главный вопрос XXI века.

И это вовсе не отвлеченный философский вопрос. Отказ от признания того, что дух и форма, то есть смысл и происходящее, связаны, прерывает эту связь, блокирует контакт «человека действующего» с его эгрегором, прерывает его подпитку энергиями высших целей и смыслов.

Что же тогда входит в происходящее? Во что превращается деятельность, если перекрыта связь между духом и формой, если смысл деятельности оказывается оторван от деятельности как таковой? Форма может просто рассыпаться. Так и произойдет, если прекратится доступ смысла, доступ духа. Но может произойти и другое. В форму войдет чужой, антагонистический смысл. Антисмысл. И тогда произойдет не рассыпание, а превращение форм. Форма даже усилится, но она станет отрицанием того содержания, которое ее создало. Форма начнет не раскрывать содержание и не прозябать в отсутствии оно. Она начнет воевать с содержанием.

Назовите это как угодно. Антибытием, адом. Важно понять, что речь идет об очень специфической онтологии и метафизике. И что эта онтология, эта метафизика имеют прямое отношение к нашей действительности, той самой злобе дня, о которой я говорил.

Как только вы не пускаете смысл в бытие, оно не просто чахнет и рассыпается. Это не единственный сценарий. По другому сценарию в это бытие при перекрытии доступа смыслов активно входит антисмысл, зло.

Проблема превращенных форм ставилась еще в позднем марксизме. Позже неогегельянцы это обсуждали. Мамардашвили об этом много интересного написал (хотя и под другим углом зрения).

Так вот: наша реальность не просто обесмысливается. Она именно «превращается». И это указывает на многое: на вектор, проект, субъект. Самый простой пример: если экономическая, хозяйственная деятельность оторвана от смысла, она не обязательно прекращается. Она может и превратиться. Стать антидеятельностью – в этом суть криминального государства. Важно не то, что я что-то построил, создал. Важно то, что я делаю прибыль на непостроении, на антиподе созидания. Что такое

отмывка? Это затаскивание грязных денег в дыры, созданные недостатком деятельности. Пустота, антидеятельность становятся суперприбыльными. Чем не игра превращенных форм?

Другой пример – из сферы этого самого «чика». Если система государственной безопасности оторвана от смысла, она может принять в себя антисмысл. И стать для государства главной опасностью.

Есть такое заболевание – системная красная волчанка. Что это такое? Это такая биологическая превращенная форма, когда иммунная система (то есть система безопасности) начинает истреблять не врагов организма, а его, организма, системообразующие начала. Вот вам и пример по поводу сорняка и огурца. Сорняк (враг организма) поддерживается, огурец (системообразующий элемент) истребляется.

Рассмотрим теперь, что такое с данной точки зрения 60-летие Победы (рис. 3). Празднуя Победу, нельзя не отвечать на вопросы «что победили?» и «кто победил?» И что это значит – победили? В чем был смысл фашизма, была ли в нем вообще связь между смыслом и происходящим?

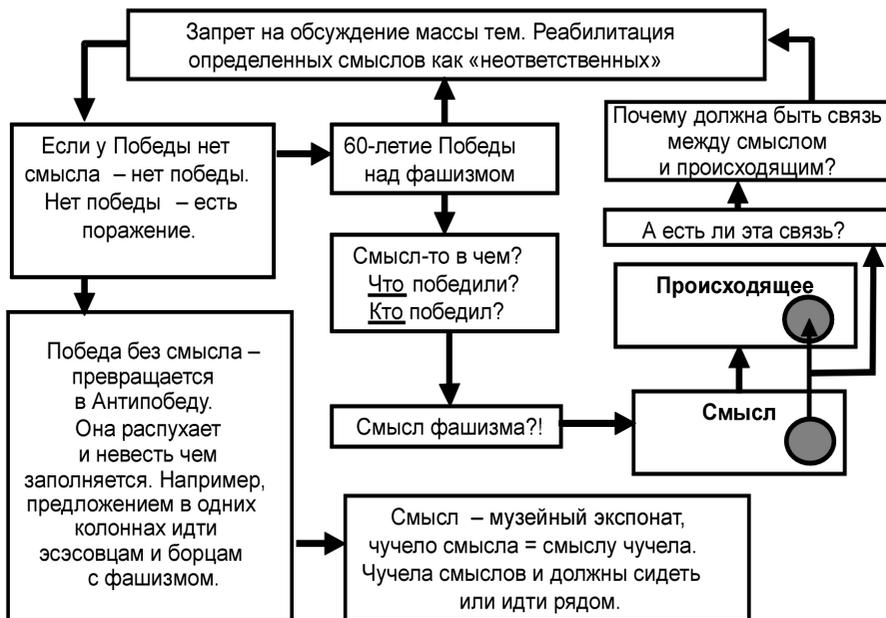

Рис. 3

Но ведь и у нас, и за рубежом постоянно спрашивают: «А почему она должна быть?» А заодно возникает и реабилитация определенных фашистских и околосфашистских смыслов как «неответственных». И появляется Лени Рифеншталь не в качестве апологета фашизма, а в качестве «великого художника», и железногвардейцы оказываются просто «румынскими патриотами», а Дугин, восхвалявший Гиммлера, – «евразийским философом».

А когда все это появляется, то становится совсем уж непонятно: что победили-то? Своего исторического союзника – Третий рейх? О какой Победе идет речь? Если у Победы нет смысла, то нет победы, а есть поражение. Без осмысления этих вопросов мы сейчас идем к «триумфу капитуляции». И 60-летие Победы станет таким «триумфом капитуляции», потому что если отнимают смысл Победы, что такое форма Победы без содержания Победы?

Привожу пример. Газета «Известия» пишет: все говорят о том, что в Европе маршируют эсэсовцы. Столько лет прошло, а никакого примирения. В чем проблема-то? – спрашивает автор. Нужно, чтобы в День Победы в соседних колоннах прошли солдаты, водрузившие знамя на рейхстаге, и батальоны Waffen SS, чтобы все вместе отпраздновали этот день. И зачем, мол, мы с Латвией «выясняем отношения», обсуждаем, приедет или не приедет на праздник их президент? Все должны приехать, и должны по Красной площади пройти и немецкие батальоны, и наши ветераны, и все вместе должны выпить в этот день.

Не слабая идея, да? И где – в газете «Известия»! Нет связи смысла с происходящим. Нет этой связи – и происходящее распухает любимыми формами, включая самые чудовищные, хоть предложением всем по Красной площади в одних колоннах идти.

Когда это возможно? Лишь тогда, когда смысл уже ничего не значит, когда он воспринимается как мертвый музейный экспонат. И тогда это уже не смысл, а чучело смысла, которое по его ценности для действительности равно смыслу чучела. Но если это чучело, то почему же они не могут сидеть или шагать рядом? Почему чучело мыши нельзя поместить рядом с чучелом филина? Это же чучела, экспонаты. Их смыслы не могут быть рядом: филин сожрет мышью или мышью убежит от филина. А чучела – могут.

Еще раз: если нет смысла Победы – нет и самой победы. И нет праздника, потому что праздник не может быть без смысла. А когда нет праздника – распухают «мероприятия». Деятельность лишена смысла, но оказывается самодостаточной. На философском языке – имманент-

ное полностью оторвалось от трансцендентного, и это имманентное распухает «само в себе».

Фактически, речь идет о контринициации. И эту контринициацию развязывают те, кто отрывает смысл от вещей, дух от формы. Потому что в этот разрыв вклинивается иная энергия – антисмысл, антидух. Кому-то нужно, чтобы здесь все рухнуло. А кто-то хочет, чтобы здесь все «превратилось». Поймите, это не одно и то же! Рассматриваемая мною проблема не абстрактна. Она конкретно отвечает на вопрос о природе происходящего. А значит, и на многие другие вопросы. Например, на вопрос: «Что делать?»

Перед тем, как к этому перейти, хочу состыковать метафизический и психологический уровни одной и той же суперпроблемы.

СМЫСЛЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Аналитическая психология выделяет в человеческой личности «сверх-я», «я» и «оно». Если у человека в сфере «я» концепция самого себя расходится с реальностью (например, я считаю, что я великий человек и всем управляю, а на самом деле являюсь чем-то совершенно другим), то все, что содержится в разнице между этой концепцией и реальностью, всякое «несоответствие занимаемой должности», говоря совсем грубо, запикивается в подсознание, в «оно».

Механизм понятен? Я не могу спокойно жить, зная, что не соответствую занимаемой должности (абсолютно неважно, какой должности: большой, маленькой, средней – любой). Я должен ей соответствовать. Значит, все, что мне говорит об этом несоответствии, я должен куда-то запикинуть. Куда? Место для этого только одно – подсознание, «оно».

Но, когда я запикиваю это в подсознание, прячу от себя, что у меня рождается? Комплекс неполноценности. А он чего требует? Гиперутверждения. И я начинаю важничать, командовать. Если я не могу ничего сказать людям содержательно, я что должен сделать? Я должен их прищучить: «Ты, того, смотри!»

А ведь рядом люди, которые видят это мое несоответствие. И дают понять, что его видят. Что я должен сделать с этими людьми? Я их должен убрать. А кого я должен поставить? Тех, кто этого несоответствия не видит или не показывает. То есть либо идиотов, либо лжецов.

Что в такой ситуации вообще может сделать человек?

Человек может всю реальность «загнать под концепцию». И это Достоевский – «Записки из подполья»: нет реальности, есть только концепция. Или Горбачев с его: «Нам подбрасывают... Не надо драматизиро-

вать». Если у человека «под ногами горит», а он не соответствует ситуации, он может попытаться выбросить из рассмотрения (ученые скажут – элиминировать) реальность.

Человек может разрушить концепцию себя и признать реальность. Это Чехов: Лаевский в «Дуэли» сделал именно это, он признал, что он есть то, что он есть. То есть человек может признать свое поражение в этой роли в этой реальности и сменить роль на «посильную».

Есть ли «третий путь»? Есть. Это самотрансценденция. О ней – великая фраза Гоголя: «Монастырь наш — Россия! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней...». Блок потом это цитировал.

Самотрансценденция предполагает, что человек имеет миссию, смысл. И тогда ему начинает открываться ресурс его «сверх-я». Этот ресурс открывается лишь в том случае, если человек чему-то служит, если у него есть высшая идея этого служения. И любая действительно прочная консолидация, любая активная и эффективная коллективность и командность возникают только вокруг такой идеи служения.

Без этой идеи служения, что такое «питерцы» или «чекисты»? Сегодня это «питерцы» или «чекисты-братья», а завтра – разные интересы, разные «бабки», разные аппетиты, конкуренция за близость к главной персоне, мысль «почему бы и не я» и т.д. Это же естественно! Невозможно выстроить устойчивую ролевую матрицу вокруг «я». Особенно если налицо разрыв между «я-концепцией» и реальностью. Значит, если нет миссии и общего смысла (служения), то обязательно будет грызня. А если еще окажется, что люди не соответствуют своим ролям, то грызни будет больше, потому что будет уже не только грызня между «я», но и грызня между «оно».

Что это означает? Что не может быть необходимой самотрансценденции вне служения, вне актуальной миссии, вне «сверх-я». Но ведь именно по этому регистру личности нанесен удар. Потому что все, чему люди служили, отняли. Потому что людям сказали: «Будешь жить служением – станешь маргиналом».

Люди вообще не соответствуют нынешним вызовам, потому что вызовы гигантские, беспрецедентные. В условиях катастроф люди могли бы меняться, самотрансцендентироваться. Но такая самотрансценденция требует невероятной мобилизации идеи служения. А именно эту идею вырывали с корнем. И там, где должна быть точка опоры, – пустота.

Я не хочу сказать, что этим описанием предлагаю решение. Но узловая точка коллизии, как мне кажется, обнаруживает себя. А когда нащупываешь узловую точку, то в чем-то уже нащупываешь решение.

ЕЩЕ ОДНО СЛЕДСТВИЕ СМЫСЛОПОТЕРИ

Смыслопотеря опасна тем, что она не позволяет преодолеть барьер между «чиком» и «цыком». Она вдвойне опасна тем, что не дает самотрансцендентироваться, изменить себя даже в условиях катастрофы.

Но есть еще одна опасность, связанная с ней. Отсутствие смысла скукоживает и выхолащивает даже прикладную аналитику, прикладное понимание происходящего. Приведу пример.

Наша нынешняя пресса наполнена предсказаниями о том, что в России возможен «вариант Чаушеску». Но никто не додумывает до конца, что такое «вариант Чаушеску»? Эта невозможность додумать до конца есть еще одно из следствий смыслопотери. В результате глубокие феномены становятся плоскими знаками.

Что такое «вариант Чаушеску» в качестве плоского знака, мне понятно. Если не весь наш силовой «актив» окажется перекуплен, а президент не согласится с предложениями «уйти по-хорошему» и будет «держаться» (что сомнительно), то организуют конфликт между двумя политическими группами. Например, между Дугиным и Рогозиным. При этом Дугин станет защищать президента, а Рогозин нападать на президента. Это будут примерно такие фигуранты, потому что «оранжевые» демократические мальчики ничего не могут, они камень в руку не возьмут.

То есть этот конфликт начнут оформлять как противостояние, например, «русской» и «евразийской» групп. Затем куда-то будет «придан и упакован» радикальный ислам, куда-то – «белые», куда-то – «красные». И эти группы будут максимально разводиться между собой. Как разводиться, в конце концов, не так важно. Важно, что за группой поддержки власти, за проправительственной группой, должны, например, стоять «комитетчики», а за ее оппонентами – военные.

Потом проправительственная группа должна начать защищать власть и стрелять по «бунтовщикам». Ответом станет «недовольство армии», решительно переходящей к поддержке восставшего народа. И вот тогда «комитетчиков» будут расстреливать так, как их расстреливали в Румынии. А в Румынии их расстреливали массово. Военные сажали их в грузовики, вывозили, ставили к стенке, расстреливали и закапывали. И семью президента, как мы помним, вырезали. Это и называется «румынский вариант», или «вариант Чаушеску».

В России действительно может готовиться румынский вариант. И я бы предложил представителям «чекистов» подумать о том, что речь уже

идет не о люстрациях, не о запретах на профессию, речь идет о массовом уничтожении. Я не хочу разжигать страсти, я знаю, что говорю.

Но это лишь плоский знак. Есть ведь и действительный масштаб феномена Чаушеску. И этот действительный масштаб имеет к нам самое непосредственное отношение. Раз уж кто-то оперирует феноменом Чаушеску, казалось бы, должно появиться желание додумать до конца. Но смыслопотеря как раз и мешает додумывать. И тогда вместо объемов – плоскость. Вместо проблемы – прописи.

Между тем далеко не лишним является понимание того, чем же оказался плох Чаушеску и почему начали стрелять?

Ответ на этот вопрос заключается в том, что в мировой элите были группы за и против Чаушеску. Против Чаушеску были старший Буш, Чейни и ряд других. А у Чаушеску-то что было, какая поддержка? Советская? Чаушеску что, был верным ленинцем? Да нет!

Чем же Чаушеску был так плох для его противников? Почему всех остальных «советских» лидеров в Восточной Европе не расстреляли, а его расстреляли? Он что, был особенно свиреп или сильнее всех сопротивлялся? Нет! Он просто был слишком прочно интегрирован в одну мировую группу, а к власти начала приходиться другая мировая группа. Рядом с Чаушеску был некий Брюс Раппопорт, и он торговал нефтью. Это израильский военный спецслужбист, который оказался близко вхож в «семью», был у Чаушеску главным контрагентом по нефти и представлял интересы мировых конкурентов Буша.

Если бы Чаушеску «сдал» свою группу или перебежал из лагеря в лагерь, результат, возможно, был бы другой. Но он не сдал и не перебежал – считал, что это еще опаснее. Все это разве не имеет отношения к нашей действительности? А это ведь не единственный случай!

В чем реальный феномен Милошевича? Да в том же самом! Ему звонили два человека, и один говорил: «Слобо, ударь по американским войскам!», а другой – «Слобо, не смей!» Оба звонившие были американцами и для Милошевича представляли «хозяина». Просто один высказывал позицию республиканской партии США, а другой – демпартии США. Одним было нужно, чтобы Клинтон в Югославии провалился (а для этого югославы должны были ударить по войскам НАТО из всех стволов), а другим – чтобы этого ни в коем случае не произошло и чтобы «Слобо» поскорее сдался. Милошевич лавировал между этими требованиями до тех пор, пока к нему не приехал Черномырдин, как посланец Альберта Гора, и не сказал: «Надо скорее сдаваться».

То есть суть какого-нибудь «румынского» или «югославского» вариантов заключается в том, что идет острейшая борьба крупных мировых

элитных групп. Но, чтобы понять и включить в свой анализ эту борьбу групп, требуется задаться вопросами о самих таких группах и об их целях, то есть о смысле существования и действий этих групп. Нельзя просто твердить: «У нас будет вариант Чаушеску», не понимая, в чем смысл этого самого «варианта Чаушеску»!

Так что такое в реальности крупные элитные группы?

Смыслы бывают «музейные» и «горячие», властно релевантные. Эффективная элита не может не иметь внутренней идеологии. Без нее «я» и «оно» не удержатся от конфликтов, без нее не может быть консолидации, не может быть устойчивых мотивов общей деятельности. Каждая группа, которая хочет завоевать и сохранять власть, цементируется внутренней идеологией, верой, миссией. То есть – смыслами. Нет этого – нет ничего!

Нет абстрактных «чекистов» без осознания смысла «чекизма», нет «питерцев» без осознания и предъявления смысла «питерства». Если Санкт-Петербург – главный город новой модернизации, то большая часть общества согласится: хорошо, пусть у власти будут «питерцы». Но если просто питерская банда воюет с московской, то «чума на оба ваши дома». Тогда вместо них нужна, скорее, какая-нибудь рязанская банда, – может, будет поспокойнее.

Что такое Питер? Что такое чекисты? Придайте смысл этой клановости, этим корпоративным группам, внесите этот смысл в свою и чужую жизнь, если хотите уцелеть. Потому что иначе будет бойня.

Я понимаю, что аргументом «от бойни» кого-то напугать можно, но смысл им не внесешь. Однако неужели после Бишкека не видно, что на нашей земле происходит? Элите сейчас крайне нужна внутренняя идеология, нужны смыслы. И речь не о музейных смыслах, а только о живых и горячих.

А что значит – живые и горячие? Смыслы горячие тогда, когда в них соединяются рефлексия и перцепция (рис. 4).

Смыслы живые и горячие – это такие, которые мобилизуют на действие. И не просто на действие, а на политически эффективное действие.

Что значит – мобилизация на политически эффективное действие? Я нечто анализирую своим умом, произвожу рефлексию на реальность, но я одновременно имею внутренний опыт соприкосновения с властью. У желающих властвовать есть непосредственное ощущение того, каков тип властного ума? Вот именно этот опыт и это ощущение и есть «субстанция власти».

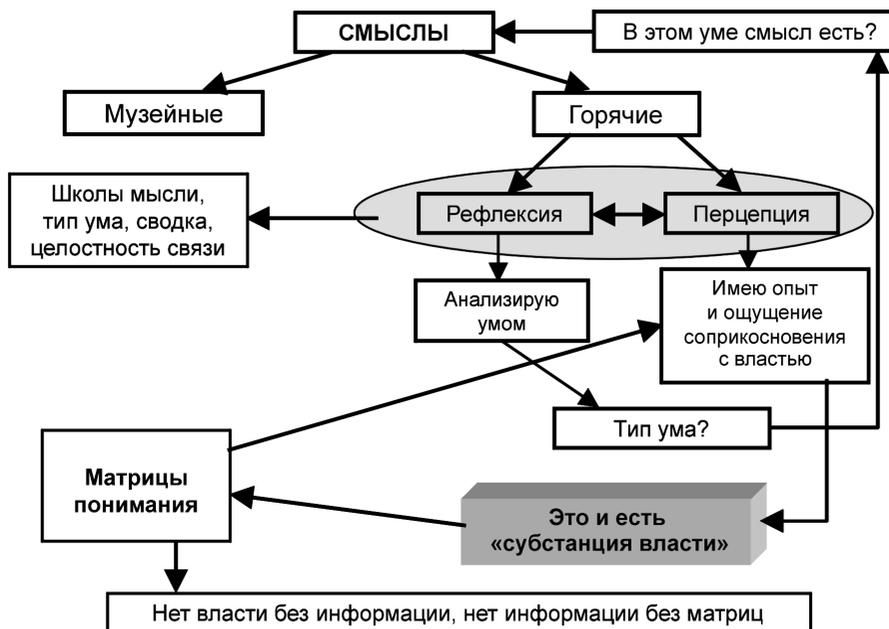

Рис. 4

Без этого соприкосновения и без этого опыта нет того, что Ноам Хомски назвал «матрицей понимания». А без такой матрицы нет возможности правильного осмысления информации. Без такой матрицы люди вроде эту информацию и имеют, причем даже в безумном избытке, но совершенно не понимают, какие она содержит значения. И не могут политически эффективно действовать.

Значит, каковы школа мысли, тип ума, какова матрица понимания, есть ли в ней, помимо качественной рефлексии, еще и перцепция, как происходит сводка информации, каков уровень ее целостного осмысления, как внутри нее выстраиваются связи, насколько все это насыщено «горячими» смыслами, относящимися к действительным проблемам властвования, – вот центральные проблемы элитной консолидации в действующий субъект, вот ключевые проблемы власти. И огромная беда нынешней России состоит в том, что у нас в стране теряется сама властная «школа мысли», сам тип этого властного ума.

**ЕЩЕ РАЗ О ЦЕНЕ
РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ
«ЧИКОМ» И «ЦЫКОМ»**

Все, что я сказал, может быть сведено к одной фразе: разница между «чиком» и «цыком» – это разница между поражением и победой. Чьей победой? Чьим поражением? Пути-

на? Узкой группы? Да нет! Всего того «чикающего», что хотело цыкать, начиная с Берии, а возможно и с Дзержинского. Всего того, что в стратегическом смысле несла с собой андроповская линия. Это заденет очень серьезные элитные группы. Это заденет общество.

Проиграть «цык» и остаться в «чике» – это значит проиграть все. А проиграть все – это значит «оплатить политические счета». Взять на себя всю политическую карму всех предшественников на данном пути, причем «по полной программе». Уверяю вас: я ничего не преувеличиваю!

По факту приходится признать, что весь андроповский «цык» оказался несостоятельным. А по большому счету – что «цык» обернулся «чиком». А обернувшись, стал искать себе чужой «цык». Это начало, не взяв барьер собственного «цыка», стало строить отношения с тем же Западом (и не только с ним) по следующей усеченной схеме: «Я умею чикать. Хотите – так могу чикать, хотите – иначе могу чикать. Каков будет ваш цык?»

Но что на этом самом Западе-то в тот момент происходит? Там-то где и какой именно «цык»? А там – то, что я уже начал описывать на примере «варианта Чаушеску». Например, атака на упомянутого Брюса Раппопорта. Заметим, что позже именно Раппопорта связали с ЮКО-Сом и пресловутым Bank of New York, вокруг которого наворотили криминальные обвинения на десятки миллиардов долларов (они, напому, вскоре тихо развалились и «забылись»).

То есть там, где это ЧК искало для себя новый «цык», сцепились разные хозяева, причем, минимум, два хозяина сцепились только в одном Нью-Йорке. И один хозяин говорит «чикай сюда», а другой хозяин говорит «чикай туда». Они говорили это 15 лет назад, и они говорят то же самое сегодня.

Я вам могу сказать, кто, по большому счету, посадил в тюрьму Ходорковского. Его посадили очень большие западные дяди, использовавшие в том числе и наш отечественный «чик».

Но сегодня дяди посадили его, а завтра они посадят других. Потому что происходит перегруппировка сил в стане этих самых дядей. А «чик» как не понимал, что происходит в нашем ЦК, так не понимает, что происходит в новом тамошнем ЦК. И это, возможно, опаснее всего осталь-

ного. При этом данная проблема касается не только чекистов (нынешний аттрактор), но и военных (возможный будущий аттрактор). А также всех остальных сил в нашем обществе.

Наши «олигархи» страшно боятся того, что их будут «дербанить» чекисты. Однако настоящий современный международный чекист – не тип в кожаной куртке с маузером, а американский джентльмен в смокинге на своей яхте. Олигархам кажется, что этот джентльмен для них классово свой. Так вот, я утверждаю, что при сохранении нынешних тенденций ни одного из наших сверхкрупных состояний в целостности и сохранности не оставят и все олигархи будут сидеть в тюрьме.

У меня недавно вышла статья об этом в израильской прессе. Там я пишу, что, если России, как опорной страны для отечественного капитала, не станет, ни один из сегодняшних олигархов на свободе не останется. И неважно, где он сейчас – в России, в Великобритании, в Израиле или где-то еще. Арестовывать и сажать в тюрьму их будут там, на Западе, даже если основную работу для этого будет выполнять наш «чик». Командный «цык» будет оттуда, «хозяевами» уже приняты решения о том, чтобы олигархов в России не было.

И идея о национализации и переприватизации трех тысяч предприятий на Украине – тоже оттуда. Потому, что вера в возможность создания на постсоветском пространстве «периферийного капитализма» закончилась. Здесь уже никому не доверяют, а поэтому намерены сначала проводить национализации, а затем – прямую передачу ключевых активов западным корпорациям.

Спорят лишь о том, какие активы каким корпорациям. Все, что происходит сейчас с Газпромом, есть диалог вокруг идеи передачи контроля над Газпромом германскому «Рургазу». Но нельзя передать Газпром «Рургазу», не поссорившись с американцами, потому что неограниченные потоки газа из России в Европу – это мощнейший удар по лидерству американской экономики.

Значит, здесь должен быть политический взрыв или даже бойня, но только не передача Газпрома «Рургазу». Однако очень влиятельные люди уже услышали соответствующий «цык» и уже подрядились на эту передачу! И что им делать, если со всех сторон слышится: «Чикай сюда». – «Нет, сюда нельзя, чикай туда»!?

Американцы требуют, чтобы здесь не осталось ни одного олигарха. Ходорковский оказался в этой очереди первым прежде всего потому, что хамски хвастался тем, что залез в мировой клуб миллиардеров и теперь важнее Чейни. Но еще он, конечно, пострадал и за упорство в

намерении гнать нефть ЮКОСа на Дацин, и за Раппопорта, то есть за слишком плотную вовлеченность в интересы элиты демпартии США.

Нет единого мирового субъекта и единого мирового «цыка»! В то-то и сложность, что ЧК готово «чикать», но оно не понимает, «под ко-го».

СМЫСЛОВАЯ ОПТИКА И «НАЧИНКА» ФАКТОВ

А почему не понимает? Да потому, что вместе со смыслопотерей в Рос-сии вообще утрачена способность к полноценному анализу все более сложной мировой ситуации. И осмысление реальности происходит в рамках крайне упрощенных моде-лей, к тому же нередко явным образом противоречащих множеству очевидных и не вполне очевидных фактов.

Конечно, невозможно пытаться осмыслить факты и события вне некоей изначальной оптики, вне определенных «стержневых моделей» происходящего. Однако любая игра со стержневыми моделями имеет ограничения. И главное ограничение, конечно, – недопустимость игно-рирования во имя спасения модели реального содержания событий и фактов. Я же вижу, что нынешнюю российскую аналитику постепенно перестает интересовать, чем, в действительности, «начинены» факты.

Почему? Видимо, потому, что российское аналитическое сообще-ство уже внутренне считает себя «колониальным» (то есть не конку-рентным там, где принимаются решения) и, кроме того, разобрано по «идеологическим квартирам» (то есть нередко готово отбирать и ин-терпретировать фактуру «под идеологию»).

Одна крайность – углубляться в фактуру без оптики, без идеологии и, соответственно, без продуманной «матрицы понимания». Другая крайность – подчинять идеологии и фактуру, и интерпретацию фактов, а в отношении фактов, противоречащих идеологии, считать: «Тем хуже для фактов». Нельзя не собирать, не просеивать и не интерпретировать факты, но при этом совершенно необходимо в самих фактах выявлять их содержание, «начинку», и поверхностные слои, «шелуху».

Например, я читаю в газетах, что Вулфовица резко «повысили», ибо он возглавил Всемирный банк. Ребята, не верьте! Вулфовица вышибли из команды, под зад коленом, и неоконсервативная группа вокруг Буша трепещет.

Почему его вышибли? Потому что начался новый тур переговоров между Америкой и исламом. И в Саудовской Аравии сказали: «Для нас на переговорах с вами эта еврейская фигура неприемлема, нам это не

нужно, мы правоверные. Для начала диалога – уберите его». Бушу сейчас очень нужны арабы (отдельный вопрос – зачем). И Вулфовиц вылетел. А «патриотическая» российская пресса кричит, что Вулфовица сделали хозяином мировых финансов. Всемирный банк – не хозяин мировых финансов, это ложное отождествление, причем легко проверяемое. Начинка и шелуха факта – вещи очень разные.

За последнее время произошел ряд важных событий: Киргизия и вал разговоров о распаде СНГ и «оранжевых продолжениях» в других республиках, покушение на Чубайса, обострение ситуации в ряде регионов (в Башкирии и на Северном Кавказе) и т.д. И я хочу некоторые из них рассмотреть с точки зрения темы своего сегодняшнего доклада.

О РЕАЛЬНОМ ЗАПАХЕ «КИРГИЗСКИХ ТЮЛЬПАНОВ»

Возьмем, например, Киргизию и проблему СНГ. Путин 14 июля 2004 года говорил, что СНГ надо сохранить любой ценой. Меньше, чем через год, он говорит, что СНГ – это всего лишь «механизм развода». Путин не должен этого говорить после того, как сказал, что СНГ надо сохранить любой ценой. Но он не может не говорить этого, потому что страны СНГ рушатся одна за другой. Путин говорит, а американцы делают то, что они задумали, и производят соответствующий «цык».

Операцию в Киргизии проводили, прежде всего, американцы, и проводили ее не ради Киргизии. У операции две крупные цели. Главная цель – Каримов, снос узбекского режима и развал Узбекистана, вторая цель – Назарбаев и отделение от Казахстана юга (Джамбульской и Шымкентской областей). Ставки этой игры – на развал Узбекистана и Казахстана, то есть, фактически, на хаос в Центральной Азии.

Объясните мне, зачем нужно менять Кучму на Ющенко, Акаева на какого-нибудь Батдыева, Назарбаева на какого-нибудь Нуркадилова? Разве эти главы государств не были готовы делать почти все, что требуют американцы? Тогда почему их убирают?

А убирают их потому, что меняется мировая стратегия (рис. 5). Мы с Юрием Бялым три года назад делали здесь доклад «Новый мировой порядок или новый мировой беспорядок?». И показывали, что в стратегии США налицо признаки перехода от строительства «нового мирового порядка» к тем или иным формам «управляемого мирового хаоса».

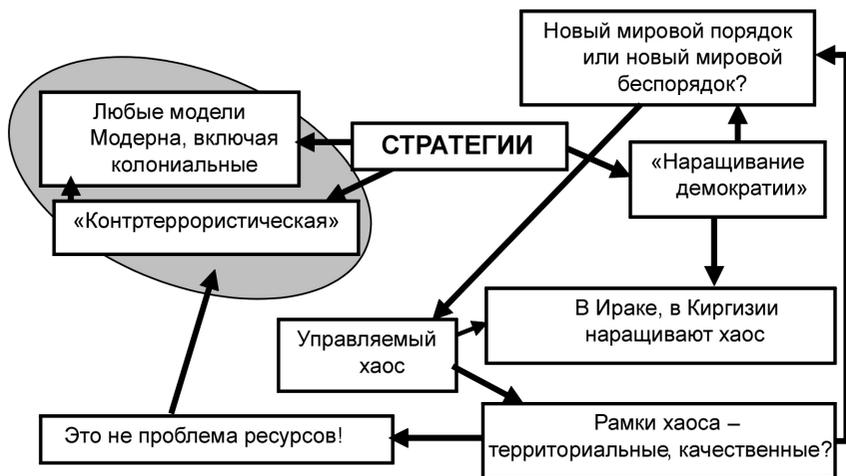

Рис. 5

В это же время Буш говорил о «контртеррористической» стратегии. Что, в принципе, могло выходить на любые модели защиты Модерна, включая колониальные.

А чуть позже у нас, на нашей площадке, проходила международная конференция по контртерроризму, на которой присутствовал ряд очень статусных, очень близких к высшей власти американцев. Я им сказал: «Если уж вам так необходимо входить в Ирак, то ответьте себе и миру на вопрос: зачем вы в него входите? В чем смысл? Не несите чепухи по поводу того, что вы дарите людям демократию. Это не работает! Скажите хотя бы, что речь пойдет о модернизации, о движении Ирака к современности, о действительном новом плане Маршалла.

Но тогда не пытайтесь уничтожить «БААС». Уничтожайте конкретных врагов! Подавляйте очаги сопротивления. Смиритесь с тем, что придется сильно раскурочить иракское общество и получить сильную ответную реакцию. Но если вы не хотите, чтобы эта реакция была сокрушительной и разрушительной, перетяните на свою сторону основной баасистский актив. Это не фундаменталисты, это националисты. Без них вы ничего не сделаете и никакой модернизации не будет. Если вам нужен модерн, сохраните за собой реальный националистический актив, а это «БААС». И вообще – будьте осторожны, идеологически разборчивы. Либералы, которых вы приволочете в обозе, – никто. Реальных сил

две – националисты и фундаменталисты. Уничтожив националистов, вы столкнетесь с фундаменталистами».

Что сделали американцы? Они расстреляли или загнали в подполье национальный актив. В итоге шиитская часть населения ушла под радикальный ислам и подчиняется Куму, даже не Тегерану, суннитская часть генерирует такой ужас, по сравнению с которым бен Ладен – это профессор Паганель, а курды начинают новую революцию, которая взорвет союзников США в регионе.

Что американцы впустили в регион в результате войны в Ираке? Сломав национальное государство, они впустили туда радикальный исламизм. Против кого всегда боролись «братья-мусульмане»? Против национальных режимов в арабских странах, против мубараков, садда-тов, насеров и т.п. Кто поддерживал «братьев-мусульман»? Запад, в том числе США, их поддерживал! И те, кто их поддерживал, сейчас и начинают новый тур той же игры.

Кто главное действующее лицо «революции» в Киргизии? Феликс Кулов, Роза Отунбаева, Чингиз Айтматов, северные или южные кланы? Проверьте через полгода: окажется, что главное действующее лицо в Киргизии – Хизб-ут-Тахрир. Радикальная исламистская организация, целями которой являются глобальный джихад и создание халифата.

Значит, американцы вместо модели стабильности приводят в действие модель нестабильности. Они через все свои терминалы влияния запускают в Центральную Азию радикальный исламизм, фактор дестабилизации и хаоса. Зачем? Они готовятся решать свою основную задачу XXI века. У них уже нет задачи войны с исламом; у них есть одна ключевая задача нового века, решение которой они готовят со всей мощью своего государства и своей экономики: война с Китаем.

При этом я знаю, что война с Китаем предполагается в двух возможных форматах: либо прямая война, ядерная в том числе, либо создание против Китая мощного и агрессивного исламского поля, халифата. Интеллектуальные операторы демократической партии США, включая Бжезинского, говорят, что нужно стравить с Китаем ислам. Республиканцы, в том числе Киссинджер и Вулфовиц, говорят, что это невозможно и нужно готовиться к прямой войне.

Но Вулфовиц «нон грата» для ислама и к тому же крупно провалился в Ираке. И потому Киссинджер – прочь, Вулфовиц – вон! Бжезинский – come here! Свято место пусто не бывает: если из команды выбиты Вулфовиц и Киссинджер, туда входит Бжезинский. Я не буду развивать и углублять эту расшифровку. Скажу лишь, что это публичные представители двух субъектов, беспощадно борющихся друг с другом в

лоне самой западной цивилизации. И их не надо отождествлять с республиканской и демократической партиями.

У этих субъектов есть уже вполне отчетливые миропроектные представления и соответствующие идеологии. И сейчас президент США переходит на новую идеологию.

Когда Буш говорит уже не о контртеррористической деятельности, а о «наращивании демократии», это что такое? Неужели Буш и Чейни такие ослы, что вправду считают, будто можно нарастить демократию в Киргизии? Причем после того, как они уже «нарастили демократию» в Ираке? Во всех странах третьего мира «наращивание демократии» – это синоним хаоса и радикализации! Это уже понятно всем, других прочтений нет. Разве американцы этого не понимают? Понимают. То есть, когда они говорят о демократии в странах третьего мира, они имеют в виду хаос. «Мы говорим Ленин, подразумеваем – партия». Мы говорим «демократия», подразумеваем – «хаос».

ХАОС – ЧЕЙ, ГДЕ И ДОКУДА?

Что нам остается предположить? Что вместо «контртеррористической» стратегемы, которая была, в принципе, способна выводить на модерн и национальные государст-

ва, на вооружение берется стратегема «наращивания демократии», то есть хаоса. При этом подчеркну, во избежание упрощенного понимания, что управляемый хаос – это не ресурсная проблема, хотя и она очень важна. Например, очень важно, как в регионе будет распределена и куда потечет нефть. Но еще важнее, как будут распределены и куда потекут наркотики. Причем эти две «важности» очень трудно, почти невозможно, совместить: наркотики требуют хаоса, нефть – порядка. А отсюда следует, что очень важны совокупные рамки создаваемого хаоса. Рамки территориальные и рамки качественные, то есть ответ на вопрос: на что и «докуда» готовы пойти американцы, создавая этот хаос?

Где им нужен хаос? Уже понятно, что им нужен хаос в Ираке и в Центральной Азии. А нужен ли им хаос на Кавказе? Нужен ли им хаос по всей России? Это очень серьезный вопрос. Если говорить не декларативно-патриотически (этим гадам всюду нужно все самое плохое), а содержательно, то территориальные границы этого «зоопарка хаоса» и мера самогo хаоса, которую США могут себе позволить, – это сложнейшие стратегические и операциональные вопросы.

Это сложнейшие вопросы в том числе и потому, что в данную игру включились вовсе не только одни США.

Я уже сказал, что в силу артистической впечатлительности у меня бывают странные аналитические сны. И никто не должен рвать на себе волосы, если в одном из таких снов я увидел, что аль-Завахири, весьма существенная для радикального ислама фигура, почему-то пребывает где-то на западе Китая.

Китайцы умнее своих нынешних западных противников. И если это так (а я уверен, что это так), они никогда не будут пробрасываться позициями в радикальном исламе, тем более, что этот ислам им хотя бы воткнуть, как нож, в спину. Такая позиция была бы совершенно верной. Я считаю, что китайцы достаточно умны, чтобы поступать верно. И наверняка они уже перетянули на себя большую часть радикальной исламской агентуры, которую после 11 сентября 2001 г. начали «пресовать» американцы. И с Саудовской Аравией китайцы будут договариваться напрямую, здесь США окажутся «третьим лишним». То есть борьба вокруг исламских «терминалов хаоса» только началась.

И как только хаос в Киргизии повысится до определенной степени, я еще посмотрю, кто из радикальных исламистов въедет в регион и как американцы будут разбираться с этим хаосом. По моим представлениям, сами американцы ничего не умеют делать с хаосом. Работать с хаосом хорошо умеют англичане и китайцы. А кто будет работать активнее и успешнее – это открытый вопрос.

Несомненно одно: американская военная и политическая машина уже не входит в создаваемый хаос, как нож в масло. Она начала ощущать растущее сопротивление другой стороны. Пока что это сопротивление мягкое, соперник не хочет действовать в лоб, напрямую. Но сопротивление началось. И его уровень и исход зависят не от нас.

Еще раз повторю то, что говорил уже не раз. Пока у США были три врага – ислам, Европа и Китай, мы могли жить относительно спокойно. А когда у американцев ислам становится главным агентом создания хаоса, с Европой они готовы как-то мириться, а с Китаем намерены воевать, то что будет с Россией?

Будет ли это Россия, которую хотят взять в реальные союзники и «заточить» на Китай? А это можно хоть как-то совместить с «Русским порно» и другими тенденциями, которые я описал выше? Ясно, что нельзя. Значит, вполне вероятен выбор американцами такой стратегии, в рамках которой Россию надо «зачистить» полностью, бросив в нее радикальную исламистскую массу, а потом стравливать такую «новую Россию» с Китаем.

Но кто сказал, что радикальный ислам начнет воевать с Китаем? А если на втором шаге такой игры радикальный ислам начнет строить

партнерские отношения с Китаем, где окажутся американцы? Тот день, когда радикальные исламисты договорятся с Китаем, будет для США «началом конца».

И потому я уверен, что, отдавая Евразию на разграбление радикальным исламистским ордам, Америка подписывает себе смертный приговор. Буш, может быть, думает, что такая стратегия гениальна, но Бжезинский, я убежден, знает, что он делает. Я давно считаю, что он очень сложный агент. Отдавая радикальному исламу Евразию и сталкивая ее с Китаем, он понимает, что однажды наступит день, когда китайцы с такой Евразией договорятся.

Что дальше? Европа уже изрядно исламизирована, и что тогда будет с Евразией? Далее, адресуясь к известной максиме геополитики «кто владеет Евразией, владеет миром», зададим следующий вопрос: что будет с Америкой? Америка – неустойчивая сверхдержава, у которой экономический и социальный базис в огромной степени зависят от надстройки: военной и политической мощи.

Не верьте, когда вам говорят, что доллар вот-вот рухнет. Пока американская надстройка держится, доллар не рухнет. Но в первый же день, когда треснет американская военно-политическая надстройка, рухнет не только доллар. Возникнет действительно мировой хаос, потому что слишком многое в мире завязано на сверхдержавные потенциалы США.

Однако в тот момент, когда это, не дай Бог, произойдет, нас, России, уже не будет.

Есть у нас и такие принципиальные ненавистники США, которые говорят: «Ну, России не будет, но зато Америка грохнется...» Что для меня означает это «зато»? Я веду свой международный диалог на понятных основаниях. Мне, России, это «зато» крайне невыгодно, и многим другим в мире, и любому нормальному человеку в США это тоже невыгодно. Вот площадка для диалога. А если кто-то «паранормальный», так надо разбираться, кто он и почему такой.

Но внутри рассмотренного сценария с переходом к стратегеме хаоса неизбежно возникает вопрос о развертывании перед нами неких «экзоидеологий» и «эзоидеологий». Или, иными словами, есть у хозяев, у мировых субъектов внешние смысловые оболочки, «идеологии навывнос», и «идеологии для внутреннего потребления» (рис. 6). «Нарращивание демократии» – это экзоидеология, внешняя оболочка. Что внутри, за ней? Эзоидеология «управляемый хаос». Контртеррор – это другая внешняя оболочка. Что за ней? Эзоидеология «мировой держиморда». Вроде бы и то и другое плохо. Но разница есть. И она заключается в

том, что из «мирового держиморды» есть шанс перейти на защиту и развитие модерна, а из «управляемого хаоса» – нельзя.

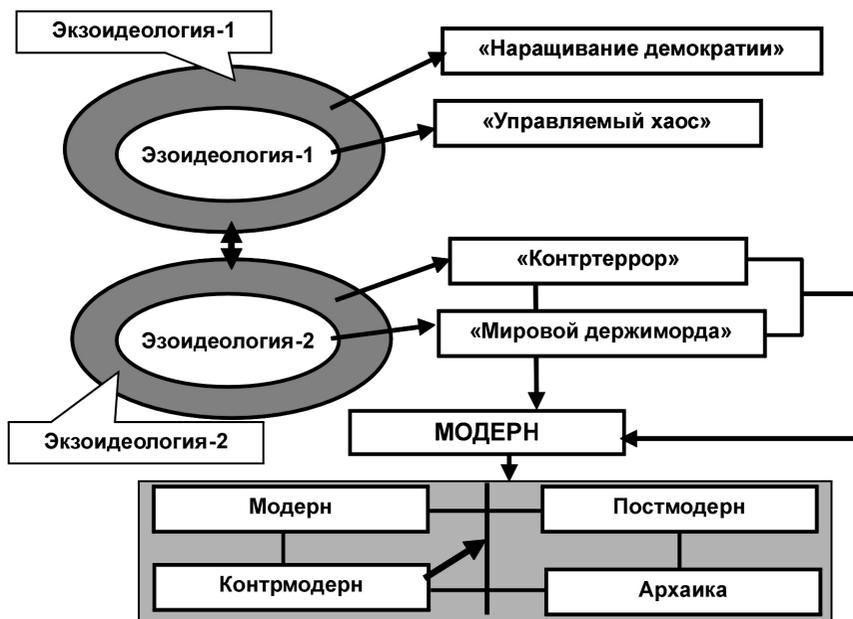

Рис. 6

И, как я уже давно говорю, модерну противостоят постмодерн и контрмодерн, и они сейчас будут между собой объединяться. Глобализация – это объединение постмодерна с контрмодерном и архаикой.

В связи с этим посмотрим, что происходит на Украине. Я делаю для нее свой прогноз, хотя есть очень умные люди, которые дают совсем другой прогноз.

Если ситуация на Украине будет стабилизироваться, значит, ее вывели из запланированной зоны хаоса. И тогда Ющенко поставили на власть для того, чтобы гарантировать вывод страны из зоны хаоса и ее перевод под западный «терминал порядка».

А если Украина начнет дестабилизироваться (а я уверен, что она будет дестабилизироваться), значит, Кучму сняли именно для того, чтобы, по большому счету, развалить Украину, создать на ее территории не-

сколько конфликтующих трайбов и бросить республику в хаос и архаизацию. И тогда, скорее всего, первая точка, с которой начнется развал страны, – это Крым. Где уже всюду закрепляется все тот же Хизб-ут-Тахрир.

То есть, как я вижу по множеству событий последнего времени, в администрации США происходит явный переход от экзоидеологии «контртеррора» к экзоидеологии «наращивания демократии». А это совсем другая стратегема, стратегема хаоса, от этого меняется буквально все!

И кто в этой ситуации Путин? Человек, который за этими фундаментальными изменениями просто не успевает следить. Путин ведь сейчас по-прежнему всюду говорит о контртерроре, о наращивании борьбы с терроризмом. Он, похоже, не замечает, что там, откуда сегодня исходит главный «цык», об этом практически перестают говорить. Оттуда-то теперь несут другое: «светоч демократии». Несут к нему в кремлевские покои вместе с ятаганом, которым полагается головы резать. А Путин не понимает, что это как раз и называется «наращивание демократии».

«Нарращивание демократии» в России будет состоять в том, что у здешней «банановой революции» вдруг окажется радикально-исламистское ядро (не удивляйтесь этому странному прогнозу). И в дополнение к «российскому Ющенко» (не буду уточнять, кто им станет) в роли «Тимошенко московской революции» окажется Шамиль Басаев или кто-нибудь посильнее. Например, Абдул-Хахим Сайдуллаев – новый непризнанный глава Чечни, который заменил Масхадова.

КЛАНОВАЯ ВОЙНА И КОНКУРЕНЦИЯ «ЧИКОВ»

Что, под этим углом зрения, происходит на Северном Кавказе? Масхадов ходил практически без охраны, полностью отдавшись в руки русского ФСБ, и смотрел кроткими глазами:

«Мы стоим за дело мира, мы готовимся к войне... опять Басаев кого-то убил... может, не надо было?..»

Его уничтожили. Началась яростная борьба за то, кто будет вместо него: Доку Умаров (то есть «чик»-1) или новый, очень сильный парень, радикальный идеолог (цель – мировая исламская революция и никаких переговоров с Москвой – «чик»-2)?

Мы знаем, что те на Кавказе, кто не признавал Масхадова и Басаева, уже начинают присягать новому «непризанному президенту Ичкерии»

Абдул-Хакиму Сайдуллаеву. Ему присягают не только в Чечне, но и в Дагестане, и в Ингушетии, и в Карачаево-Черкессии и т.д. То есть мы видим, что «по факту» на Кавказе отстреливают умеренных и ставят непримиримых, сдают одну агентуру, ставят другую. Подо что ее ставят? Под исламистский пожар, под большой хаос по всему региону, и не только. Идет такая вот «ротация кадров», а не контртеррористическая операция.

Теперь обратим внимание на так называемое «покушение на Чубайса». Даже мой водитель удивленно спрашивал: «Сергей Ервандович, я там ехал, все деревья повалены рядом в лесу, а Чубайс уцелел. Больше килограмма тротила – и без оболочки! И стрельба из обычного автомата по бронированной машине. Кого же хотели грохнуть?»

Да никого не хотели грохнуть! Этот килограмм тротила был не просто без оболочки, а специально уложен так, чтобы взрывная волна шла в другую сторону. Но ряд элементов акции исполнили вполне профессионально. А такое соединение профессионального и непрофессионального делается только в одном случае. Когда этой акцией говорят: «Мальчик, в следующий раз мы сработаем всерьез. Видишь, куда мы сейчас килограмм тротила направили? На лес. А в следующий раз мы направим куда надо, и не без оболочки, а фугас».

ГРУшник этот арестованный, Квачков, – это что такое? Он, конечно, ГРУшник, и вполне квалифицированный. Но разве квалифицированный ГРУшник поедет на такое дело на своей машине? До этого бандит средней руки не додумается! Значит, его машину кого-то из родственников уговорили в нужное место в нужный момент доставить, придумали повод. Далее, говорят, что он сосед Чубайса по даче. Он такой же сосед, как я. Если дома на расстоянии чуть не 10 километров – это соседство, тогда и я в радиусе 10 километров очень много кому сосед...

А смысл этого странного «покушения», видимо, в том, что какие-то силы лезли в РАО ЕЭС и были связаны с кремлевской группировкой, более ориентирующейся на ГРУ. А другая группировка на «птичьем языке» сказала: «Мы сейчас возьмем вашего, он наговорит все, что мы захотим, и нити от него пойдут очень далеко, куда угодно. Так что вы не лезьте к нам, в наши бабки».

Если я прав, то что это значит? Это значит резкое усиление грызни между ФСБ и ГРУ, между двумя главными совокупными персонажами российской политической сцены, наиболее близкими к Путину. На новом этапе их «разборка» приобретает уже кроваво-денежный характер. Но это управляемый конфликт, который нужен для того, чтобы столк-

нуть людей друг с другом и «решить вопрос». И когда меня спрашивают, кто так устроил покушение на Чубайса, отвечаю: профессионалы, которые частично имитировали непрофессионализм, конкуренты той группы, что сейчас пытается «влезть» в РАО ЕЭС. И когда Чубайс говорит: «Я знаю, кто это», – он знает точно, потому что у него логика абсолютно такая же, как у меня, он не дурак.

Итак, что это событие означает в его политическом эквиваленте? Борьбу наших группировок. А что такое наши группировки? Это группировки, привязанные к «их» группировкам. В этом смысле у нас нет своих группировок: поскольку у нас только чикают, то «цык» – чужой. То есть, в политическом смысле, столкнулись два чужих «цыка».

Еще один пример.

Как реагируют многие наши патриоты на слова Горбачева в адрес нынешнего президента США о том, что Буш-младший – преемник своего отца? Они говорят, что Горбачев – американский агент.

Но если Горбачев – американский агент, то Америка вела себя как последняя дура, когда разваливала СССР. Если всевластный Горбачев был американским агентом, то США должны были всячески укреплять его власть. Горбачев мог расставлять сотни агентов на любые посты, мог превратить ЦК КПСС и КГБ в полноценный американский «чик» и затем вести корабль СССР именно туда, куда укажет «цык» США.

Но в действительности ведь происходило совсем другое! Говорю вам то, что знаю стопроцентно: за объединение Германии Тэтчер ненавидит Горбачева как предателя; но и Буш-старший буквально «обалдел» от этого объединения! Буш его не хотел! Конечно, когда Германия объединилась, Тэтчер и Буш публично это поддержали. Но внутренне они этого очень не хотели. А объединение состоялось.

О чем тогда идет речь? О том, что Горбачев был интегрирован в другой проект, альтернативный американскому! И тогда были произнесены слова: «Он нас "кинул" с Колем». Но это же не «кинуть на бабки» партнера-коммерсанта где-нибудь в Саратове, это другой масштаб процесса, это миропроектная борьба!

А что сейчас политически говорит Буш? Что сначала он хотел быть чуть-чуть другим, чем его папа, а теперь будет таким-то и таким-то? Он миропроектную присягу заново принимает! Он – в Европе, рядом с Братиславой, в Майнце, – стратегически переопределяется! Там идет «перезагрузка миропроектных матриц»!

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
«ПЕРЕЗАГРУЗКА МАТРИЦ»:
ЧТО ДЕЛАТЬ?**

Конечно, внутри этих матриц сохраняется какая-то стратегическая предметственность. Но матрицы, несомненно, перезагружаются. А российская элита этого, похоже, вообще не понимает.

И до тех пор, пока внутри этой элиты не возникнут очаги политической властной мысли, то есть «цыка», пока эти люди не будут хотя бы успевать за событиями, – до этого момента провалы будут воспроизводиться и нарастать и вести страну к крупномасштабной бойне. Это неизбежно, потому что в мире перезагружающихся матриц уже невозможно быть «плюросателлитом», уже невозможно двигаться в русле интересов сразу нескольких мировых центров силы и одновременно всех их «накалывать».

Пока не возникнет хотя бы качественного мониторинга меняющейся ситуации, а также ее осмысления и превращения этого осмысления в политическую волю, мы будем ползти к бойне. И поэтому на сегодняшний день «цык» и «чик» – это не моя шутка и не пустая метафора, а перцепция – это вовсе не заумь каких-то «академистов». Это тот «хлеб насущный» политики, отсутствие которого завтра обернется большой кровью и хаосом в ядерной стране с гигантским количеством боеприпасов и критически опасных объектов, которые все равно в реальности нельзя проконтролировать.

Или кто-нибудь всерьез надеется, что где-нибудь посреди русской зимы эти боеприпасы и объекты будет охранять от набегов исламистских и других банд контингент из 1000 американцев, дрожа от холода и участь коррупции и алкоголизму с неслыханной быстротой? Их что, наши ребята не научат, как брать рубли и баксы «налом» и жрать водку? Увы, научат, научат в два счета.

Поэтому пафос моих предупреждений имеет несколько разных ракурсов и адресатов.

Первое. Я хочу по-доброму предупредить разумных людей в Соединенных Штатах и в других местах, что обозначившаяся смена стратегии США означает «шаг к концу». Хотят они того или нет, но стратегически сильная Россия – это безальтернативная аксиома устойчивого существования США. Речь не о российском патриотизме, просто так устроен мир.

Второе. Хочу предупредить, что все нынешние «игры с обострениями» в российской властной элите в условиях, когда разные центры сил подталкивают людей в разные стороны и когда им все время кажется,

что «чиком» можно заменить «цык», приведут к бойне. Им нужно понять, что альтернативы «цыку» нет и не может быть.

И третье. Хочу подчеркнуть, что анализ событий и фактов не может быть оторван от понимания главных миропроектных трансформаций, определяющих сегодняшнее и завтрашнее «лицо» меняющегося мира.

А суть этих трансформаций, скорее всего, примерно та, о которой я здесь говорил. Каждый из вас может их осмысливать по-своему, но поверьте: они не сводятся ни к борьбе за материальные ресурсы, ни к триумфу одного из мироустроительных начал. Процесс гораздо сложнее, и главное в нем – нынешнее изменение фундаментальных мироустроительных стратегем. Нам это изменение стратегем страшно невыгодно, но оно невыгодно и многим другим. И все, кто не хочет этого изменения стратегем, на определенном этапе могут договориться между собой. Могут договориться, если они понимают, что происходит.

Но понимать это они могут, только если перейдут от «чика» к «цыку». И, к сожалению, эта проблема существует не только у нас. Чем быстрее мы ее решим, тем скорее ситуация – и у нас в России, и в мире – хотя бы нормализуется.

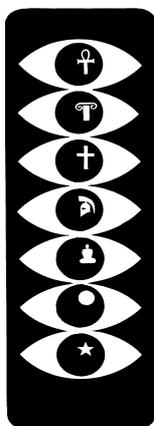
Все остальное отложим на 10–15 лет. А сейчас речь идет о ближайших месяцах, о лете–осени этого года. Эти рубежи надо, прежде всего, перейти. И перейти их будет очень нелегко.

Когда мы говорим, что человек не должен быть подчинен чему-то высшему, нежели он сам, это не умаляет значения идеалов. Напротив, это – сильнейшее утверждение идеалов, но, чтобы это понять, необходимо проанализировать само понятие идеала. Сегодня все склонны считать, что идеал – это любая цель, достижение которой не приносит материальной выгоды, что угодно, ради чего человек готов пожертвовать своими эгоистическими интересами. Это сугубо

психологическая и тем самым
релятивистская концепция идеала.
С этой субъективистской точки
зрения фашист, увлеченный
стремлением подчиниться высшей
силе и в то же время подавить
других людей, является таким же
идеалистом, как и борец за
человеческую свободу и
равенство. На такой основе
проблему идеала не решить.

Эрих Фромм

Дов Конторер

**ВРАГ У ВОРОТ:
ЮБИЛЕЙНЫЕ
РАЗМЫШЛЕНИЯ***

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

The author deals with the following principal questions: Are all totalitarian regimes equivalent? Was Trotski right when he was one the first persons who noted resemblance of Sialinism, i.e. the real Communism, and Nazism? It follows from the article that even though the West accepted the strategic partnership with the USSR to fight Hitler (Churchill's role is mentioned in the positive way), in years of the cold war principle of Communism equation to Nazism was laid in the basis of confrontation. The same principle proved to be dominant in formation of national memories about WWII in the Baltic states, in Ukraine and in some countries of Central and East Europe. The author points out the intimate connection between «theory of totalitarianism» which has gained a considerable popularity in the recent years and revision of the historical memory about the war and partial rehabilitation of Hitlerism. The Jewish aspect of attitudes to theories that equalize Communism and Nazism is examined. The author does not pass by silence the Islamic fundametalists' attitude to these problems. Tallying up the author notes that comparison of Communism and Nazism based on principle of totalitarianism ignores the essence of these ideologies, their nominal content. The difference between Communism and Nazism is as follows: while Communism makes its absolute of equality Nazism makes its absolute of inequality; Communism calls «for the sake of life on the earth» while Nazism declares «Long live the death!» If the positive sense is eliminated a society can sustain only due to the fear of chaos and anarchy. This fear is to be maintained by ruthless repression. Logically that may results in ideologically sterile super-totalitarianism.

* Журнальная версия публикаций в русскоязычной газете «Вести» (Израиль) от 21.04, 28.04, 5.05 и 11.05.2005.

Мысль о нравственной и политической равноценности тоталитарных режимов различного типа была принята в диссидентской и околодиссидентской среде последних советских десятилетий. Еще до своего знакомства с широко известными ныне работами Х.Арендт, К.Й.Фридриха, В.Виппермана, Д.Л.Туллина, З.Бжезинского и др. значительная часть советской интеллигенции сделала собственные умозаключения в духе теории тоталитаризма. Признаки, по которым эта теория определяет тоталитарный режим (монополия массовой партии, возведенная в абсолют идеология, подавление политической оппозиции силами тайной полиции, монополия государства на средства массовой информации и централизованное управление экономикой), были в достаточной мере очевидны. Для того чтобы дать название режиму, воплощающему их совокупность, требовалось, по сути дела, только одно: осознать существование принципиально иных форм организации современного общества. Осознать – как реальный факт, предполагающий возможность сравнения.

Таким образом, проснувшееся посткоммунистическое сознание не могло не обнаружить структурного сходства между жесткими однопартийными режимами, построенными на базе существенно разных идеологий. Более того, в числе первых это открытие сделал не кто иной, как Л.Д.Троцкий, один из легендарных создателей советского государства. Уже в 1936 году он писал: «Сталинизм и фашизм, несмотря на глубокое различие социальных основ, представляют собою симметричные явления. Многими чертами своими они убийственно похожи друг на друга»¹.

Признать этот факт с относительной легкостью Троцкому позволяла его убежденность в том, что развитие СССР могло бы пойти по иному пути, если бы у власти в стране оказался он, вождь «большевиков-ленинцев», а не ставленник бюрократии Сталин, служивший в его глазах олицетворением «советского бонапартизма» и «термидорианской реакции». Кроме того, отмеченная легкость сделанного Троцким признания была обусловлена следующим его убеждением: «Накануне (Первой) мировой войны... демократия была прочно установлена, по крайней мере в Европе, в Северной Америке и в Австралии. Конституционная механика представительства казалась единственно приемлемой для цивилизованного человечества системой управления. А так как цивилизация продолжала расти и шириться, то будущность демократии каза-

¹ Троцкий Л.Д. *Преданная революция: что такое СССР и куда он идет?* М., 1991.

лась несокрушимой. Многие и сейчас еще живут в XIX веке. На самом деле демократия привела к диктатурам... Мелкая буржуазия в нынешнюю эпоху вообще не может выдвинуть ни оригинальных идей, ни самостоятельных вождей. У Гитлера, как и у Муссолини, все заимствовано и подражательно. Муссолини совершал плагиат у большевиков. Гитлер подражал большевикам и Муссолини»².

По Троцкому, демократия порождает диктатуру необходимым образом, но при этом диктатура пролетариата могла сохранить своеобразную «советскую демократию» первых революционных лет и, в конечном счете, через свое развитие утвердить человеческую свободу на качественно новых основах, более прочных, нежели те, что присущи буржуазному обществу. В этом отношении Троцкий, как и социалисты вообще, следовал Жан-Жаку Руссо, считавшему, что политическая демократия несовместима с чрезмерным экономическим неравенством.

С сегодняшнего расстояния трудно понять, каким образом виделся Троцкому благополучный исход того столкновения «революционной демократии» со «сталинской бюрократической кастой», в котором он проиграл своему сопернику и будущему палачу. В эмигрантских работах Троцкого данная тема затрагивается очень часто, но его рассуждения, весьма убедительные во многих других случаях, именно здесь провисают дряблой, голословной апологетикой. Например: «Противовесом бюрократии, с первых дней советского режима, служила партия. Если бюрократия управляла государством, то партия контролировала бюрократию... Историческая роль фракции Сталина состоит в том, что она уничтожила это раздвоение, подчинив партию ее собственному аппарату и слив этот последний с аппаратом государства. Так создался нынешний тоталитарный режим. Победа Сталина тем именно и была обеспечена, что он оказал бюрократии эту немаловажную услугу»³.

Нам позволительно сегодня не согласиться с убежденностью Троцкого в том, что внутреннее развитие СССР могло пойти в 20-е годы по принципиально иному пути. Равным образом нас ни к чему не обязывает следующее суждение отрешенного от власти вождя: «Подавление советской демократии всесильной бюрократией, как и разгром буржуазной демократии фашизмом, вызваны одной и той же причиной: про-

² Троцкий Л.Д. Предисловие // Сталин. Т.1. М.: Терра, 1990

³ Троцкий Л.Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет?

медлением мирового пролетариата в разрешении поставленной перед ним историей задачи»⁴.

Буржуазная демократия не была разгромлена фашизмом полностью, а советская демократия так и осталась химерой, трагическая зависимость которой от невспыхнувшей революции в Европе кажется нам сегодня лукавой «отмазкой» Троцкого от глухо доносившегося из сталинских лагерей приговора: «За что боролись, на то и напоролись». Да и вообще, для серьезного обсуждения исторических задач, не решенных своевременно пролетариатом, нужно, как минимум, согласиться с первым шагом марксистской мысли, наделившим пролетариат безусловной субъектностью. Сделать этот шаг вместе с Марксом сегодня решатся не многие.

Соответственно, мы склонны считать, что развитие СССР пошло бы по тому же трагическому пути, с весьма незначительными отклонениями, если бы не Сталин, а Троцкий оказался преемником Ленина в 1924 году. Единственная очевидная вариативность касалась бы в этом случае остроты и масштабов последующей антисемитской реакции на правление большевиков. Данное обстоятельство заставляет нас думать, что История оказала евреям и русским милость, утвердив, как свершившийся факт, политическую победу «фракции Сталина». Не потому, что Троцкий был хуже Сталина – все известное нам говорит об обратном, вопреки огульным наветам антисемитов, жаждущих, чтобы самым главным злодеем непременно считался еврей, – а потому, что сталинское правление дало меньше поводов и возможностей для интерпретации советской истории в терминах «еврейского заговора».

В эмиграции Троцким было написано много живого и интересного, однако, будь он правителем великой державы, а не интеллектуалом-изгнанником, его мысль и язык развивались бы в ином направлении, окаменевающая вместе с коммунистической бюрократией, возникновение которой кажется нам сегодня закономерным. Некоторые идеи Троцкого, стоявшие в центре партийных дискуссий в 20-е годы, выглядят несовместимыми с этим утверждением. Следует, однако, помнить, что и Сталин отказался со временем от многих своих идей – или, точнее, тезисов – в силу понятных нам, большей частью, прагматических соображений.

Очень часто Сталин принимал и использовал именно те идеи, которые считались троцкистскими и с которыми сам он прежде ожесточенно

⁴ Там же.

полемизировал (понятно, что адаптация подобного рода совершалась им без признательных ссылок на первоисточник). Точно так же и Троцкий мог бы, оказавшись он у власти, использовать чужие идеи, подчиняясь практической целесообразности. Автор этих строк допускает, что даже ненавистная Троцкому «теория построения социализма в одной стране» была бы принята им на вооружение после нескольких бесплодных попыток стимулировать пролетарскую революцию за пределами СССР.

Существует, конечно, и личный аспект. Троцкий писал: «Сталин, как и Гитлер, как и Муссолини, являются по своей нравственной природе *циниками*. Они видят людей с их низшей стороны. В этом их реализм». Тот же аспект был значительно позже сведен Ю.Карабчиевским в простую – слишком простую – формулу сталинизации как политического процесса: «В величайшей стране величайшая власть в истории концентрируется в руках величайшего в мире подонка»⁵. Кажется, что сам Троцкий в таком смысле *циником* и *подонком* не был, но это значит только одно: не стал. Следуя марксистским представлениям о роли личности в истории, столь подходящим для данного случая, мы должны бы признать: оказавшись Троцкий в позиции Сталина, и «их реализм» сделался бы его реализмом.

Кстати, это не подразумевает обязательного отказа от идеализма – того качества, которым Троцкий столь явственно и несомненно отличался от Сталина. К примеру, Гитлер был идеалистом, причем в самых страшных своих проявлениях. Троцкий находил у Гитлера «черты монотомии и мессианизма». Можно сказать и так, но ни идеализму, ни цинизму эти черты не противоречат.

В конце концов, сам же Троцкий писал, размышляя о неожиданной для многих актуальности Макиавелли в XX столетии, после того, как его политическое наследие было отвергнуто предыдущим XIX веком: «Но мы можем сказать теперь: ни одна эпоха прошлого не была так жестока, беспощадна, цинична, как наша эпоха... Наша эпоха похожа на эпоху Возрождения в том смысле, что мы живем на грани двух миров: буржуазного, капиталистического, который переживает агонию, и того нового мира, который идет ему на смену. Социальные противоречия снова достигли исключительной остроты. Политическая борьба сконцентрировалась и не может позволить себе роскоши прикрываться правдами морали... Наша эпоха есть эпоха лжи, по преимуществу. Я не хочу этим сказать, что другие эпохи человечества отличались большей

⁵ Карабчиевский Ю. Воскресенье Маяковского. М., 1990.

справедливостью. Ложь вытекает из противоречий, из борьбы, из столкновения классов, из подавления личности обществом; в этом смысле она составляла аккомпанемент всей человеческой истории. Но бывают периоды, когда социальные противоречия принимают исключительную остроту, когда ложь поднимается над средним уровнем, ложь приходит в соответствие с остротой социальных противоречий. Такова наша эпоха»⁶.

Соответственно, под сталинизмом мы подразумеваем здесь состоявшийся коммунизм, единственно реальный в истории, отражающий неизбежную «на грани двух миров» концентрацию политической борьбы и в большинстве своих характеристик определенный уже событиями 1917–1922 гг., произошедшими при ключевом участии Троцкого, до «победы фракции Сталина». При этом нам представляется важным, что именно Троцкий одним из первых отметил «убийственную схожесть» сталинизма, то есть реального коммунизма, с фашизмом, согласившись использовать в данной связи многозначительный термин: «тоталитарный режим» (сам термин был позаимствован им у Муссолини, который первым ввел его в оборот в середине 20-х годов).

* * *

Значительно позже это открытие было заново сделано в СССР проснувшейся интеллигенцией. Оно совершалось прежде, чем новый тип мышления осознавал себя как окончательно ушедший от коммунистической догматики и от внутренней сопричастности советскому строю. Например, знаменитый фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» оказал значительное влияние на советское общество в середине 60-х годов именно потому, что он впервые высветил сходство между нацизмом и коммунизмом эпическими средствами документального кинематографа.

Сам Ромм, как и большинство его зрителей, не был тогда убежденным противником советского строя. Если он как-то и объяснял себе смысл сделанного им визуального открытия, то, скорее всего, в расплывчатых терминах, которые предложила ему хрущевская эпоха («восстановление ленинских норм социалистической демократии» и т.п.). В этом своем аспекте предполагаемая идеология М.Ромма может быть

⁶ Троцкий Л.Д. Сталин. Т.1.

названа нами «троцкистской», поскольку она подразумевала возможность лучшего, чем в реальной истории, воплощения коммунистических идей. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на известное выступление Ромма перед деятелями науки, театра и искусств: «Вот у нас традиция: исполнять два раза в году увертюру Чайковского "1812 год". Товарищи, насколько я понимаю, эта увертюра несет в себе ясно выраженную политическую идею – идею торжества православия и самодержавия над революцией. Ведь это дурная увертюра, написанная Чайковским по заказу. Это случай, которого, вероятно, в конце своей жизни Петр Ильич сам стыдился. Я не специалист по истории музыки, но убежден, что увертюра написана по конъюнктурным соображениям, с явным намерением польстить церкви и монархии. Зачем Советской власти под колокольный звон унижать "Марсельезу", великолепный гимн французской революции? Зачем утверждать торжество царского черносотенного гимна? А ведь исполнение увертюры вошло в традицию. Впервые после Октябрьской революции эта увертюра была исполнена в те годы, когда выдуманы были слова "безродный космополит", которыми заменялось слово "жид"»⁷.

Здесь мы наблюдаем примечательную реакцию художника-интернационалиста на свершившуюся при Сталине фашизацию коммунизма. Конкретный повод для критики многим покажется неуместным, но именно этой наивной своей заостренностью выступление Ромма напоминает типичные инвективы Троцкого в адрес «сталинской фракции», включая его брюзжание по поводу появившихся на каком-то мероприятии РКП (б) «красных казаков» при столь ненавистных ему самому и многим другим революционерам чубах и лапмасах.

Апелляция к ленинскому, интернациональному и «демократическому», как тогда утверждалось, наследию была типична для первых опытов интеллектуально-политической фронды в СССР, вызванной к жизни внутренней эволюцией советского строя и засвидетельствованной XX съездом КПСС. Однако следующим этапом стала действительная и глубокая эмансипация посткоммунистического сознания советской интеллигенции. С этим было связано появление значительной социальной среды (открытые диссиденты и их резонансное окружение), отвергавшей идейное наследие коммунизма в целом.

Обнаруженное сходство коммунизма с нацизмом часто осмыслялось в этой среде как тождество, а иногда и более того: как утверждение

⁷ Текст этого выступления М.Ромма ходил в Самиздате с 1963 года.

коммунистического приоритета на лестнице мирового зла. Данному выводу способствовала сама стихия противостояния советской власти и ее репрессивному аппарату, ведь КГБ – в отличие от гестапо – был существующим и непобежденным врагом. Противостояние требовало мужества, честности и, конечно же, ненависти, без которой в бой и на каторгу не идут.

Предельное зло ненавидеть легче. Гитлер становился мелким хулиганом эпохи большого бандита Сталина. Чьим-то хитроумным подсчетом доказывалось, что в сталинских лагерях было убито больше людей, чем в гитлеровских. Кем-то ставился жирный знак равенства между Борманом и Берманом. Классовая война объявлялась сущностно равноценной расовому геноциду.

На западных национальных окраинах бывшего СССР эти тезисы приобретали особую популярность. Уравнивание коммунизма с нацизмом снимало с местного населения вину за уничтожение евреев в годы Второй мировой войны, ведь коммунизм легко становился «еврейским», и тогда восторженное участие украинцев, прибалтов и бессарабов в организованном Гитлером геноциде представало закономерным, почти справедливым возмездием за преступления большевиков.

В последующий период, уже с обретением независимости, этот принцип уравнивания сделался доминантным в формировании национальной исторической памяти постсоветских государств. К примеру, на Украине почти всякое упоминание о Катастрофе европейского еврейства приводится сегодня в тесной связи с так называемым «голодомором» тридцатых годов. Здесь следует сразу же оговориться: вызванный коллективизацией голод на Украине (и не только на Украине) в 1932–1933 гг. действительно был. Судя по данным наиболее корректных исследований, его жертвами стали порядка 3–3,5 млн. человек⁸. Таким образом, речь здесь идет об одной из самых страшных трагедий XX века. Но между признанием этого факта и тезисом о «голодоморе», т.е. о преднамеренной организации голода с целью «этноцида украинского крестьянства», существует огромная разница.

Доказать, что голод 30-х годов был именно «голодомором», никому не удалось, хотя пытались, конечно, многие. Напротив, серьезным исследователям очевидно, что тезис о «голодоморе» манипулятивно ис-

⁸ Кульчицкий С. *Україна між двома війнами (1921–1939 рр.)*. Київ, 1999; *Население России в XX веке. Исторические очерки. Т.1. 1900–1939 гг.* М., 2000.

пользуется новой элитой в Киеве как политико-идеологический миф⁹, призванный сформировать и сплотить украинскую нацию через радикальное противопоставление украинцев России и через подразумеваемый, но не всегда проговариваемый намек на евреев как на организаторов «украинского холокоста». Данной тенденции все чаще поддакивают еврейские общественные деятели на Украине, знающие, что без усвоения этого нарратива, с его антисемитскими обертонами, им не построить выгодных отношений с новой украинской властью.

В рижском Музее оккупации коммунизм и нацизм представлены как два равноценных явления, причем на стендах, посвященных событиям 1940 года, выделены документы, подводящие посетителя к мысли о том, что виновниками осуществлявшихся в этот период расстрелов и депортаций были евреи. С указанной целью используется даже такой немудреный прием, как презентация личной анкеты участника XVII конференции ВКП (б), заполненной в 1932 году одним из будущих руководителей латвийского НКВД. Эта анкета не имеет никакого отношения к общему материалу экспозиции, но она оказалась полезна тем, что в ней имеется графа «национальность» со столь желанным признанием: «еврей». Ознакомившись с содержанием этого и других документов такого же рода, посетитель подходит к стендам, посвященным немецкой оккупации. На них он видит фотографии евреев, стоящих у расстрельного рва. Вывод подсказан: преступление и наказание.

Эта percepция возникла задолго до распада СССР и появления на его территории сегодняшних независимых государств. Она бытовала уже в ранней диссидентской среде, причем не только окраинной, но также и русской, включая ее еврейскую и даже сионистскую часть. Как уже отмечалось выше, осознание действительной схожести коммунизма с нацизмом в условиях противостояния советской власти почти неизбежным образом отливалось в утверждение их нравственного тождества (и более того).

* * *

Помимо отмеченного психологического эффекта, который был обусловлен противостоянием репрессивному аппарату СССР, существовали и другие факторы воздействия. С Запада прихо-

⁹ Подробнее об этом см.: Марчуков А.В. А был ли «голодомор»? // Россия XXI. 2004. №6.

дили теории, в которых тезис о нравственной и политической равноценности тоталитарных режимов развивался в целостное мировоззрение. Эти теории там, на Западе, рождались в определенном контексте, как ответ на чью-то системную, национальную, иногда просто личную заинтересованность.

Системной была потребность, которую диктовали идеологические задачи холодной войны. Вчерашний враг – Германия – оказался союзником, вчерашний союзник – СССР – стал врагом, и это подталкивало Запад к созданию такой системы координат, в которой макроидеи поменявшихся местами врагов-союзников будут сочтены равноценными в нравственном отношении. Занижение антинацистского пафоса началось уже в первые послевоенные годы, когда американцам потребовалось восстановить немецкую армию в рамках только что созданного блока НАТО. Именно на этом фоне прозвучало одиозное заявление генерала Паттона, командующего 3-й американской армией в Европе и оккупационными силами в Баварии. Когда его спросили на пресс-конференции, почему он назначил многих нацистов на руководящие должности в новом немецком аппарате, Паттон ответил: «Нацисты? Ведь это партия. Такая же партия, как республиканцы и демократы». Это заявление стоило генералу карьеры, но оно отражало ту психологическую атмосферу, в которой строились новые отношения американцев с немецкими военными.

Национальной была потребность немцев в частичной реабилитации своего прошлого через сопоставление его с коммунизмом. Теория тоталитаризма решала эту задачу в политологии при одновременном продвижении к тем же выводам немецкой историографии, с весьма характерной для нее в 50-е годы трактовкой нацизма как «восстания масс» (Г.Риттер, Г.Франц-Виллинг) или как подражательной немецкой реакции на победу большевиков в России (некоторые тезисы, изложенные в данной связи Эрнстом Нольте, отчетливо напоминают мнение Л.Д.Троцкого о полном отсутствии креативных талантов у «мелкой буржуазии в нынешнюю эпоху»). В данном контексте гитлеровскому режиму противопоставлялись традиционная аристократия, офицерский корпус, буржуазия, чиновничество с его представлениями о долге и чести, то есть едва ли не все немецкие добродетели. Классическим примером такого подхода в послевоенной германской историографии считается работа Г.Риттера «Карл Герделер и немецкое движение Сопротивления».

Точно такой же характер, связанный с тенденцией к оправданию собственного национального прошлого, носила расположенность к формуле «нацизм = коммунизм» в оппозиционных Советскому Союзу кругах Восточной Европы и, как уже отмечалось, на западных окраинах СССР. Последовательных и активных противников коммунизма, вовсе не запятнавших себя соучастием в гитлеровских преступлениях или, по крайней мере, идейно-политическим сотрудничеством с нацистским режимом, в Восточной Европе, за исключением разве что Чехии, было не так уж много. Соответственно, там ощущалась явственная потребность в уравнении двух «равноценных» зол, позволявшая оправдать неблагоприятную сделку с одним сатаной через необходимость противодействия другому.

Личной была потребность Ханны Арендт в оправдании тех чувств, в которых она не могла отказать Мартину Хайдеггеру, философскому патрону арийского мифа. Трагически осозанный и пережитый ею нацизм все же удалялся от полюса абсолютного зла, оказываясь включен в специальным образом отформатированное идейное и понятийное поле (теория тоталитаризма). Иной по своему характеру, но тоже глубоко личной была потребность А.Г.Авторханова в оправдании принятого им решения перейти на сторону немцев в 1942 году. Таких примеров – разных, но в чем-то и схожих – было после войны великое множество.

Все эти уровни заинтересованности (системный, национальный, личный) находились в теснейшей связи между собой, тем более что носителями связанных с ними идей и подходов часто являлись одни и те же люди. В данном очерке мною не рассматриваются маргинальные группы, которые были готовы и после 1945 года отстаивать нацизм в качестве положительного идеала. Я не склонен ими пренебрегать, но в послевоенный период они могли сохранить влияние в США и Европе лишь при условии политической мимикрии. Таким образом, их манифестация распознается нами в общем контексте, подразумеваемом, во-первых, изъявление лояльности западным демократиям (либерализм) и, во-вторых, утверждение нравственной и политической равноценности нацизма и коммунизма – с искренним или деланным осуждением обеих тоталитарных идеологий.

Невозможно в точности установить, когда такая манифестация носит искренний характер (ценностное самоотождествление говорящего с либерализмом, равно отвергающее любые формы тоталитаризма и действительно не находящее принципиальной разницы между ними) и когда является формой политической мимикрии (ценностное самоотожде-

ствление говорящего с нацизмом, которое лишь маскирует себя через «равное отрицание любых форм тоталитаризма»). В самом деле, кто может сказать о человеке, вчера еще носившем униформу ваффен-СС или работавшем в одном из пропагандистских штабов Третьего рейха, какова степень его приверженности ценностям либеральной демократии, если сегодня он трудится в издательстве «Посев», на радиостанции «Освобождение» (с 1959 года – радио «Свобода»), в американской военной школе в Регенсбурге или в Межнациональном антибольшевистском координационном центре? Но именно такие люди, включая ветеранов НТС с богатым нацистским прошлым, составляли в послевоенные десятилетия кадровый костяк отоброшенного антикоммунистического актива.

Мы вынуждены принимать во внимание эту неразличимость, но она не выводит нас за очерченные выше рамки, поскольку речь здесь все же идет о людях, не изъявлявших после войны открытых симпатий к нацизму. Как свидетельствует о себе Авторханов¹⁰, в 1949 году, при поступлении на работу преподавателем в американскую военную школу, ему был задан вопрос: «Какую форму государственного правления вы предпочитаете»? На это бывший сотрудник пропагандистского штаба Vineta и действовавшего в Берлине Северо-Кавказского национального комитета ответил: «Любую, если я могу критиковать правительство того государства, не рискуя лишиться личной свободы». Был ли он искренен? «Господь – судья праведный, испытующий сердца и утробы»¹¹. Ну, а мы, в чужие сердца не вхожие, от суждений решительных и однозначных в данном случае уклонимся.

* * *

Выше был отмечен лишь один из аспектов системной заинтересованности Запада в уравнивании коммунизма с нацизмом. Этот аспект может быть назван «внутренним», то есть относящимся к тому, кем хотелось Западу видеть своих врагов и союзников в послевоенный период, когда идеологическая и политическая конфронтация с Советским Союзом вышла на первый план. Другой аспект, «внешний», носил сугубо функциональный характер и состоял он в том,

¹⁰ Авторханов А.Г. *О себе и времени. Мемуары.* Frankfurt/M.: Посев, 1983.

¹¹ Иеремия 11:20.

что либерализм не имел достаточных собственных ресурсов для противостояния коммунизму. Единственным источником их пополнения или, точнее, качественного усиления оказался после 1945 года фашистский фактор.

Данный тезис требует хотя бы краткого объяснения. Дело в том, что классический коммунизм являлся для либерализма альтернативным направлением того же самого проекта модерн, к которому принадлежал и он сам. Тупиковым, плохим направлением, но того же самого исторического проекта, родившегося в постхристианском (и потому уже христианском) контексте европейской духовной эволюции. Другими словами, для Запада как для *системы* коммунизм, по-своему развивавший импульс Нового Времени и эпохи Просвещения, представлялся и был *иносистемой*. В то же время фашизм, и в особенности нацизм, провозглашавший фундаментальный отказ от проекта модерн через апелляцию к «примордиальной традиции» и атаковавший религию Откровения как смертоносный корень модернистского зла, составляли для Запада *анти-систему*.

При этом своими «издержками» и крайними формами модерн, несомненно, пугал европейских консерваторов. Коммунизм, как иносистема, предъявлявшая мощный в те годы *software* красной идеи и постоянно растущий *hardware* РККА, бросил нешуточный вызов Западу. Страх перед этим вызовом обусловил на определенном этапе известную снисходительность демократий по отношению к фашизму. Ллойд-Джордж открыто говорил в британском парламенте о возможности использовать Третий рейх для борьбы с Советским Союзом. Британская королевская семья вела с нацизмом бурный роман, ставший в какой-то момент скандальным и стоивший короны Эдуарду VIII. Вооруженное столкновение коммунизма с фашизмом на испанской земле вызвало острый раскол во Франции в 1936–1939 гг. Ватикан в течение долгого времени демонстрировал примечательную терпимость в отношении нацистской Германии, несмотря на откровенно антихристианский, неоязыческий пафос гитлеризма и его нескрываемую враждебность к католикам.

Можно сказать, что к идее стратегического партнерства с нацизмом – против СССР – тяготели в тридцатые годы влиятельные общественные силы во всех демократических странах, включая США. Тем не менее представляется вполне закономерным тот факт, что в ситуации окончательного выбора Запад пошел по пути стратегического партнерства с Советским Союзом – против гитлеровской Германии. Система и иносистема объединили свои усилия в битве с антисистемой, отрицав-

шей ценностный смысл европейской истории на уровне глубочайших ее оснований. Этот выбор отлился в чеканную формулу Уинстона Черчилля, перечеркнувшую предвоенные колебания Запада: «Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, – наши враги»¹².

Нужно вспомнить, что речь Черчилля, в которой прозвучали эти слова, была произнесена вечером 22 июня 1941 года и начиналась она так: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние двадцать пять лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. И я не возьму обратно ни одного своего слова».

Далее Черчилль сказал: «Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся – да, ибо бывают времена, когда молятся все, – о безопасности своих близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры. Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами, только что усмирившими и связавшими по рукам и ногам десяток стран. Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще не зажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу. За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий»¹³.

¹² Черчилль У. *Вторая мировая война*. М.: Воениздат, 1991. Кн.2. Т.3.

¹³ Там же.

Днем раньше, 21 июня 1941 г., Черчилль сказал за обедом, что нападение Германии на Россию является теперь неизбежным и что, по его мнению, Гитлер рассчитывает заручиться сочувствием капиталистов и правых в Англии и в США. Личный секретарь премьер-министра Колвилл отметил в связи с этим следующее высказывание Черчилля: «Гитлер... ошибается в своих расчетах. Мы окажем России всемерную помощь... то же самое относится и к США». Далее Колвилл приводит еще один эпизод: «После обеда, когда я прогуливался с Черчиллем по крокетной площадке, он вернулся к этой теме, и я спросил, не будет ли это для него, злейшего врага коммунистов, отступлением от принципа. Черчилль ответил: «Нисколько. У меня лишь одна цель – уничтожение Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин».

* * *

Итак, Запад выбрал тогда свой образ того, что хуже любого ада: свою онтологическую противоположность. Многие до сих пор уверены в том, что Черчилль ошибся, отклонив предложение Гесса, и сожалеют о несостоявшемся союзе Запада с Гитлером против большевиков. Равным образом в России имеются люди, горько сожалеющие о том, что Сталин не сумел как следует договориться с Гитлером о совместной борьбе с «атлантистами». Отметим, со своей стороны, что метафизическим и политическим языком такого союза мог быть только фундаментальный антисемитизм. Именно поэтому антисемитизмом всегда чреват крайний, тотальный, бескомпромиссный антикоммунизм, с присущим ему обличением «ялтинских хищников» и т.п. Подтверждения данному тезису мы находим сегодня во множестве – в риторике руководителей некоторых государств, возникших на руинах коммунистического проекта, в торжественных шествиях ветеранов ваффен-СС по улицам Риги, в регулярных выхлопах антисемитского смрада на западе Украины.

Можно было бы поставить вопрос о том, кто был иносистемой и кто антисистемой для коммунизма, кто – для нацизма. Теоретические спекуляции здесь возможны любые, но мы обязаны все же отметить: а) одним лишь сходством режимов и политических практик при попытке ответить на этот вопрос руководствоваться невозможно; б) необхо-

димое в данном контексте сравнение идеологий не должно сводиться к поверхностным рассуждениям следующего типа: «разницу между нацизмом и коммунизмом составляло лишь то, что у одних была избранная раса, а у других – избранный класс»; в) реальная, состоявшаяся история, в которой нацистская Германия развязала против коммунистического СССР войну на уничтожение, объективно является в этом споре решающим аргументом.

В каком-то смысле с позиций сегодняшнего дня, зная о характере актуальных процессов в Европе, легче «настроить компас», который точно укажет на антисистему нацизма. Всем понятно, что Евросоюз не хочет и не может сегодня интегрировать Россию, если Россия остается Россией, то есть не отказывается от надежды сохранить (или обрести) свою идентичность и не поддается попыткам расчленить ее на удобоваримые для европейского чрева куски регионов. Точно так же – и тем более – не мог Гитлер «интегрировать» Советский Союз в покоренное им пространство Европы. Соответственно, у Гитлера не было иного выбора, кроме как уничтожить СССР или погибнуть.

Аналогичным образом стоял вопрос для Советского Союза, хотя лично Сталину нацизм, по всей вероятности, импонировал какими-то своими чертами. Но эмоции Сталина при всем их значении не были единственным фактором, определявшим судьбу и политику огромной страны. Фактически СССР не мог присмотреть себе место в управляемом Гитлером мире. И у него тоже не было иного выбора, кроме как уничтожить нацизм или погибнуть.

Европа Гитлера приняла, заключив, что не так страшен черт, как его малюют. Оказалось, что жить под Гитлером можно сносно и даже культурненько. Нужно только послать своих полицейских, чтобы те собрали еврейских детей на велодром в Париже или в другое подходящее место, откуда их заберут в душегубку аккуратные немцы. Получалось, что черт – в основном для евреев, то есть вроде бы уже и не черт, а вполне себе конструктивный политик мирового масштаба. Успокоив себя таким образом, многие европейцы нашли изысканный вкус в грязи, слизанной ими с германского сапога. На почерпнутых в этой грязи бактериях возшла целая идеология европейского единства перед лицом большевистской опасности. «Вместе с твоими европейскими товарищами под знаком СС ты победишь!» – гласила в те годы надпись на адресованном французам мобилизационном плакате¹⁴.

¹⁴ Приводится в известной книге: Ионг Л. *Пятая колонна в Западной Европе*. М., 2004.

Безусловно, для Запада решался тогда вопрос о том, что счесть своей антисистемой, пределом своего отрицания. Но выбор такого рода никогда не бывает обращен только вовне. Встретившийся с гитлеризмом Запад выбирал себя – свою душу, свою идентичность. Благодаря решимости У. Черчилля, сумевшего правильно соотносить коммунизм, который он ненавидел, с нацизмом, который он возненавидел еще сильнее, этот выбор был сделан от имени Запада англосаксонскими странами. Но у Советского Союза даже и выбора не оказалось. Его столкновение с гитлеровской Германией, которая неумолимо превращалась в консолидированную и интегрированную на соответствующей основе Европу, было исторически неизбежным.

Сделав свой выбор, Запад определился внутренне очень существенным образом. Именно поэтому к началу холодной войны в самом либерализме, понимаемом здесь как идейная парадигма принятой на Западе системы правления и политической культуры, не было достаточных внутренних запасов пламенного антикоммунизма. Таких, что позволят молниеносно создать новый образ врага.

В разрушенной послевоенной Европе искали не только специалистов по производству баллистических ракет, но также спецов по борьбе с коммунизмом. Настоящими специалистами в этой области были чаще всего фашисты. Когда к ним обращались за помощью, они, как истинные знатоки своего дела, говорили американцам: «Если вы хотите победить коммунизм в Европе, вам нужно сначала победить его у себя дома, в Нью-Йорке и Вашингтоне». Опять же, как истинные знатоки, они могли объяснить заинтересованной публике, что коммунисты – это, прежде всего, евреи. «Хотите бороться с коммунизмом? Боритесь. Мы вот тоже боролись, да вы сами же нам и помешали».

Нет нужды говорить о том, что значительная часть радикальной левой на Западе в самом деле была еврейской. Можно рассуждать о ментальных причинах этого феномена как об имманентно присущих ассимилированному еврейству, но не следует забывать и о том, что евреям не было оставлено в тех условиях иной позиции, иного политического дискурса. Договориться с Гитлером могли все, кроме евреев. Многие, включая влиятельных представителей консервативной европейской элиты, пытались – и договаривались. Соответственно, кровным еврейским делом становилась поддержка антагонистической по отношению к Гитлеру силы, даже если этой силой был сталинский Советский Союз.

Поражаясь сегодня чудовищным текстам Лиона Фейхтвангера, мы не можем забыть, что искал великий писатель в Москве 1937 года. Проматривая еврейские биографии героев «Красной капеллы», не можем не знать, что побуждало этих людей к каждодневному смертельному риску. Еврейские физики в США, родившиеся в этой стране или бежавшие туда от нацизма (Роберт Оппенгеймер, Эдвард Теллер, Ганс Бете, Лео Сциллард, Евгений Вигнер, скрывавший еврейское происхождение своей матери Клаус Фукс и женатый на еврейке Энрико Ферми) были настолько напуганы Гитлером, что их отобилизованным гением практическая задача расщепления атома была решена с двадцатилетним, как теперь утверждают, опережением естественных темпов развития науки.

Но и в самих США были значительные силы, искавшие союза с нацизмом. Евреи и там оказывались на стороне, которая тяготела к противоположному полюсу политического притяжения, то есть к СССР. И если мы понимаем, что Запад, сделав свой выбор в пользу союза с коммунизмом против нацизма, определился внутренне очень существенным образом, то тем более должны понять силу связей, возникших тогда у еврейства с красной идеей. Порвать эти связи уже на следующий день после уничтожения Третьего рейха было, конечно же, невозможно. Потребовалась серия антисемитских процессов в послевоенном СССР и в управляемых из Москвы странах Восточного блока, с сопровождавшей расстрельные приговоры вакханалией в прессе и с обновленной версией кровавого навета в виде «дела врачей», чтобы в отношениях между евреями и коммунизмом пролегла глубокая трещина.

Автор этих строк склоняется к мысли о том, что бесславный конец коммунистического проекта предопределила явная фашизация советского строя в 1948–1953 гг. Именно она лишила этот проект подпитки интеллектуальной еврейской энергией внутри СССР и поддержки еврейских союзников извне. В предложенном здесь контексте данный тезис не так уж важен, и кто-то сочтет его доказательством априорной, мистической веры автора в силу библейского обещания: «И Я благословлю благословляющих тебя, а проклинающего тебя проклянута, и благословятся тобой все племена земные»¹⁵. Пусть так. С тем, что в отношениях между евреями и коммунизмом в результате объявленной Сталиным борьбы с «безродными космополитами» пролегла глубокая трещина, спорить, надеюсь, не станет никто.

¹⁵ *Бытие 12:3.*

Одним из первых осознал глубину этого разлома Давид Бен-Гурион. Еще в ходе Войны за независимость, когда решался вопрос о том, быть или не быть только что провозглашенному Государству Израиль, он расформировал подразделения Пальмаха¹⁶, лучшие тогда в израильской армии, но находившиеся под доминантным идеологическим влиянием сталинистской партии МАПАМ¹⁷. Это решение было принято Бен-Гурионом в тот момент, когда среди ультраправых, в

¹⁶ Пальмах (или ПАЛМАХ) – акроним ивритского названия «Ударные роты» (Плугот махац). Под таким названием в 1941 году, в связи с ожидавшимся вторжением вермахта в Палестину, были созданы особые, постоянно отмобилизованные части Хаганы. В случае оккупации страны Африканским корпусом Роммеля отряды Пальмаха, создававшиеся при участии британского командования, должны были организовать партизанскую борьбу в немецком тылу. Всего при участии англичан было создано 6 рот Пальмаха, группа для проведения операций на море («Пальям»), спецподразделение «Петер Хаз», состоявшее из хорошо говоривших по-немецки бойцов, и т.н. «Балканский отряд», готовивший парашютистов для заброски в оккупированную нацистами Европу. Общая численность этих отрядов составляла около 1 000 бойцов. В 1943 г., когда угроза немецкого вторжения в Палестину отпала, англичане прекратили сотрудничество с Хаганой, но сионистскому руководству удалось сохранить и увеличить Пальмах, используя для базирования его отрядов киббуцы, где пальмахники, наряду с военной подготовкой, занимались сельскохозяйственным трудом. Таким образом, с началом Войны за независимость Израйля в ноябре 1947 г. Пальмах, имевший в своем составе уже 4 батальона, представлял собой единственную отмобилизованную силу, находящуюся в распоряжении сионистского руководства. В ходе Войны за независимость на базе этих батальонов, с привлечением дополнительного числа добровольцев, было создано 3 бригады Пальмаха («Ифтах», «Харэль» и «Негев»), сражавшихся на самых трудных участках фронта и подчинявшихся собственному Командованию во главе с Игалеом Алоном. 7 ноября 1948 г. Командование Пальмаха было упразднено, а его подразделения влились в израильскую армию как обычные воинские части.

¹⁷ МАПАМ – акроним ивритского названия Объединенной рабочей партии (Мифлегет ха-поалим ха-меухедет), созданной в 1948 году на базе объединения социалистических групп Ахдут ха-Авода («Единство труда»), Ха-Шомер ха-цаир («Юный страж») и левого крыла Поалей-Цион («Рабочие Сиона»). Составляла оппозицию возглавлявшейся Бен-Гурионом Партии рабочих Эрец-Исраэль (МАПАЙ, Мифлегет поалей Эрец-Исраэль), придерживавшаяся марксистской идеологии и твердой просоветской ориентации, обладала доминантным влиянием в киббуцном движении. В 1992 году остатки МАПАМ влились в леворадикальный израильский блок МЕРЕЦ.

организации ЛЕХИ¹⁸, наметился переход ведущих идеологических кадров на просоветские позиции. И в то самое время, когда Ицхак Шамир сочинял статьи, восхвалявшие «страны народной демократии», Бен-Гурион уничтожал военную силу, которая, как он считал, могла угрожать ему путчем в случае значительного сближения Израиля с Западом.

Но политическая дальновзоркость Бен-Гуриона была едва ли не уникальной. В 40-е и 50-е годы прошлого века радикальная, просоветски настроенная часть левого движения на Западе оставалась в значительной мере еврейской. Таким образом, слова нанятых в послевоенной Европе учителей, этих опытных борцов с коммунизмом, казались американцам весьма убедительными. И именно поэтому период маккартистской реакции в США носил столь выраженный антисемитский характер.

Достаточно вспомнить, что по делу Юлиуса и Этели Розенбергов впервые в истории США смертный приговор за шпионаж был вынесен в мирное время, впервые – гражданским лицам и впервые – женщине. При этом Этель Розенберг, как точно теперь известно, не совершала того преступления, в котором ее, мать двоих детей, признали виновной. Знаменитый процесс «голливудской десятки» сопровождался раскрытием псевдонимов и разоблачительной публикацией еврейских фамилий в американской прессе. Джон Рэнкин, один из ведущих членов Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, охотно информировал сограждан о том, что подлинная фамилия Дэнни Кэя – Каминский, Эдварда Робинсона – Голденберг и т.д. Происходило все это в те же самые годы, когда советская пресса «срывала маски» с театральных критиков, режиссеров, публицистов, артистов, врачей еврейского происхождения.

¹⁸ ЛЕХИ – акроним ивритского названия подпольной организации «Борцы за свободу Израиля» (Лохамей херут Исраэль), созданной в начале 1940 года, с выходом из «Национальной военной организации» (ЭЦЕЛ, Иргун цваи леуми) группы активистов во главе с Авраамом Штерном. Причиной раскола стало принятое в октябре 1939 г. решение ЭЦЕЛ-Ла прекратить военные действия против британских властей на период войны с нацистской Германией. Арестованный А.Штерн был убит сотрудниками британской контрразведки в феврале 1942 г. После его гибели организацией ЛЕХИ руководила т.н. «тройка»: Натан Елин-Мор (впоследствии один из лидеров израильских ультралевых), Ицхак Шамир (впоследствии премьер-министр Израиля, лидер партии Ликуд) и Исраэль Эльдад (известный философ, переводчик и публицист, видный идеолог израильских правых).

* * *

Необходимо понять, сколь существенным был момент еврейской солидарности в мотивации тех, с кем решили бороться на Западе по рецептуре отобранных в послевоенной Европе специалистов. Александр Феклисов, состоявший сотрудником Амторга в Нью-Йорке и курировавший Розенберга по линии советской разведки, выпустил несколько лет назад книгу своих мемуаров. В ее первом, французском, издании внятно проговариваются некоторые вещи, смазанные затем при публикации книги на русском языке. В частности, там отмечается одержимое восприятие Холокоста, которое было присуще Юлиусу Розенбергу. Встречаясь с Феклисовым в годы войны, он часто говорил о происходящем в Европе истреблении евреев. При этом Розенберг постоянно возвращался к мысли о том, что только Россия по настоящему воюет с нацистами. Этот момент в его мотивации осознавался Феклисовым как важнейший, хотя, казалось бы, у экзальтированного американского коммуниста могли быть и другие мотивы для сотрудничества с советской разведкой.

О тайных связях, которые поддерживал с СССР Роберт Оппенгеймер, в Америке до сих пор говорят неохотно. Но, судя по воспоминаниям Павла Судоплатова, Оппенгеймер дважды встречался в 1941 году, накануне начала практических работ по созданию американской атомной бомбы, с советским разведчиком Григорием Хейфецем, состоявшим вице-консулом в Сан-Франциско. Хейфец был человеком поистине незаурядным. «Находясь на нелегальном положении в Германии, он окончил Политехнический институт в Йене и получил диплом инженера, – пишет о нем Судоплатов. – Хейфец, как еврей, рисковал в Германии головой, но его темная кожа позволила ему использовать фальшивые документы студента-беженца из Индии, обучающегося в Германии». Беседы Хейфеца с Оппенгеймером неизменно касались нависшей над миром угрозы фашизма и положения евреев в СССР¹⁹.

В Кремле адекватно оценивали мотивацию ведущих ученых, отдававших все свои силы работе по созданию атомного оружия в США и одновременно состоявших в связи с советской разведкой. К проходившему в 1946 году в Москве совещанию по проблеме атомного оружия спецслужбами были подготовлены краткие характеристики на основных

¹⁹ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: Олма-Пресс, 1997. Гл.7.

научных сотрудников Манхэттенского проекта. В этом ответственном совещании ожидалось участие Сталина, и составлявшиеся характеристики должны были дать указание на основной побудительный мотив того или иного ученого. Об Оппенгеймере в справке МГБ говорилось: «американский еврей, связан с нелегальной ячейкой компартии США». О Клаусе Фуксе, чье еврейское происхождение обычно замалчивается, – «немецкий еврей»²⁰. Кстати, именно Фукс предоставил Советскому Союзу технологию производства взрывателя для плутониевой бомбы (в более точном виде, чем Дэвид Гринглас, работавший техником в Лос-Аламосе и ставший затем главным свидетелем обвинения по делу Розенбергов).

Сегодня многим трудно понять глубину этих связей, имевших, помимо пикантного спецслужбистского выражения, еще целый ряд аспектов, проявлявшихся в политической и культурной деятельности еврейской левой на Западе. Нам настолько ясен антисемитский характер политики Сталина в послевоенные годы и настолько отвратителен его облик циничного деспота, что понять, каким образом еврейская солидарность побуждала кого-то поддерживать СССР и тем более работать на его спецслужбы в то страшное время, многие просто не могут. Наверное, это и в самом деле невозможно – без ясного осознания того, чем был нацизм и чем стало бы для евреев такое решение Запада, которым не гитлеровская Германия, а сталинский Советский Союз был бы определен в качестве антисистемы.

Быть может, сегодня, в связи с наблюдаемым натиском нацифицированного ислама, это будет проще понять, позволив себе умеренную фантазию. Попробуем вообразить исламизированную Европу, с которой США решили установить отношения стратегического партнерства на базе совместного противостояния общему врагу. Достаточно очевидно, что «общим врагом» явились бы в этом случае Израиль и Россия, буде последняя не капитулировала бы сразу, убоявшись неравной борьбы (у Израиля и такой возможности могло бы не оказаться, как не было ее у евреев в годы Второй мировой войны).

Даже сегодня, при наличии у государства Израиль какой-никакой стратегической опции и при сравнительно высоком уровне политической активности американского еврейства, этот сценарий ужасен. Ужасен именно потому, что он предполагает глубокое перерождение общества в самих США и во всякой другой стране, которая согласилась бы

²⁰ *Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3-х тт. М.: МФТИ, 2002. Т.1.*

воспринять фундаментальный антисемитизм в качестве понятийного языка своего сближения с исламом. А на иных основаниях сближение невозможно, поскольку антисемитизм составляет сегодня сущностную сердцевину нацифицированного ислама, самый внятный и неразменный код его идентичности.

Именно таким образом эволюционировали в 30-е и 40-е годы страны Европы, оказавшиеся в числе союзников Гитлера. Ни одна из них не могла построить этот союз без адаптации антисемитизма в свою государственную политику. В Великобритании к такому же партнерству с нацистами стремились лорд Галлифакс, герцог Гамильтон, герцог Кентский и пр. – все эти родовитые и могущественные консерваторы, с которыми даже Черчилль не решился вступить в открытую политическую борьбу, хотя их действия приобрели в 1940–1941 гг. недвусмысленные признаки государственной измены. Галлифакса отправили послом в Вашингтон, Гамильтона «отмазали» от участия в заговоре в обмен на приватное покаяние, герцог Кентский погиб в таинственной авиакатастрофе.

И не было Израиля. И было невероятно робким американское еврейство, вокруг которого, понятые и принятые уважаемым обществом, кликушествовали «серебрянорубашечники», куклуксклан, коалиция America First, Германо-Американский союз, поклонники Чарльза Линдберга и преподобного Кофлина. Вышедшая только что книга Лорела Леффа «Похороненные "Таймс": Холокост и самая важная газета Америки»²¹ довела наконец до общественного сознания тот факт, что в годы Второй мировой войны газета «Нью-Йорк таймс» последовательно замалчивала Катастрофу европейского еврейства.

В 30-е годы ее еврейский издатель Артур Хайс Сульзбергер отказывался публиковать письма читателей о набирающей силу антисемитской политике Гитлера. При этом он утверждал, что таким образом избавляет себя от необходимости публиковать ответные письма антисемитов. Еврейских беженцев из Германии редакторы «Нью-Йорк таймс» называли исключительно «германскими беженцами». В первые годы войны газета опубликовала десяток редакционных статей, добываясь от Конгресса разрешения на въезд в Америку для британских детей, но она ни разу не провела аналогичной кампании в защиту европейских евреев. Повествуя о зверствах нацистов в отно-

²¹ *Leff L. Buried by the Times: Holocaust and America's Most Important Newspaper. Cambridge University Press, 2005.*

шении христианских народов, «Нью-Йорк таймс» аккуратно обходила молчанием тему еврейского геноцида. Лишь в 1944 году, когда к этой теме обратились, наконец, другие средства массовой информации в США, принадлежавшее Сульзбергеру издание позволило себе вспомнить о том, против кого направлена своим острием расовая политика Гитлера.

Разумеется, многое в данном случае определили личные качества издателя «Нью-Йорк таймс», отрекшегося от своего народа. Сульзбергер принадлежал к унитарной церкви и полагал еврейское происхождение случайным фактом своей биографии. Но был в его поведении и другой мотив – подлый, отвратительный страх, столь очевидный нам с сегодняшнего расстояния. И, не желая прощать этот страх Сульзбергеру, мы все-таки понимаем, что он не был совсем уж надуманным и беспричинным. Те, кого так боялся издатель «Нью-Йорк таймс», пользовались в американском обществе немалым влиянием.

В 1944–1945 гг. могло показаться, что причины этого страха навсегда остаются в прошлом. Но уже вскоре после войны против общего врага, превратившего еврейский народ в свою главную жертву, войны, в которой евреи возложили все, что могли, на алтарь победы²², США и СССР оказались схожим образом заражены вирусом гитлеризма.

Мы, конечно, не можем сопоставить масштабы и остроту антисемитских репрессий в этих странах. В Америке на эшафот взошли два человека, причем все-таки связанных с атомным шпионажем, тогда как в СССР еврейских писателей и членов Еврейского Антифашистского Комитета безвинно расстреливали десятками – на фоне остервенелых публикаций такого характера, что рядом с ними кажутся мелкой гнусностью «разоблачения» Рэнкина. И тем не менее нужно признать, что этот недолгий период почти узаконенного антисемитизма так сильно напугал американских евреев, что ими на протяжении десятилетий практически не поднимались болезненные вопросы, связанные с использованием бывших нацистов спецслужбами США, иммиграцией в Америку военных преступников и вхождением некоторых из них в круги американской элиты.

²² См. в данной связи недавнюю публикацию: Каджая В.Г. Как воевали евреи: по Солженицину и в действительности // *Россия XXI*. 2005. №3.

Назвав объективные и субъективные факторы, в силу которых «теория тоталитаризма» получила столь значительное распространение в послевоенные годы, мы вплотную подошли к разговору о наблюдаемой в настоящее время ревизии исторической памяти о Второй мировой войне. Направленность этой ревизии представляет существенный интерес для еврейства или, по крайней мере, должна представлять таковой, с учетом теоретического и практического значений системной реабилитации гитлеризма.

При этом я оставляю за рамками данного очерка полемику о сталинских планах на лето 1941 года. Не имея возможности кратко суммировать и оценить все утверждения историков, занятых в настоящее время изучением этой важной проблемы, я не хочу делиться с читателями сырыми соображениями. Но, учитывая тот факт, что в контексте упомянутой выше ревизии данный вопрос занимает, по мнению многих, центральное место, я считаю необходимым объяснить, что позволяет мне обойти его стороной, не рискуя упустить из виду «самое главное».

Выше была отмечена снисходительность, которую проявили в начале 30-х годов напуганные коммунизмом демократии Запада по отношению к нацизму. Эту тему можно было бы развить, обратившись к таким принципиальным вопросам, как тесные связи НСДАП в кругах германской и зарубежной буржуазии, финансирование этой партии до прихода Гитлера к власти и списание значительной части немецких долгов после того, как он стал рейхсканцлером. Но в той же связи, справедливости ради, нужно отметить действия сталинского Коминтерна, которые сыграли схожую роль в ряду факторов, сделавших возможной победу нацистов в Германии.

Ошельмовав германскую социал-демократию как «социал-фашистов» и наложив запрет на создание коалиции коммунистов и СДПГ после ноябрьских выборов 1932 года, Сталин фактически подтолкнул Гинденбурга к назначению Гитлера на важнейший пост в государстве. Утверждать совершенно уверенно, что такой результат политики Сталина был в ноябре 1932 года единственно возможным, я не нахожу оснований, но он явным образом относился тогда к числу наиболее вероятных.

Совместное представительство КПП и СДПГ в рейхстаге составило после ноябрьских выборов 221 мандат – ровно сто у коммунистов и 121 у социал-демократов. Вместе это было больше 196-ти мандатов, полу-

ченных на выборах партией Гитлера. Однако абсолютного парламентского большинства коалиция КППГ и СДППГ не имела. Гипотетически социал-демократы могли в тех условиях создать коалицию с Партией центра, направившей в рейхстаг 90 своих депутатов, традиционными националистами (52) и «прочими» (35). Такой блок располагал бы абсолютным большинством в 298 мандатов, но сформировать его было тогда почти невозможно. Соответственно, сталинское вето на создание коалиции коммунистов с социал-демократами, к которой – опять же, гипотетически – могли примкнуть и другие немецкие партии, со значительной вероятностью вело к привлечению нацистов во власть в качестве ведущей политической силы.

Снять со Сталина эту ответственность никто не может. Таким образом, говоря о наблюдавшейся на определенном этапе готовности Запада разыгрывать нацистскую карту, мы должны отметить такую же (или очень схожую) готовность Москвы. Но вскоре стало понятно, что обе стороны играют с огнем. При этом каждая из сторон оказалась заинтересована в том, чтобы шаровая молния нацистской агрессии ударила не по ней, а в противоположном географическом (и политическом) направлении.

Оставляя в стороне подробности европейской политики 30-х годов, отметим, что советская пропаганда выделяла Мюнхенское соглашение, заключенное Великобританией, Францией, Германией и Италией 29 сентября 1938 года, как поворотный пункт на пути ко Второй мировой войне. При этом в советской историографии последовательно замалчивалось значение Пакта о ненападении, подписанного одиннадцать месяцев спустя Молотовым и Риббентропом. Для современных историков ревизионистского направления характерна прямо противоположная расстановка акцентов, вплоть до полного игнорирования тех угроз, которыми был объективно чреват для СССР «мюнхенский сговор». В таком подходе содержится не меньшая ложь, чем в советском отказе от критического анализа предвоенной политики Сталина.

Полагая роль Запада принципиально сопоставимой с ролью Кремля как в создании условий, предопределивших победу нацизма в Германии, так и в последующей игре с быстро набравшим силу гитлеровским режимом, я нахожу военное столкновение нацистской Германии с Советским Союзом исторически неизбежным. Решающим аргументом в пользу этого вывода мне видятся не столько затертые цитаты из «Майн кампф», сколько упомянутые выше особенности сегодняшней ситуации, которая, несмотря на отсутствие у Евросоюза сравнимой с нацизмом

идеологии, явным образом выталкивает ослабленную Россию за пределы общеевропейского поля, подразумевая уже в обозримом будущем возможность предъявления территориальных претензий консолидированного ЕС в отношении определенных российских регионов.

Геополитический дискурс, отрицающий по существу моральное содержание мировой политики, не относится к числу близких мне языков, но игнорировать его вовсе сегодня, к сожалению, нельзя. И, наблюдая за развитием некоторых актуальных процессов, получивших мощнейший стимул с распадом СССР, невольно склоняешься к мысли о силе чуждых любой морали, идеологии и т.п. геополитических факторов.

Но и цитаты играют в данной связи отнюдь не последнюю роль. Проблемам внешней политики посвящены три заключительные главы второй части «Майн кампф». Глава XIII «Иностранная политика Германии после окончания мировой войны» представляет собой исторический очерк более или менее общего содержания, лишь в малой степени связанный с вынесенным в заголовок периодом. Глава XV «Тяжесть положения и вытекающие отсюда права» посвящена, в основном, обличению французской политической алчности и необходимости положить ей конец. При этом мысль о возможном конфликте с французами неизменно проводится Гитлером в связи с тезисом о том, что «эта борьба... может иметь и будет иметь смысл лишь постольку, поскольку она обеспечит нам тыл в борьбе за увеличение наших территорий в Европе».

По замыслу автора и по своему содержанию действительно целеполагающей является расположенная между ними XIV глава «Восточная ориентация или восточная политика». В ней много говорится о бессмысленности лозунга о возвращении Германии к границам 1914 года. По мнению Гитлера, этот лозунг сохраняет единство антигерманской коалиции и требует, в случае серьезной попытки реализовать его на практике, очень значительных жертв и усилий, не оправданных задачей восстановления более или менее случайных границ, имевшихся у Германии к началу Первой мировой войны. Там же, в XIV главе, принципиальная внешнеполитическая доктрина гитлеровской партии определена следующим образом: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоен-

ного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца.

Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловно правильность нашей расовой теории».

* * *

Сообразуясь с этими цитатами и с результатами произведенной выше интерполяции геополитических данных, я нахожу военное столкновение гитлеровской Германии с Советским Союзом абсолютно неизбежным. Это позволяет мне не придавать большого значения вопросу о том, кто первым приступил к разработке стратеги-

ческих планов советско-германской войны. Если Сталин в самом деле собирался напасть на Германию в июле 1941 года, я могу лишь высказать сожаление в связи с тем, что он не сумел осуществить свой замысел задуманным образом. Пафос спасения Европы руками Гитлера от большевистской угрозы мог быть созвучен французским и скандинавским legionерам ваффен-СС, но мне, как еврею, он глубоко омерзителен и, осмелюсь добавить, смертельно опасен. И если рухнувшая в результате Первой мировой войны «Гордая башня» благополучной европейской цивилизации (определение Барбары Тухман) обнажила рядом с потрепанным и потеснившимся либерализмом два конкурирующих миропроекта, коммунизм и фашизм, то в ситуации выбора между ними у меня не возникло бы – и не возникает сегодня – ни малейших сомнений.

Здесь подчеркивается еврейский аспект в отношении к теориям, уравнивающим коммунизм и нацизм. Позже я намерен коснуться отдельным образом, в дополнение к изложенным выше соображениям о *системе, иносистеме и антисистеме*, вопроса о принципиальной и универсальной несостоятельности такого уподобления. Но здесь мне кажется необходимым подчеркнуть еще один частный, еврейский пункт. В цитированной выше XIV главе из второй части «Майн кампф» Гитлер писал в продолжение своего тезиса о необходимости германской экспансии на восток: «Само собою разумеется, что еврейство оказывает и будет оказывать такой политике самое решительное сопротивление. Евреи лучше, чем кто бы то ни было, отдадут себе отчет в том, какое значение для них имела бы такая наша политика. Казалось бы, уже одного этого факта достаточно, чтобы все действительно национально настроенные немцы поняли всю правильность предлагаемой нами новой ориентации. К сожалению, на деле мы видим обратное. Не только в кругах дейснационале, но и в кругах фелькише идея такой восточной политики встречает самое упорное сопротивление. При этом обычно любят ссылаться на Бисмарка. Дух Бисмарка тревожат для того, чтобы защитить политику, которая совершенно нелепа и крайне вредна для судеб немецкого народа. Бисмарк, говорят нам, в свое время придавал очень большое значение сохранению хороших отношений с Россией. Это до известной степени верно. При этом однако забывают, что столь же большое значение Бисмарк придавал хорошим отношениям например и с Италией; что этот самый Бисмарк в свое время даже вступил в союз с Италией, дабы крепче прижать Австрию. Из этого, однако, ведь не делают того вывода, что и мы должны продолжать теперь такую политику.

Да, скажут нам на это, мы не можем повторять такую политику, "потому что современная Италия не является Италией эпохи Бисмарка". Верно! Но, почтенные господа, позвольте мне напомнить вам тогда тот факт, что и современная Россия тоже уже не та, какой была Россия в эпоху Бисмарка! Бисмарку никогда и в голову не приходило тот или другой тактический ход увековечить на все времена. Бисмарк для этого был слишком большим мастером в использовании быстро меняющихся ситуаций. Вопрос поэтому должен быть поставлен не так: "Как поступил тогда Бисмарк?", а так: "Как поступил бы Бисмарк теперь?" При такой формулировке проблемы на нее будет легко ответить. Бисмарк при его политической дальновзоркости никогда не стал бы связывать судьбу Германии с судьбой такого государства, которое неизбежно обречено на гибель».

При всех содержащихся уже в «Майн кампф» оговорках и даже с учетом известных Гитлеру изменений, произведенных Сталиным в тридцатые годы в советском правящем слое, фюрер Третьего рейха считал евреев основными носителями государственной идеи в большевистском СССР («Место германцев заняли евреи»). Вполне возможно, что именно по этой причине нападение нацистской Германии на Советский Союз совпало по времени с началом планомерного истребления европейского еврейства.

На оккупированной советской территории массовые расстрелы евреев производились уже с июня 1941 г. силами четырех айнзацгрупп, действовавших в тылах наступающих немецких армий, при поддержке многочисленных формирований из местного населения. С сентября 1941 года в оккупированные районы СССР с целью скорейшей ликвидации свозились евреи Протектората Богемия и Моравия. Примерно тогда же началось массовое уничтожение евреев в Сербии, с применением передвижных газовых камер. В Польше тем временем строились стационарные лагеря смерти, первый из которых, Хелмно, включился в процесс поставленной на промышленную основу ликвидации европейского еврейства 8 декабря 1941 г.

Таким образом, решение Гитлера о нападении на СССР фактически было и решением о начале еврейского геноцида, которое лишь дополнила полгода спустя детальная проработка, по линии всех министерств и ведомств Третьего рейха, на знаменитой конференции в Ванзее.

Возможно, что своим желанием сфокусировать внимание читателей именно на этом аспекте проблемы, я отчасти обязан некоторым публикациям на страницах русскоязычной израильской прессы. Иногда их

авторы глубокомысленно вопрошают, «кто же все-таки внес решающий вклад в военный разгром нацизма», делая вид, что этот вопрос открыт для дискуссии. В других случаях ими с каким-то странным чувством смакуются данные о соотношении потерь СССР и Германии во Второй мировой войне. Еще более частым является страстное негодование публицистов по поводу сурового приказа ГКО номер 227 «Ни шагу назад!», санкционировавшего использование заградотрядов в прифронтовой полосе сражающихся частей Красной Армии.

Что тут можно сказать? Ничуть не преуменьшая значения боевых действий, которые вели против гитлеровской Германии западные союзники, равно как и стратегическую роль исключительно важных поставок Советскому Союзу по соглашению о лендлизе, следует все же помнить, что три четверти немецких потерь во Второй мировой войне пришлось на советско-германский фронт. Именно там были уничтожены основные силы Третьего рейха в составе 508 расчетных дивизий (в том числе 474 дивизии и 68 бригад), без учета капитулировавших в мае 1945 года соединений²³. Соотношение потерь было не слишком лестным для Красной Армии, но воевать так, как немцы, до сих пор не научился никто, и любые суждения по данному вопросу должны принимать в расчет это немаловажное обстоятельство. Наконец, Советский Союз смог выстоять в этой войне с приказом номер 227, а континентальная Европа, где подобных приказов не издавали, Гитлеру подчинилась, вылизала его сапоги и отдала ему на растерзание своих евреев. И если уж кому-то сетовать на этот приказ, то не нам, спасенным его жестокостью от тотального истребления.

* * *

В 2004 году, в день 51-й годовщины антисоветского восстания в Берлине, на обсуждение бундестага был вынесен законопроект ХДС-ХСС о равном почитании памяти жертв нацизма и коммунизма в Германии. Данный законопроект нельзя квалифицировать как прямое отрицание Холокоста, но он несомненно имел своей целью изменить навязанную Германии модель исторической памяти. Более

²³ Кривошеев Г.Ф. *Некоторые новые данные анализа сил и потерь на советско-германском фронте (доклад на заседании Ассоциации историков Второй мировой войны 29 декабря 1998 г.)*

того, в текст законопроекта, помимо равного упоминания о жертвах нацизма и коммунизма, был заложен дополнительный политический заряд: предложение создать мемориал в память немцев, погибших от авианалетов союзников, и центр документации, где будут собраны данные о миллионах немцев, подвергшихся депортации в заключительный период Второй мировой войны.

На сайтах общественных объединений, лоббирующих создание такого центра, «депортация» евреев, бывшая в шести миллионах случаев синонимом физического уничтожения, упоминается в том же контексте, что и принудительное выселение немцев с отошедших к Польше и Чехословакии территорий, из Венгрии, Румынии, Югославии и некоторых других государств. Тем самым послевоенные мероприятия союзников и истребление европейского еврейства нацистами заносятся в одну категорию и «равным образом» осуждаются как военные преступления²⁴.

Йерег Фридрих, известный немецкий деятель левого толка, выпустил недавно книгу, в которой бомбардировки германских городов авиацией союзников названы «немецким холокостом». Между Гитлером и Черчиллем автор этой книги не находит «существенных моральных отличий». Важно отметить, что если прежде риторика подобного рода была характерна для немецких неонацистов, то теперь она обретает права гражданства в левом и правоцентристском политическом дискурсе, свидетельствуя о растущем нежелании немцев смотреть на Вторую мировую войну глазами своих победителей.

О том, каким образом осуществляется ревизия исторической памяти о Второй мировой войне и сопутствующая ей частичная (пока частичная) реабилитация гитлеризма в странах Восточной Европы, я уже упоминал в первой части данного очерка. Но этот процесс нигде не носит столь выраженного, столь последовательного и столь решительного характера, как в сочинениях современных радикальных исламистов.

Кто-то вероятно считает, что Вторая мировая война не должна занимать – или может и не занимать – сколько-нибудь существенного места в мировоззрении радикального ислама. Даже на постановку такого вопроса многие реагируют недоуменными репликами: «Мусульмане и Вторая мировая война? Какое им до нее дело? И чем она важна им теперь, 60 лет спустя? Что-то здесь не сходится. В огороде бузина, а в Киеве дядька». Ленивая интуиция обывателя не находит в данном слу-

²⁴ Маргалит Г. *Немецкие страдания растут с каждым годом* // Гаарец. 2004. 17 июня (иврит).

чае явных связей, и хорошо еще, если она не диктует ему априорного недоверия к фактам.

Но всякому, кто следит за происходящим в современной исламской периодике, на пропагандирующих «исламское мировоззрение» сайтах и в многочисленных дискуссионных форумах Интернета, заметен острый интерес исламистов ко Второй мировой войне. При этом практически все выступающие «с исламских позиций» (ставлю кавычки на всякий случай, вдруг найдутся какие-то праведники и в этом Содоме) высказываются о Гитлере и нацизме с явным, иногда горячим сочувствием или, по меньшей мере, уравнивают коммунизм и нацизм таким образом, что никакому положительному пафосу в связи с разгромом гитлеровской Германии в их писаниях не остается места.

Здесь я хочу указать несколько причин, по которым это и не может быть иначе. Во-первых, современный исламский фундаментализм есть тотальная идеология, претендующая на полноту теоретического охвата. Он вырабатывает позицию по самым разнообразным вопросам, предлагая своим адептам целостную картину мира (что бы мы ни думали о ее качестве и достоверности). Устремиться к мировому господству с идеологией иного типа могли бы только безумцы, а наши враги в большинстве случаев таковыми не являются.

Во-вторых, современный исламский фундаментализм, хотя и аттестует себя как извечный и аутентичный ислам, есть детище новейшего времени. Подобно аналогичным явлениям, возникшим на почве других религиозных традиций, он представляет собой характерную форму реакции на вызов модернизма. Соответственно, формативным периодом этой новой идеологии является XX столетие, главным событием которого была, по всеобщему теперь уже мнению, Вторая мировая война. Даже в силу одной только этой причины исламский фундаментализм не может быть равнодушен к ее исторической памяти.

В-третьих, исламский мир не был совершенно нейтральной стороной в ходе Второй мировой войны. Горячим сочувствием к нацизму были охвачены в 30-е и 40-е годы практически все арабские страны. Везде, где ислам обладал активной и независимой политической волей, эта воля была направлена на сотрудничество с державами оси, против сражавшейся с фашизмом коалиции СССР и западных демократий. С помощью детально разработанной и успешно внедрявшейся идеологии нацифицированного ислама в ряды мусульманских формирований вермахта и СС были привлечены сотни тысяч добровольцев, принимавших участие в боевых действиях, карательных операциях, массовом истреб-

лении гражданского населения (евреев, сербов, цыган и др.). Соответственно, для сегодняшних исламистов неприемлема такая форма исторической памяти о Второй мировой войне, которая утверждает за нацизмом образ абсолютного зла, ведь тем самым в существенной мере характеризуется нравственный генезис их собственной идеологии.

В-четвертых, абсолютное и ни с чем не сравнимое зло, каковым действительно был (и остается) нацизм, определило еврейский народ как свою главную жертву. Этим выбором за еврейством был признан онтологический статус противоположности или, как минимум, несопричастности абсолютному злу. Восставшие силы ада подтвердили древний завет Всевышнего со своим народом яснее и тверже любых теологических доказательств. И поскольку фундаментальный антисемитизм составляет сегодня сущностную сердцевину «исламского мировоззрения», признать обвинительный приговор истории в отношении нацизма современные исламисты не могут.

Чтобы проиллюстрировать вышесказанное, приведу несколько пространных цитат из статьи Саада Минкаилова «Вторая мировая война глазами чеченских моджахедов», опубликованной недавно на сайте «Кавказцентр»²⁵. Понятно, что особый антирусский акцент этой публикации обусловлен конкретными обстоятельствами вооруженного конфликта между чеченскими сепаратистами и Россией, с сопутствующей ему памятью о массовой депортации 1944 года, последовавшей в ответ на восстание, поднятое в Чечне с приближением немецких армий к Северному Кавказу. Однако своим антисемитским звучанием и общей прогитлеровской установкой в контексте Второй мировой войны (и не только) эта статья ничуть не отличается от огромного числа публикаций, появляющихся в арабских и мусульманских странах.

«Разночтения в истории Второй мировой войны возникли не вчера, но они озвучивались в разных социально-политических пространствах и практически не перекрывались, – пишет Минкаилев. – Пришли другие времена. Сегодня, в век глобальной политической перегруппировки, в условиях либерализации информационного рынка, цепляться за старое вранье – себе же во вред... Со всей ответственностью можно утверждать, что в обозримой истории человечество не знало такой чудовищной, циничной, глобальной, многослойной лжи, как ложь о Второй мировой войне. Она лилась в течение 60 лет нескончаемым потоком со

²⁵ Первая часть – <http://kavkazcenter.com/russ/content/2005/04/11/32591.shtml> и там же ссылки на продолжение.

всех мыслимых рупоров, что воздействуют на человеческое сознание. Два победителя создавали эту паутину лжи – Советский Союз и международный сионизм. Последний, до настоящего времени, маскировался под названием "Западный мир". Оба противника испытывали взаимную ненависть, пребывали в состоянии холодной войны, желали друг другу всяческого зла и гибели. Но, как бы ни враждовали меж собой эти два глобальных преступника, какую бы грязь взаимных изобличений ни выливали перед миром, в одном они были солидарны, последовательны и подыгрывали друг другу. Они не позволяли разоблачать основные мифы о Второй мировой войне и пересматривать "оргвыводы о главной угрозе для человечества"».

Кто же теперь помогает господину Минкаилову «разоблачать основные мифы»? Тут он прежде всего отмечает латвийского президента Вайру Вике-Фрейберга за то, что она разоблачила Красную Армию как «армию оккупантов» и «намекнула, что только самый пропащий латыш не пошел бы добровольцем в немецкую армию» в 1941 году. Особенно радуется господина Минкаилова то, что Вике-Фрейберга назвала «трудовым лагерем» Саласпилс, где в годы Второй мировой войны немцами было расстреляно свыше 100 тысяч человек, евреев и советских военнопленных. Прежнее отношение к Саласпилсу, равно как и к другим «трудовым лагерям», созданным во множестве нацистами, Минкаиллов характеризует как «один из главных ужастиков российского и мирового сионистского агитпропа».

Поставив латвийского президента в пример нерадивым Шредеру и Шираку, автор философически сокрушается в связи с тем, что «люди не могут переваривать правду в большом количестве». Европейцы, конечно, «помнят, что такое Красная Армия», но, «только побывав в оккупированной чеченской столице, они изумляются и вспоминают Дрезден и Берлин 1945 года». Дрезден, разрушенный дотла бомбардировочной авиацией западных союзников, не имеет, казалось бы, прямого отношения к тому, «что такое Красная Армия», но Минкаилова подобные мелочи не смущают.

Зверства нацистов на оккупированной территории? Тут у чеченского автора во множестве находятся свидетельства из первых уст, и все они говорят о том, что жизнь советского человека под немцем была прямо-таки райской. Оказывается, он, Минкаиллов, давно изучает данный вопрос методом прямого тестирования:

«– Ну, что дед, лютовали немцы, измывались?»

– Да не-е, не было такого... брешут все.

– А дома поджигали?

– Да-а, дома жгли... Эт-точно. Жгли ветхие, старые хибары. Говорили антисанитария. Некоторые дома обрабатывали какой-то пакостью, эпидемии боялись. Людей, правда, переселяли в более сносное жилье».

Объяснив, устами своего собеседника, зачем именно немцы сжигали русские и белорусские деревни, Минкайлов увлеченно продолжает:

«Рассказы простых людей сильно разнились от казенных "воспоминаний о войне". Рассказывали, что немцы квартировались в каждом доме по несколько военнослужащих. Ужастик с "отбиранием последних продуктов" у мирного населения опровергали с какой-то злостью. Оказывается, продуктов у немцев было "хоть завались". Был даже шоколад. Описывали какие-то большие круглые консервы с рыбой, что "хватало рыл на десять", тушенки разные... Один пожилой рабочий из Старого Оскола, на мою коронную провокацию: "Ну что, дали вам немцы во время оккупации?" – ответил – "Чего там дали, да ничего не дали... Нормально при них два года прожили. А вот когда наши пришли, вот тогда нам да-али!"»

В другом месте и тоже «из первых уст» сообщается: «Немец, он какой был? Он как захватит территорию, сразу начинал строить дороги. И основательно строил, гад!» Этот факт понимается Минкайловым как забота о местном населении. Да и в самом деле, как же было о нем не позаботиться? «С позиции здравого смысла немцам не было нужды восстанавливать против себя мирное население, – объясняет Минкайлов. – Это очевидно».

Но особенно запомнились немецкие солдаты собеседникам Минкайлова своим нежным и прямо-таки самоотверженным отношением к русским детям. Обобщая результаты проведенного им тестирования, Минкайлов подводит итог: «К детям местным хорошо относились, баловали шоколадом, леденцами. Во время авианалетов немцы детей хватили в первую очередь и укрывали в подвале». Настоящие освободители. Вдохновенные тевтонские рыцари – без страха и упрека.

Тщательно вырисовывая гламурный эсэсовский лубок, автор уверенно противопоставляет немецкому гуманизму зверскую, ни с чем не сравнимую жестокость русских. Здесь его тон иначе, как расистским, не назовешь. В некоторый момент Минкайлов цитирует книгу Макса Гастингса «Армагеддон: битва за Германию, 1944–1945»²⁶, в которой при описании первых дней пребывания Красной Армии на немецкой земле

²⁶ Hastings M. *Armageddon: The Battle For Germany 1944–1945*, Knopf, 2004.

сообщается о чудовищных жестокостях в отношении гражданского населения, причем автор замечает: «Это был методичный садизм, не уступающий действиям самих нацистов». Чеченского пропагандиста такое определение не устраивает, и он комментирует реплику Гастингса следующим образом:

«Выражение "*...жестокость... не уступающая действиям самих нацистов*" есть привычная риторика, навеянная послевоенной пропагандистской установкой. Не могут привести документальных примеров, чтобы немцы поступали подобным образом. Художественные вымыслы еврейских писателей и советская пропаганда не в счет. Жестокость, которую проявляли немцы, не выходила за рамки той жестокости, которая характерна для войны вообще. Это была жестокость, которую проявляла любая европейская армия, и только. В этой сфере никто не может сравниться с русскими». Ведь немец, он известно какой: первым делом ребенка при бомбежке хватает – и в подвал.

Все это, заметим, даже и не касаясь вопроса об уникальной индустрии смерти, созданной нацистами с целью уничтожения евреев. Данной проблемы для Минкаилова вообще не существует. Слово Холокост он иначе как в кавычках не употребляет. В целом его позиция хорошо знакома нам по арабской пропаганде, отрицающей Катастрофу европейского еврейства, обвиняющей Израиль в ее политической эксплуатации и одновременно дающей понять, что Гитлер был особенно хорош тем, что уничтожал евреев.

Минкаиллов снова и снова возвращается к задаче «воссоздать реальную историю Второй мировой войны», сетуя на то, что «при видимом избытии источников, как западных, так и российских, везде обнаруживается практически одинаковый идеологический штамп». Какой же? Тут Минкаиллов бесхитростно определяет объект своей атаки. «Штамп», то есть требующая опровержения ложь, состоит в следующем: «Вторую мировую войну развязала фашистская Германия (да и Советский Союз не безгрешен). Фашизм (антиюдаизм) является мировым злом и "чумой XX века". Многие народы пострадали в этой войне, но больше всех евреи. "Холокост" является главным преступлением этой войны. Весь мир обязан виниться перед евреями без срока давности. Эта теория насаждается главным образом на Западе. В России "Холокост" официально не отрицают, но относятся прохладно. Здесь акценты другие. От цветасто-монументального кликушества до сухой мемуарной брехни, во всем присутствует правда, смешанная с ложью, чтобы скрыть суть».

Такова, по Минкайлову, «чудовищная, ни с чем не сравнимая ложь». Ее авторов он определяет следующим образом: «Сотни и тысячи еврейских писателей, журналистов, драматургов, кинорежиссеров, политологов, историков работали над тем, чтобы внушить всему миру ненависть к немецкому народу. Но все равно сионисты не смогли добиться желаемого результата. В результате невероятных усилий международному еврейству удалось наложить официальное клеймо только на период гитлеровской Германии. И то официальное. При всем старании у них не получалось долго подогревать ненависть к немцам и совершенно невозможно было вызвать сочувствие и симпатии к евреям, бессовестно конструирувавшем ложь на виду у поколения войны». Иначе говоря, существующая картина Второй мировой войны есть плод обсессивной, иррациональной ненависти евреев к немцам.

* * *

Фундаментальная ревизия исторической памяти о Второй мировой войне имеет множество коллективных интересов: немцы, некоторые народы Восточной Европы, арабы и мусульмане вообще, прибалты, идейные последователи русских белоэмигрантских кругов, сделавших в 40-е годы принципиальный выбор в пользу сотрудничества с нацизмом, и т.д. Непонятно, однако, что в этой теплой кампании делают затесавшиеся туда евреи. И читая, к примеру, о «председателе еврейского общества Эстонии», заявившем, как сообщает газета «Eesti Ekspress», что он «возложил бы венки к памятнику эстонским солдатам, которые воевали на стороне Германии», в отчаянии разводишь руками.

Когда в 1985 году Рональд Рейган возлагал венок на кладбище гренадеров ваффен-СС в Битбурге, он сознательно наносил удар по последней к тому времени зоне советских сакралитетов. Определив Советский Союз как «империю зла», Рейган бил наповал, и это выражалось не только в символических жестах (тоже, кстати сказать, совсем не случайных). Программа и конкретная практика политического сотрудничества с радикальным исламом против СССР была де-факто партнерством с *антисистемой* ради искоренения *иносистемы*, то есть, по сути дела, предательством онтологических оснований самой маневрирующей *системы*, благо которой объявлялось при этом имеющим наивысшую ценность. Даже у тех, кто в годы холодной войны безусловно связывал свои

интересы с победой Запада, некоторые аспекты и наблюдаемые сегодня практические последствия этого сотрудничества США с радикальным исламом вызывают задним числом существенные сомнения. Возложение венков к могилам эсэсовцев даже и в 1985 году оправдать было трудно. Но у Рейгана все же была понятная цель, чего не скажешь о еврейских деятелях, спешащих почтить могилы балтийских легионеров ваффен-СС.

Осознание нацизма как абсолютного, внеконкурентного зла является ключевым элементом атакуемой ныне исторической памяти о Второй мировой войне. Современный российский автор определяет этот элемент как «точку сборки» демонтируемой системы нравственных и политических смыслов, предложенных человечеству фактом совместной победы Советского Союза и западных демократий над гитлеровской Германией. Полагая при этом, что в каких-то своих аспектах война с нацизмом до сих пор не закончилась, он отмечает: «Без точки сборки вы не можете быть воином этой войны. Не становясь ее воином, вы становитесь... даже не жертвой, а... ходячим чучелом, живым питанием, служебным вспомогательным средством»²⁷. Сказано очень точно.

Многочисленным еврейским авторам, которые все еще «не находят разницы между красным и коричневым фашизмом», полагая, что тем самым они то ли пропишутся правильным образом в либеральных святынях, то ли окажут должное уважение новому украинскому духу и восстановившим свою независимость государствам Балтии, следовало бы знать, что своими жалкими заявлениями они больше всего напоминают немецких евреев, доказывавших Гитлеру, что эти *Ostjuden* на них совсем не похожи. Но немецких евреев оправдывает хотя бы то, что они были запуганы, а наши сегодняшние «дальтоники» дают смертельное идеологическое оружие в руки врагу из одного лишь позерства. Живя в Советском Союзе во времена застоя, вольно было думать, что страшнее кошки зверя нет. Имея теперь доступную всякому, кто не слишком ленив, возможность глянуть в морду действительно страшному зверю, можно было бы и расстаться с привычными антисоветскими мифами, которые давно отслужили свое – и неизвестно еще, во благо ли отслужили.

В свое время израильские государственные инстанции, оказывавшие поддержку сионистскому подполью в СССР, настаивали на том, чтобы его деятельность была ограничена четко поставленными еврейскими целями: борьбой за репатриацию, свободное изучение иврита, иудаизма,

²⁷ См.: Кургина С.Е. Точка сборки // *Россия XXI*. 2005. №3.

еврейской истории и культуры. Эти инстанции, то есть, прежде всего, «Натив», подозрительно относились к стихийным связям, возникавшим у сионистов в Советском Союзе с другими группами диссидентского движения. В конкретных условиях «общедемократического» противостояния репрессивному аппарату Кремля эта израильская позиция часто казалась надуманной и неадекватной. Ее главным мотивом был малопопулярный жившим в СССР исторический пессимизм ветеранов «Натива», среди которых особым влиянием пользовались в те годы выходцы из Прибалтики.

Не будучи в большинстве случаев светочами политического ума, они все же лучше нас понимали, что за силы примкнут ко всякой попытке объединения на ультимативной антисоветской основе и «приватизируют» в свою пользу ее результаты. И, наблюдая сегодня за многоплановой ревизией исторической памяти о Второй мировой войне, которая неизбежно ведет к полной или частичной реабилитации гитлеризма, я лишний раз убеждаюсь в том, что эти осторожные, пугливые евреи были тысячу раз правы. И уж во всяком случае они были намного умнее тех смельчаков, которые готовы теперь возлагать венки на эсэсовские могилы.

* * *

Воспользуюсь метафорой, которую предложил мне один из читателей: сопоставление коммунизма с нацизмом по признаку тоталитарности похоже на сравнение крокодила с елкой по признаку зелености. Слово «тоталитарный» восходит к латинскому *totaliter* (целиком, вполне) и позднелатинскому *totalitas* (целостность, целое). Если мы берем за основу именно этот признак, нам надлежит признать, что коммунизм в самом деле намного «тоталитарнее» нацизма. Доверив дальнейшее специалистам в области спектрального анализа, мы сможем насладиться их мудрыми замечаниями по поводу различных оттенков зеленого. И то, что они скажут, будет в каком-то смысле правдой.

Но этот признак совершенно игнорирует суть идеологий или, точнее, их номинальное содержание. Тоталитарному режиму присуща «возведенная в абсолют идеология»; какая именно идеология – считается неважным. Но идеологии все же разные, и если одна представляет собой абсолютизацию равенства, то другая – абсолютизацию неравенства.

Одна превратно толкует фундаментальные человеческие ценности, но все-таки не покушается на их онтологический статус, тогда как другая во весь голос освобождает своих солдат «от химеры совести» и «хватается за пистолет, услышав слово "культура"». Одна в бой зовет, «святой и правый, смертный бой не ради славы, ради жизни на земле», а другая торжественно провозглашает «Да здравствует смерть!» и украшает фуражки своих гвардейцев кокардой с изображением мертвой головы.

Кто-то скажет, что на самом деле коммунисты вели себя вопреки очевидным императивам свободы, совести, равенства и культуры. Пусть так, но лицемерие – последнее прибежище добродетели. И общество, осуществляющее сожжение книг как публичную культовую практику, отличается от того общества, в котором крамольные книги тайно сжигаются в библиотеках по распоряжению «директивных органов». Ничего хорошего в этом страхе перед вездесущей крамолой, разумеется, нет, но разница в состояниях общества очевидна.

При обсуждении такого вопроса, как число жертв коммунистического режима, давно уже принято жонглировать огромными цифрами в десятки миллионов убитых. Начало этой сомнительной традиции положил А.И.Солженицын, сразу же поддержанный всеми, кому было жизненно важно доказать, что в сталинских лагерях погибло больше людей, чем в гитлеровских. Не имея действительно точных цифр, я не стану доказывать, что это не так, хотя все прочитанное мною на данную тему убеждает меня в том, что пальма первенства в этой области безусловно принадлежит Гитлеру.

Но одно отличие – сверхпринципиальное – я все же хочу отметить. В страшных сталинских лагерях нормой выработки являлись километры проложенных железных дорог, кубометры вырытых котлованов, возведенные промышленные объекты и т.п. Иногда под каждую шпалу дозволялось уложить умершего от голода и перенапряжения физических сил заключенного, однако критерием отчетности там все-таки оставались шпалы, а не трупы. Задача ставилась в шпалах, будучи логически подчинена судорожной, запоздалой и потому безмерно жестокой индустриализации страны.

В то же время гитлеровские лагеря, знаменитые Vernichtungslager, создавались и функционировали именно как лагеря смерти. Они в принципе не имели никакого иного назначения, кроме поставленного на промышленную основу убийства людей. Эшелонами, «вычищенными» до последнего человека гетто, миллионными контингентами. По заранее утвержденному плану, без нарушений графика, четко в срок.

Метафизический статус этих мест разный. Тому, кто погибал в Освенциме или в Дальлаге, до этой разницы, возможно, и не было никакого дела. Людям не важно, что именно их убивает. Но в нашем отношении к палачам эту разницу нельзя не отметить. Вохровец из Дальлага и эсэсовец из Освенцима по-разному предстоят перед Богом, людьми и историей. Лишь один из них является воплощением абсолютного зла, полномочным представителем ада. И рядом с ним любое другое зло относительно.

Теория тоталитаризма в чем-то сродни пацифизму. Подобно тому, как пацифизм полагает солдата – любого солдата – олицетворением зла, теория тоталитаризма видит корень всех бед в абсолютизированной идеологии. Принцип методологического подхода один и тот же. Похожи ли друг на друга солдаты различных армий? Конечно, похожи, особенно теперь, когда полевая форма повсюду унифицирована: высокие шнурованные ботинки, брюки с накладными карманами, куртки защитного цвета, каски, ремни, подсумки, оружие. Если это и есть «суть», пацифисты правы: солдат – инструмент насилия, олицетворение зла. Однако нормальные люди все-таки понимают, что инструмент всегда служит чему-то и его моральное качество определяется предпосланной ему идеей служения. Именно эта, внешняя по отношению к ремеслу идея служения позволяет нам отличить плохих солдат от хороших.

У пацифистской медали есть обратная сторона – милитаризм, находящий главную радость бытия в бравой выправке, казарменном бездумии, брутальном насилии и т.п. Равнодушный к трансцендентному смыслу служения, милитарист выводит на первое место имманентный службизм. Он назовет «хорошим солдатом» того, кто быстрее других преодолевает полосу препятствий, четче марширует по плацу, точнее поражает мишень. В каком-то смысле (опять же, в каком-то смысле) мы с ним согласимся, но, если окажется, что лучшим солдатом, согласно указанным выше параметрам, является военнослужащий германского вермахта Фриц, мы, в конкретных условиях 1939–1945 гг., сочтем по-настоящему хорошим солдатом того, кто загонит этому Фрицу пулю в лоб. И даже если наш герой преодолевает полосу препятствий медленнее Фрица, он останется в наших глазах хорошим солдатом, а Фриц – плохим.

И пацифизм, и милитаризм одинаково характеризуются тем, что, подступаясь к объекту своей оценки, они производят решительную элиминацию смысла. Но то же самое делает и теория тоталитаризма, определяя возможное возведение идеологии в абсолют как единственно

значимый факт ее бытия. Если бы не реки крови, пролитой в XX веке во имя абсолютизированных идеологий, этот логический ход был бы в принципе невозможен, однако он и теперь, с учетом главных уроков минувшего века, выглядит очень странно.

Имело место слепое служение преступным режимам – значит ли это, что дискредитирована сама идея служения? Во имя преступных идей совершались подвиги – значит ли это, что дискредитирован героизм? Надежда миллионов людей на лучшее будущее и их вера в свою способность такое будущее построить обернулись мрачной каторгой сталинских лагерей – значит ли это, что надежду и веру нужно решительно перечеркнуть? Само понятие Истории, столь очевидным образом связанное с напряженной телеологией еврейского мессианизма, – считать ли дискредитированным и его на том основании, что К. Поппер объявил «историцизм» главным условием становления тоталитарных режимов?

Теория тоталитаризма не случайно записала в апостолы враждебного ей содержания не только Маркса и Фейербаха, но также Гегеля и Платона, еврейских пророков, третью династию Ура, державу инков и пр. Ее лихая атака на «тоталитарность» превратилась в последовательное отрицание любой макроидентичности. В наводящий уныние постулат, согласно которому всякая человеческая вера, идеология и т.п. дозволительна и безопасна лишь до тех пор, пока к ней не начинают относиться всерьез.

Однако общества без макроидентичности, без осознанных основ человеческой солидарности, не существует. Вытоптав сферу идейного содержания на том основании, что идеология может превратиться в абсолютизм и натворить бед, теория тоталитаризма попросту обезоружила Запад перед лицом наступающих на него сил. У этих сил с макроидентичностью все обстоит хорошо, и они могут восторженно потирать руки, наблюдая за тем, как мы сравниваем зеленый куст с зеленым же крокодилом. Они даже помогут нам доказать, что куст зеленее.

Но самое ужасное состоит в том, что весьма вероятная при таком развитии событий гибель обезоруженного Запада явится справедливым приговором истории, потому что общество, отказавшееся от своей обязанности различать идеи, лишается права на существование. Радикальная элиминация смысла не проходит бесследно. Ведь если серьезное отношение к смыслу категорически возбраняется, а поддерживать хоть какие-то рамки социальной организации все же необходимо, то эти рамки определенно должны быть бессмысленными. Они могут держаться одним только страхом хаоса и анархии, вызвать который, не апелли-

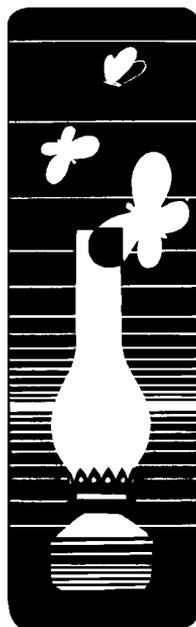
руа к высшему смыслу, можно лишь с помощью жесточайших, ничему трансцендентному не подотчетных репрессий. И, таким образом, логической перспективой общества, осудившего идеологию в корне, неизбежно становится безыдейный, наглый, самодостаточный сверхтоталитаризм.

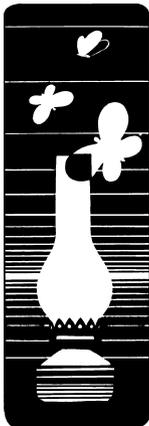
Полагая все же, что Запад захочет выжить и не примет для себя перспективу перерождения в организм тупого внутреннего диктата, естественно заключить, что он рано или поздно окажется перед необходимостью вспомнить и сказать об идеях нечто существенное. Не возьмусь гадать, что именно тогда будет сказано, но дело явно не ограничится аптечными рецептами Ханны Арендт («вовнутрь не принимать, серьезно не относиться») и попперианским заклятием («ловушка историцизма»). Миром правит смысл. Его-то и придется взискать «обществу потребления», несмотря на все травмы XX века, причиненные европейцам возведенными в абсолют идеологиями.

Исследуя процесс роста цивилизаций, мы на целом ряде примеров убедились, что он повсюду единообразен. Рост достигается в том случае, когда индивидuum, меньшинство или все общество в целом отвечают на вызов, который в свою очередь требует нового ответа. Процесс роста не прекращается до тех пор, пока это повторяющееся движение утраты равновесия, восстановления его, перегрузки и нового нарушения сохраняет свою силу. И хотя процесс роста единообразен, опыт,

**переживаемый вовлеченными в
этот процесс сторонами, весьма
различен.**

Арнольд Дж. Тойнби

Леонид Фридман

**О МНОГОВАРИАНТНОСТИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СОПОСТАВЛЕНИЙ:**

**РОССИЯ
В ОКРУЖАЮЩЕМ МИРЕ**

РОССИЯ В МИРЕ

The author undertakes to answer questions that are concerns of researchers, political writers and ordinary Russian citizens: How does the image of Russia change in the mirror of national and international statistics? What place does Russia occupy in the global economic space now, at the beginning of the 21st century and what place did Russia occupy at the beginning of 20th century? What was the real development of Russia which we have lost? How did balance of economic development levels of Russian empire, the USSR and the USA change in the past 90–100 years? The author adduces calculations and estimates that allow him to conclude that both in 1913 and in 2003-2004 per capita GDP in Russia was and is about one fourth of per capita GDP in the US. At the same time the author offers one more conclusion which may be a surprise for many people: in early 20th century as well as at the beginning of the 21st century per capita income in China was and is about 1–12% of per capita income in the US. However during the same period per capita GDP in Great Britain, Australia, New Zealand and India compared to per capita GDP of the US deteriorated considerably. To put it differently, in the course of the past 90-100 years these countries were lagging more and more behind the US. All these and some other, sometimes unexpected conclusions and estimates are based upon thoroughly analyzed statistical records and interstate comparisons.

Ушел в прошлое XX век, и мы прожили уже четыре года нового столетия. Вполне закономерно, что россиян интересует важный для жителей любой страны вопрос: каково положение нашего отечества в окружающем мире? Эта ключевая проблема имеет множество аспектов. Я обращаюсь только к одному из них, а именно: к экономическому положению России. Речь пойдет о том, каков уровень ее экономического развития в сравнении с другими странами и регионами. Для решения этой непростой задачи необходимо иметь обширный массив статистических данных, включающий сведения о таком интегральном показателе экономического развития, как валовой внутренний продукт (ВВП), рассчитанный для десятков стран, ряда регионов и всего мира. Надо располагать и достоверными сведениями о численности их населения. С самого начала подчеркнем, что абсолютно точных данных такого рода нет даже применительно к 90-м годам прошлого столетия: постоянно меняются цифры, характеризующие величину ВВП и уточняющие численность населения многих развитых и особенно развивающихся стран.

В свое время известный американский экономист О.Моргенштерн убедительно рассказал в своей книге «О точности экономико-статистических наблюдений» о многих недостатках, ошибках и неточностях американской статистики, в том числе и сведений о фактической численности населения США. Однако он же справедливо указал, что, узнав об этом, люди могут сделать два прямо противоположных вывода. Одни скажут: раз многие цифры не точны, то и все основанные на них выводы не заслуживают доверия. Другие, напротив, будут стремиться к необходимой корректировке исходных данных, к все большему приближению их к реальности. И эти последние будут, очевидно, правы. Но помнить о несовершенстве и недостаточной точности любых обобщающих показателей (в том числе и ВВП), а тем более статистических данных, охватывающих многие десятки стран, не только целесообразно, но и необходимо. Таким образом, можно и нужно использовать разнообразные материалы о численности населения и величине ВВП по возможно большему кругу стран, но при этом постоянно проверять и уточнять соответствующие цифры по каждой стране, региону и всему миру.

Все сказанное полностью относится и к России. Так, например, немалые сложности обнаружились при оценке величины и динамики ее ВВП после распада СССР и начала экономических реформ. Дело в том,

что если в советский период нашей истории величина такого интегрального показателя, как рассчитывавшийся тогда национальный доход, обычно завывшалась, то в 90-е годы расчеты ВВП, как правило, напротив, занижали его реальный объем. Не вдаваясь в подробности, ограничимся упоминанием о том, что одну из наибольших трудностей составляет определение величины и удельного веса так называемого неформального или теневого сектора экономики, масштабы которого столь велики (его удельный вес, по оценкам ряда исследователей, колеблется от 20–25 до 35–40%), что могут существенно изменить реальную величину всего ВВП. И хотя прежние данные о действительной глубине экономического кризиса в середине 90-х годов были скорректированы с учетом расширявшегося теневого сектора, нельзя быть полностью уверенными в точности этих и последующих расчетов. К тому же сведения о численности постоянного населения России, полученные до и даже после проведения всеобщей переписи 2002 года, ввиду необычайной интенсивности миграционных процессов между республиками бывшего СССР и Россией, а также общих недостатков учета населения при ее проведении, видимо, будут не раз уточняться. Да и само понятие постоянного населения в современной России, возможно, тоже нуждается в уточнении.

Долларовый эквивалент ВВП России, рассчитанный по обменному курсу рубля и паритету покупательной способности валют

Все эти проблемы еще более усложняются при переходе от национальной к международной статистике и, прежде всего, при межстрановых сопоставлениях величины и динамики ВВП. Конечно,

при этом используются стандартные процедуры пересчета соответствующих показателей, полученных при исчислении ВВП в национальной валюте, в так называемые международные доллары, сначала по валютному (обменному) курсу, а затем по паритетам покупательной способности (ППС) валют. Единственная страна, где нет необходимости пересчитывать национальную валюту в доллары, – США, где доллар и является национальной валютой. В других странах, в условиях резкого изменения отраслевой структуры ВВП, постоянных скачков цен и ценовых пропорций в 90-х годах, при наличии обширного теневого сектора экономики, подобная операция оказывается достаточно сложной. И это верно не только в отношении России, но и большинства

других стран, особенно тех, которые совершали переход от командной к рыночной экономике. Вот почему в 90-е годы XX и начале XXI века каждые три года проводятся очередные раунды международных экономических сопоставлений, в которых участвует и Россия. Такие раунды проводились в 1993, 1996, 1999 и в 2002 гг. Однако, во-первых, их результаты публикуются с большим опозданием даже в национальной статистике.

Во-вторых, в основных публикациях Всемирного банка (ВБ)¹ все данные о величине ВВП той или иной страны, рассчитанные в долларах по валютному курсу, относятся не к тому году, который указан в справочниках, а являются средними за этот и два предыдущих года, т.е. усредненными цифрами за три последовательных года. Этот метод, названный методом Атлас, имеет целью не допустить слишком резких и неожиданных изменений измеряемой величины ВВП, которые становятся неизбежными при столь же резких колебаниях валютного курса. В России такие колебания происходили как в конце 80-х и первой половине 90-х годов, так и в 1998 г., в связи с объявленным тогда дефолтом. Ведь в подобных случаях реальная динамика ВВП в национальной валюте изменяется в гораздо меньшей степени, чем обменный курс национальной валюты, например, российского рубля. Думается, что составители этих международных статистических справочников стремились таким образом избежать слишком больших расхождений между динамикой ВВП в национальной валюте и его долларового эквивалента, рассчитанного по обменному курсу. Как бы то ни было, в результате всех этих сложностей расчетов и постоянного запаздывания публикации их результатов, можно констатировать наличие неизменных расхождений между величинами долларового наполнения ВВП (исчисленного даже по обменному курсу), публикуемыми в официальных российских статистических изданиях, с одной стороны, и в указанных ежегодниках ВБ, – с другой. Приведем соответствующие данные за последние годы. При этом необходимо сделать еще одно уточнение: в ежегодниках ВБ даются сведения не о ВВП, а о ВНД, т.е. валовом национальном доходе, который отличается от ВВП в основном на размеры сальдо внешнеэкономических операций той или иной страны за данный год.

¹ Имеются в виду «Индикаторы мирового развития» (*World development indicators*) и «Отчеты о мировом развитии» (*World development reports*).

Таблица 1²**ВВП и ВНД России в рублях и долларах по валютному курсу**

Показатели:	2002	2003	2004
ВВП (в трлн.руб.)	10 834	13 285	16778,8
ВНД (в трлн.руб.)	10 628	12 886	16108
ВНД (в % к ВВП)	98,0	97,0	(96,0) [*]
Валютный курс (руб./долл.)	31,35	30,69	28,81
ВНД (млрд. долл. в данном году)	341	420	559
ВНД (млрд.долл. по методу Атлас, т.е. в среднем за данный год и два предшествующих)	307	375	440

^{*} В табл. 1 и 2 в скобках приведены расчетные данные, полученные автором.

Как видно из этих данных, показатели, регулярно публиковавшиеся в изданиях ВБ по методу Атлас и сглаживавшие реальные колебания величин валютного эквивалента ВНД в каждом данном году, в указанный период постоянно были меньше аналогичных величин, исчисляемых именно для данного года и публиковавшихся, например, в статистических ежегодниках по СНГ. Уже одно это обстоятельство надо учитывать при сравнении величин ВНД за разные годы.

При любых сравнениях всего и душевого ВНД в России и других странах, например, в США, целесообразно исходить из валютного эквивалента ВНД в России, исчисленного именно для данного года, а не по методу Атлас. В 2002–2004 гг. это автоматически несколько повышает результаты подобного рода сопоставлений для России. Величина такого превышения была особенно значительна в 2003 и 2004 гг., когда она достигала 45 и даже 100 млрд. долл.

Все эти соображения по поводу ситуации, относящейся к 2000–2004 годам, охватывают период, когда в России наблюдался восстановительный экономический рост, отмеченный сравнительно высокими темпами увеличения ВВП. Одновременно постоянно увеличивались и цифры,

² *Источник. ВНД в 2002–2003 гг.: Содружество Независимых Государств в 2003 г. Статистический ежегодник. М., 2004 (далее – СНГ в 2003 г.). С.55–56, 520. Данные по ВНД, по методу Атлас, опубликованы в: World Development Indicators 2004–2005. Table 1.1.*

Официальные данные и наши расчеты за 2004 г. по: Содружество независимых государств (далее СНГ) в 2004 г. М., 2005. С. 82, 325.

характеризующие валютный эквивалент ВВП: будь то по методу Атлас, или по каждому данному году.

Во второй половине 90-х годов XX столетия и в 2000–2004 гг. в России постепенно нормализовалась экономическая ситуация и, несмотря на дефолт 1998 года, наметилась тенденция к стабилизации и поступательному развитию ее внешнеэкономических связей. Это особенно четко проявилось, начиная с 1999 г., в условиях повышения цен на основные экспортные товары России и неуклонного роста ее ВВП. В 2000 г., по официальным данным, ВВП по валютному курсу составил почти 260, а ВНД – примерно 253 млрд. долл. За четыре последующих года в результате экономического роста и укрепления валютного курса рубля обе эти величины увеличились более чем вдвое и достигли соответственно 559 и 540 млрд. долл. Данные за 2004 г. не являются абсолютно точными, а отражают лишь примерный порядок искомым величин. Но все возможные и неизбежные отклонения от приведенных выше цифр вряд ли изменят *общий вывод, согласно которому всего за первые четыре года нынешнего столетия, т.е. с 2000 по 2004 год, ВВП России, рассчитанный в долларом эквиваленте по валютному курсу рубля, увеличился не менее (а может быть, и более), чем в два раза.* Между тем реальный экономический рост в России за это же время составил примерно 26 %. И сравнение этих двух цифр (увеличение долларом эквивалента ВВП вдвое при реальном его повышении на 26 %) наглядно показывает более чем существенное различие в динамике внутри- и внешнеэкономического положения страны, а также относительную независимость движения этих макроэкономических индикаторов. Как известно, президент В.В.Путин некоторое время назад выдвинул задачу удвоения ВВП страны примерно за десять лет. На наш взгляд, эта задача включает учет как внутриэкономических, так и внешнеэкономических реалий современной России, а они, эти реалии, далеко не всегда полностью коррелируют друг с другом. К тому же вряд ли стоит впасть в эйфорию по поводу столь успешных результатов упрочения внешнеэкономического положения России за последние четыре года. Ведь это произошло после валютно-финансового кризиса 1998 г., причем еще за год до этого, т.е. в 1997 г., ВВП России, рассчитанный в долларах по обменному курсу, достигал примерно 447 млрд. долл. Таким образом, в текущих ценах за эти семь лет он увеличился всего на 21 %, а если учесть инфляцию в США, то и эта цифра существенно сократится. Между тем реальный рост физического объема ВВП России за тот же период достигает примерно 40 %. Это

значит, что за более длительный срок, не за четыре, а за семь лет, указанный показатель превысил аналогичную динамику долларového эквивалента ВВП, рассчитанного по валютному курсу. Так по-разному изменялся экономический образ России в зеркале национальной и международной статистики, в ее, так сказать, внутри- и внешнеэкономическом наполнении.

Рост долларového эквивалента ВВП России необходимо учитывать при оценке величины внешней задолженности страны. Долгосрочный внешний долг России, по оценкам экспертов ВБ, колебался в 2000–2003 гг. в пределах 133–124 млрд. долл. В 2000 г. он составлял 52–53%, а в 2003–2004 гг. сократился примерно до 25–35% ВВП, исчисленного по текущему валютному курсу рубля к доллару.

Эти цифры показывают, что относительная величина внешнего долга зависит не только от реальной динамики ВВП, но и от изменений самого валютного курса, так что при ускорении темпов экономического роста и укреплении внешнеэкономических позиций России (примем во внимание увеличение положительного сальдо ее внешнеторгового баланса и быстрый рост золотовалютных резервов) всего за четыре года относительная тяжесть ее долгосрочного внешнего долга снизилась до уровня, который может считаться не слишком высоким по стандартам развитых стран и, соответственно, не столь опасным для ее экономического развития. Между тем еще за 5 лет до этого, т.е. в 1999 г., тяжесть внешнего долга, по ряду оценок, колебалась в пределах 70–80% ВВП России.

Все это имеет немалое практическое значение, поскольку при выплате процентов и основной суммы внешнего долга Центральному банку приходится покупать доллары по текущему обменному курсу. Точно так же Центральный банк в последние годы активно приобретал валюту для пополнения золотовалютных резервов страны, которые в первой половине 90-х гг. достигали 15–20 млрд. долл., а в июне 2005 г. превысили 140 млрд. долл. Вообще, все операции, связанные с покупкой и продажей долларов импортерами и экспортерами, а также туристами и всеми лицами, выезжающими за рубеж или привозящими валюту, совершаются с учетом постоянно меняющегося валютного курса рубля. Но этот последний испытывает разнонаправленные колебания не только под влиянием длительно действующих факторов, но и в тесной связи с непрерывными изменениями предложения и спроса на иностранную валюту, в первую очередь доллары, которые отражают как реальное, так сказать внутреннее, состояние экономики,

так и изменения внешнеэкономических отношений. Иногда валютная конъюнктура подчиняется событиям случайного характера, например спекулятивной игре на повышение и понижение рубля, которой могут заниматься и действительно занимались некоторые российские банки, да и другие юридические и физические лица, как в России, так и в других странах.

Расчеты ВВП различных стран по обменному курсу их национальных валют используются также при классификации государств, осуществляемой экспертами таких международных организаций, как Международный валютный фонд (МВФ) или Всемирный банк. Все страны мира делятся в Отчетах о мировом развитии Всемирного банка на три группы: страны с низким, средним и высоким уровнем душевого валового национального дохода (ВНД), рассчитанного по обменному курсу национальных валют к доллару. В свою очередь, группа стран со средними доходами делится на две подгруппы: страны с «нижнесредними» и «верхнесредними» доходами. При этом условные границы между этими группами и подгруппами год от года меняются. Все данные исчисляются в долларах соответствующего года по текущим ценам, т.е. без учета инфляции в самих США.

В «Отчете о мировом развитии», опубликованном в 1993 г., впервые помещены данные, относящиеся не к СССР, а к отдельным, в прошлом союзным республикам, а с 1991 г. – новым, независимым государствам, образовавшимся на месте СССР. Среди них оказалась и Россия, которая была включена в общую группу стран со средними доходами и при этом в ее подгруппу стран с верхнесредними доходами. Правда, тогда, да и в дальнейшем, делались примечания, смысл которых сводился к тому, что все цифры о величине душевого ВВП, относящиеся к новым государствам, образовавшимся на месте СССР, не отличаются точностью и их использование требует особой осторожности. Эти примечания повторялись и во многих последующих изданиях «Отчетов...». Тем не менее составители всех последующих ежегодников Всемирного банка сочли целесообразным включать Россию уже не в верхнюю среднюю, а в нижнюю среднюю подгруппу классифицированных стран мира.

Мы говорим об этом потому, что, по-видимому, в 2004 г. положение России в мире в рамках действующей классификации вновь должно измениться. Как показано в таблице 1, величина ВВП России в 2004 г. составляла около 16,8 трлн. руб., а его долларовой эквивалент достигал 559 млрд. долл. Что касается ВНД, то его величина составила около 540

млрд. долл., что в расчете на душу населения (т.е. на 145 млн. чел.) дает примерно 3900 долл.

Граница, отделяющая верхнюю среднюю от нижней средней подгруппы стран, проходила в 2000 г. на уровне 2 995, а в 2004 г. составляла, по нашей оценке, не более 3 130–3 150 долл. Это означает, что в соответствии с классификацией ВБ Россия должна перейти в верхнесреднюю подгруппу стран мира. Однако, как уже отмечалось, эксперты ВБ помещают в своих ежегодниках данные о ВНД не одного (последнего, т.е. 2004-го) года, а среднюю цифру за этот и два предшествующих года. В итоге в ежегоднике ВБ для 2004 г. будет помещен показатель подушевого ВНД России, равный не 3 900, а только 3 045 долларам. Поэтому, на наш взгляд, Россия будет переведена в верхнюю среднюю группу стран по показателям не 2004, а только 2005 г. (при условии, что в этом году рост ВВП составит примерно 5–6%), и сведения об этом появятся только в 2006 г.

Этот простой пример показывает, что составители ежегодных публикаций ВБ не торопятся обычно изменять статус той или иной страны по итогам одного, хотя бы и очень успешного в экономическом отношении, года. Применение метода Атлас позволяет им, так сказать, выдерживать паузу и учитывать итоги не одного, а трех последовательных лет, чтобы подтверждалась устойчивость новой тенденции и место той или иной страны на шкале экономического развития не зависело от «разовых», случайных колебаний экономической конъюнктуры.

* * *

Долларовый эквивалент ВВП и ВНД России, рассчитанный по текущему валютному курсу, как уже отмечалось, во многом отражает внешнеэкономическую ситуацию страны и зависит от соотношения цен на те товары и услуги, которые вовлекаются во внешнеэкономический оборот. Между тем, эти товары и услуги составляют лишь часть всего производства ВВП и ВНД каждой страны; при этом удельный вес экспорта, импорта и всего внешнеторгового оборота в ВВП (и ВНД) больших и малых стран, как правило, существенно различается. В больших по численности населения странах обычно производится достаточно широкая гамма товаров и услуг, основная часть которых потребляется на месте, тогда как в малых странах, со сравнительно небольшой численностью населения, создается сравнительно узкая

номенклатура товаров и услуг, а остальные виды товаров приобретаются в результате внешнеторгового обмена этих стран с окружающим миром. Это значит, что при прочих равных условиях экспортная и импортная квоты малых стран обычно гораздо выше величин аналогичных показателей по большим и тем более сверхкрупным странам. Россия, с ее 145 миллионами жителей, относится, конечно, к категории крупных стран, и уже поэтому долларový эквивалент ее ВВП должен базироваться не только на валютном курсе рубля, отражающем, в первую очередь, соотношение цен на товары, проходящие по каналам внешней торговли. Гораздо более точное представление о его сравнительной (при сопоставлении с другими странами) величине можно получить лишь при учете соотношения цен в сравниваемых странах по всему кругу товаров и услуг.

Разумеется, эти соображения относятся не только к России, но и к любой другой стране, и они давно уже находились в центре внимания многих специалистов по международным экономическим сопоставлениям. Но лишь начиная с 70-х годов XX в. начали применяться, а затем получили все более широкое распространение расчеты ВВП и ВНП (ВНД) по паритетам покупательной способности валют, осуществляемые группами экспертов под эгидой ООН и ее специализированных организаций (ВБ, МВФ).

В отличие от старого, новый метод гораздо более сложен, трудоемок и дорогостоящ, ибо требует учета реальной покупательной способности сравниваемых национальных валют по всему кругу товаров и услуг, производимых в этих странах. Соответствующие наблюдения и калькуляции осуществлялись с интервалом в несколько лет, и в них принимало участие все больше стран. Однако и поныне далеко не все государства постоянно участвуют в этих программах международных сопоставлений.

После этих предварительных замечаний мы можем перейти к анализу материалов, характеризующих величину ВВП и ВНД России уже не по обменному курсу рубля к доллару, а по паритетам покупательной способности этих валют. В период существования СССР, который до конца 80-х годов не входил в состав Всемирного банка и МВФ, все сопоставления его экономических размеров с аналогичными показателями по другим странам, главным образом, конечно, США, производились отдельными экспертами или организациями (в том числе, например, ЦРУ США) и в условиях холодной войны, почти неизбежно отражая их политические и идеологические пристрастия. А советская статистика

постоянно «улучшала» обобщающие экономические индикаторы с тем, чтобы «доказать» превосходство социализма над капитализмом в темпах экономического роста, и в этих целях давала явно завышенные оценки национального дохода СССР (до 1990 г. расчеты ВВП вообще официально не производились и не публиковались).

Начиная с 1993 г., Россия и другие государства, возникшие на территории бывшего СССР, официально участвуют во всех раундах программы международных сопоставлений. Результаты международных сопоставлений по этим раундам публиковались в ежегодниках ВБ обычно лишь через четыре года, а до этого все расчеты делались по материалам предшествующих раундов с приблизительным учетом изменения уровня цен в России и США и валютного курса рубля. Приведем соответствующие данные за 2002–2004 гг.

Таблица 2³

ВНД России и США в долларах по текущим ценам и по ППС валют

	2002	2003	2004
ВНД (ППС млрд. долл.)	1 165	1 279	(1 500–1600)
На душу населения (долл.)	8 080	8 920	(10 500–11000)
Среднемировой ВНД на душу населения по ППС (долл.)	7 820	8 180	(8 300)
ВНД на душу населения в США (долл.)	36 110	37 500	(39 000)
ВВП России на душу населения по ППС (% к США)	22.4	23.8	(27–28)

Как видно из материалов таблицы 2, базирующихся на итогах раунда международных сопоставлений 2002 г., в 2003 и особенно 2004 г. наблюдалось существенное улучшение как внутри-, так и внешнеэкономического положения России. Это позволяет сделать вывод о том, что подушевой ВВП России в эти годы составлял примерно 24–27% от аналогичного показателя по США, причем соотношение этих индикаторов постепенно улучшалось для России.

Конечно, этот вывод ничего не говорит о мере устойчивости отмеченной нами динамики. Она определяется не только

³ Данные за 2002–2003 гг. по: *World Development Indicators 2004–2005*.

Данные за 2004 г. по США и России: наши расчеты по *World Development Indicators 2004–2005 гг и СНГ в 2004...* С.82, 325.

поступательным развитием экономики, базирующейся на внутренних факторах и импульсах, равно как и прогрессивных структурных сдвигах. По мнению многих аналитиков, еще большее значение в этот период имело резкое повышение цен на нефть, а отчасти и другие экспортные товары. Неожиданное падение цен на энергоносители, подобное тем, что не раз случались в прошлом, может вновь осложнить процесс экономического роста и даже (при особенно неблагоприятном стечении обстоятельств) придать ему попятный характер.

Однако если руководствоваться иной предпосылкой, согласно которой на данном этапе именно внутренние факторы все больше определяют позитивную динамику экономического роста, и считать возможным пяти–шести процентный прирост ВВП России на протяжении пяти и более лет, то можно с достаточной уверенностью предполагать дальнейшее сокращение разрыва между Россией и США (общепризнанным экономическим лидером современного мира) по ключевым характеристикам народнохозяйственной динамики. Впрочем, даже и при таких, достаточно благоприятных внутренних и внешних условиях, соотношение между подушевыми показателями ВВП России и США вряд ли превысит, даже через 5–6 лет, тридцатипроцентную планку. Ныне и в ближайшей перспективе подушевой доход России составляет и будет составлять в лучшем случае не менее одной четверти или около одной трети от аналогичного показателя по США. Много это или мало? Ведь подобные цифры, в свою очередь, нуждаются в дополнительных сравнениях; невольно возникает вопрос: а что было раньше, например, в начале XX века? Какова была динамика этого показателя за последние 90–100 лет?

**Соотношение уровней
экономического развития
России и США
в начале XX века**

Определить соотношение величин соответствующих индикаторов в начале прошлого столетия даже труднее, чем применительно к 90-м годам XX или началу XXI века. В тот период не существовало даже

самого понятия *паритет покупательной способности валют* и не проводились необходимые сопоставления цен, например, в рублях и долларах по достаточно широкому кругу товаров и услуг. В 1900-х годах только начинались работы по исчислению национального дохода России. Причем большинство российских исследователей использовало

марксистскую методику, основывавшуюся на более узком понимании этой категории и не включавшую в расчеты национального дохода многие виды общественных и личных услуг. Вместе с тем после введения в России в конце XIX века системы свободного обмена рублием на золото тот показатель, который теперь называют валютным курсом рубля, имел по существу рыночный характер. Он отражал преимущественно соотношение цен на товары и услуги, проходившие по каналам внешней торговли и межгосударственных финансовых операций, а «паритетный» курс рубля и, например, доллара должен быть выше его валютного курса. Поэтому все сравнения национального дохода России и США, основывающиеся на использовании валютного курса рубля, занижают размеры национального дохода России, выраженные в долларах. Весь вопрос заключается в том, какой могла быть разница между паритетным и валютным курсом рубля того времени, например, в лучшем для России 1913 году.

Ныне большинство российских, да и зарубежных, исследователей используют цифры, приведенные в работах А.Мэддисона⁴, который полагает, что средний подушевой доход на территории бывшей Российской империи (без Польши и Финляндии) составлял в 1913 г. почти 28% от аналогичного показателя США.

Но следует ли считать эту цифру точной, правильно отражающей уровни экономического развития указанных стран? На наш взгляд, это не так, и приведенные цифры несколько завышают уровень экономического развития на территории, соответствующей современной России. Отметим, прежде всего, что в последние годы американские статистики пересчитывали динамические ряды ВВП по США, как правило, в сторону их повышения. Что же касается данных по России, то они не пересматривались А.Мэддисоном, хотя его оценки темпов экономического роста СССР, равно как и сведения о подушевых показателях ВВП России и США, например, в 1990 или 1973 гг., отличаются от величины аналогичных индикаторов, приводимых в работах других исследователей и экспертов международных организаций. Между тем, на наш взгляд, все эти оценки и расчеты требуют серьезных уточнений в свете

⁴ Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris, 1995 (далее – Maddison-1995); *Idem. The World Economy. A Millenium Perspective*. Paris, 2001 (далее – Maddison-2001); *Idem. The World Economy: Historical Statistics*. Paris, 2003 (далее – Maddison-2003).

появляющихся новых материалов, свидетельствующих о необходимости многовариантного подхода к изучению этой проблемы.

Чтобы показать возможные масштабы неизбежных ошибок в оценке величины ключевых параметров развития некоторых стран с командно-административной, или переходной к рыночной, экономикой, приведем пример расчетов, относящихся к КНР. В своей работе 1995 года⁵ А.Мэддисон подробно, тщательно и детально описывает процедуру выбора наиболее реалистичной, по его мнению, оценки подушевого ВВП Китая в 1990 г. по ППС валют в американских долларах того же года. Он приводит пять оценок, из которых наименьшая не превышала 1 135, а наибольшая – 4 264 долл. Иными словами, даже применительно к 1990-му (а отнюдь не к 1913-му!) году различные оценки подушевого ВВП Китая различались почти в четыре раза. Приведем эти оценки:

Авторы оценок	Подушевой доход КНР в 1990 г. (долл.)
Кревис	4 264
Саммерс и Хестон	2 700
Рэн Руан и Чен Кай (1)	1 749
Рэн Руан и Чен Кай (2)	2 347
Тэйлор	1 135

Далее А.Мэддисон объясняет, почему некоторые из оценок кажутся ему неправдоподобными. Так, по данным Кревиса (4 264 долл.), подушевой доход Китая в 1990 г. оказался бы в 3.4 раза выше, чем в Индии в том же году, и в 1,7 раза выше, чем в Индии в 1950 г., что справедливо представлялось А.Мэддисону нереалистичным. Далее он указывает, что оценка «Рэн–Чен» (1), названная так по именам двух исследователей китайского происхождения, означает, что подушевой ВВП Китая был на треть выше, чем в Индии в 1990 году, и составлял только две трети индийского в 1950 г. Такие цифры представлялись ему слишком низкими показателями для Китая.

И, хотя А.Мэддисон признавал, что, с научной точки зрения, именно результаты «Рэн–Чен» (1) наиболее обоснованы, они не отвечают другому критерию – правдоподобию, соответствию здравому смыслу. Поэтому А.Мэддисон выбрал в качестве базовой оценку Саммерса и Хестона, равную 2 700 долл. для 1990 года. А далее произошло следующее

⁵ Maddison-1995. P.167–169.

В мае 2000 г. в очередном выпуске доклада Международного валютного фонда «Обзор мировой экономики»⁶ было помещено обобщающее и весьма содержательное исследование о росте мировой экономики в XX столетии. Здесь широко использовались материалы и выводы, содержащиеся в проблемном докладе МВФ «Глобализация и рост в XX веке», подготовленном известным исследователем в области экономической истории профессором Лондонской школы экономики НКрафтом.

Составители доклада МВФ отметили, что данные о мировом ВВП и показателях по отдельным странам основаны на упоминавшейся монографии Мэддисона 1995 года, а сведения за более поздний период, т.е. за 2000 г., – на данных, полученных приложением темпов роста среднедушевого ВВП в 1990–2000 гг. к показателям Мэддисона за 1990 г. Сокращенный перевод одной из глав этого доклада был сделан Б.Болотиным⁷. Таблица, помещенная в докладе, содержит сведения о величине подушевого ВВП России и Китая в 1900 и 2000 гг. Согласно этим данным, подушевой ВВП Китая в 1900 г. составлял около 650 долл., или 15,85% от аналогичного показателя по США. Для 2000 года подушевой ВВП Китая был оценен уже в 6 285 долл., или 23% от аналогичного индикатора по США. В то же время подушевой доход на территории бывшего СССР в 1900 г. был оценен в 1 220 долл., или 29,7% от аналогичной цифры по США, а в 2000 г. – в 3 685 долл., или лишь 13,5% от индикатора по США.

Иначе говоря, если бы эти цифры были верны, то можно было бы сделать сенсационный вывод о том, что на протяжении XX в. зеркально изменилось положение бывшего СССР и Китая на шкале мирового экономического развития. В самом деле, по этим данным, к концу XX в. относительный уровень экономического развития на территории бывшего СССР (при сопоставлении с США) сократился более чем вдвое по сравнению с началом века, тогда как аналогичный показатель по Китаю, напротив, увеличился почти в полтора раза. Что касается собственно России, то выше уже приводились данные, из которых следует, что в первые годы XXI столетия ее подушевой доход составлял, очевидно, как раз 23–24% от уровня США, и даже по всей территории бывшего СССР искомый показатель был существенно выше 13,5%.

⁶ *World Economic Outlook. 2000. May.*

⁷ См.: *Мировая экономика в XX веке: потрясающие достижения и серьезные проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №1. С.3–15.*

Но нас, в первую очередь, интересуют приводимые в докладе сведения о динамике подушевого ВВП Китая. Составители доклада, видимо, не заметили элементарной ошибки. Ведь если руководствоваться этими цифрами и сведениями о численности населения Китая и США в 2000 г., то окажется, что весь ВВП Китая, рассчитанный по ППС валют, достигал в 2000 г. 7 961 млрд. долл., а США – только 7 690 млрд. долл. Иначе говоря, по этим данным уже в 2000 г. Китай якобы вышел на первое место в мире по абсолютной величине ВВП и, таким образом, обогнал США. Если же принять во внимание значительное превышение темпов экономического роста в Китае над аналогичными показателями в США в последующие годы, то легко можно было бы рассчитать, что к 2005 году Китай уже намного обогнал США. Между тем никто из исследователей не делал и не делает столь удивительных выводов, хотя гадания на тему о том, когда именно в будущем Китай «догонит и перегонит» США, остаются любимым занятием многих футурологов и прогнозистов – и на Западе, и в России. Это напоминает аналогичные прогнозы относительно того времени, когда Япония «догонит и перегонит» США, делавшиеся другими футурологами в 70-х годах прошлого столетия. Однако, как известно, Япония в 90-х годах не только не догоняла, а постепенно отставала от США...

В чем же дело? Как могли получиться столь удивительные и явно неправдоподобные цифры о ВВП Китая и США в 2000 г.? Напомним, что составители доклада опирались на данные о подушевом ВВП Китая в 1990 г., выбранные А.Мэддисоном, как наиболее реалистические из пяти оценок, приведенных им в упоминавшейся выше книге. Однако в своих позднейших публикациях А.Мэддисон пересмотрел свою прежнюю оценку по Китаю и с этой целью предпринял специальную работу, посвященную анализу экономического роста в этой стране за последние две тысячи лет⁸. В итоге, полученные им новые данные позволили оценить подушевой ВВП Китая в 1990 году в 1 858 долл., что мало (или даже почти не) отличается от оценки «Рэн-Чен» (1) – 1 749 долл., которая была ранее признана им не отвечающей критерию правдоподобия и оказалась значительно ниже принятой им ранее в качестве базовой цифры Саммерса и Хестона (2 700 долл.).

После пересмотра прежней оценки и ее снижения до 1 858 долл., оказалось, что цифра по Китаю в 1990 г. на 40% выше, чем в Индии, а в

⁸ *Chinese Economic Performance in the Long-Run. Development Center Studies. OECD. Paris, 1998.*

1950 г., напротив, составляла только 63% от индийского показателя⁹. Одновременно А.Мэддисон изменил и показатели по Китаю и Индии, относящиеся к 1913 году. Если ранее подушевой доход Китая в этом году оценивался в 688 долларов, то теперь он был понижен на 20% и не превышал уже 552 долл.; аналогичный показатель по Индии оценивался ранее в 663, а теперь был повышен до 673 долл. Таким образом, если ранее подушевой доход Китая был незначительно выше, то теперь он оказывался на 18% ниже индийского.

Иными словами, два тех самых предположения, которые ранее представлялись А.Мэддисону нереалистичными и неправдоподобными, теперь, напротив, признаны полностью отвечающими критерию правдоподобия и подкреплены новыми данными, опубликованными им в 2003 году. Что касается подушевого показателя по ВВП Китая за 2000 год, то он оценивается теперь А.Мэддисоном в 3 425 долл., что составляет примерно 12% от величины соответствующего индикатора в США¹⁰. К слову сказать, во всех дальнейших публикациях МВФ содержатся данные, согласно которым подушевой доход Китая составлял 10–12% от уровня США.

Как видно из этих пересмотренных данных, к началу XXI в. Китай по-прежнему по общему уровню экономического развития, измеряемому подушевым ВВП, существенно отставал от России. Но масштабы этого отставания постепенно сокращаются и составляют, по-видимому, менее (и во всяком случае не более) двух раз, хотя еще 30 лет назад аналогичное отставание достигало, по-видимому, 7,5–8 раз¹¹. К сожалению, А.Мэддисон не указывает в своих последних публикациях на ошибочность сделанного им ранее выбора относительного подушевого ВВП Китая в 1990 г. Две его книги с новыми данными о величине этого индикатора, вышедшие в свет в 2001 и 2003 гг., просто содержат ссылку на упоминавшуюся ранее монографию об экономическом развитии Китая за последние 2000 лет.

Составители доклада Международного валютного фонда о мировом экономическом развитии в XX веке не имели, по-видимому, возможности

⁹ См.: Maddison-2003. P.184.

¹⁰ Напомним, что в докладе МВФ, о котором говорилось ранее, опубликована цифра 23%, которая, таким образом, почти в два раза превысила реальный уровень относительного экономического развития Китая.

¹¹ См.: Maddison-2003. P.262.

воспользоваться новыми оценками уровня экономического развития Китая, полученными А.Мэддисоном. Это и привело их к ошибочным выводам о соотношении уровней экономического развития Китая и России, Китая и США, да и ошибочной оценке положения Китая и России по отношению к среднемировым показателям подушевого ВВП.

Конечно, приведенный нами пример во многом исключителен, и было бы неправильно на этом основании делать вывод о масштабах потенциальных ошибок в расчетах экономической динамики и уровней развития других стран, в том числе и России. И все же напомним, что речь идет о соотношении ключевых показателей на шкале мирового развития в XX веке таких крупнейших стран, как Китай, Индия и Россия. Именно поэтому, в свете приведенных выше данных, целесообразно вернуться к вопросу об уровне экономического развития России в начале XX века, точнее в 1913 г.

Надо сказать, что различные исследователи далеко не одинаково оценивали сравнительную величину национального дохода и ВВП России и США. Так, С.Прокопович полагал, что в 1913 г. весь национальный доход России составлял примерно 25% от аналогичного показателя по США, тогда как американский исследователь Г.Блок считал, что ВВП России достигал в том же году 39% от уровня США¹². Что касается А.Мэддисона, то, если сопоставить приводимые в его работах цифры, окажется, что весь ВВП России накануне Первой мировой войны достигал примерно 44.9% от уровня США¹³. Однако известны и более низкие оценки сравнительной величины национального дохода России и США, согласно которым этот показатель в России в пять раз уступал американскому в 1913 г. В 1993 г. мною совместно с В.Мельянцевым и М.Видясовой ВВП на территории нынешней России в 1913 г. был оценен примерно в 20–22% от его величины в США¹⁴. В 1996 г. В.Мельянец дал две оценки подушевого ВВП России на 1913 г., одна из которых составляла 17, а другая – 20% от уровня США¹⁵. Насколько нам известно, наиболее

¹² См. об этом: Кудров В.М. *Советская экономика в ретроспективе*. М.: Наука. 1997. С.252.

¹³ Maddison-2003. P.85, 89.

¹⁴ См.: Фридман Л., Видясова М., Мельянец В. *Три невеселые цифры // Азия и Африка сегодня*. 1993. №11. С.4.

¹⁵ См.: Мельянец В. *Крупные страны Востока и Запада: контуры долговременного*

низкая цифра соотношения подушевых показателей национального дохода в России и США в 1913 г. содержится в работе известного американского исследователя национального дохода России и ее экономической истории в конце XIX – начале XX века Пола Р.Грегори. Согласно его данным, подушевой доход России, при расчете по валютному курсу того времени (а не по ППС), составлял лишь 10% от аналогичного показателя по США¹⁶.

Разумеется, в 1913 г., так же как и в конце XX в., расчеты по ППС валют должны значительно превысить величину подушевого дохода, полученного по валютному курсу. Однако с 1897 г. в России рубль свободно обменивался на золото. И, несмотря на все трудности, связанные с революцией 1905 года и ее воздействием на рынок капитала и денежное обращение, курс российского рубля оставался более или менее устойчивым, а народное хозяйство России становилось не только все более рыночным, но и более интегрированным в мировую экономику. Поэтому разрыв между валютным курсом и ППС рубля к доллару, на наш взгляд, вряд ли превышал 2, но не более 2.4 раза. В таком случае данные П.Грегори о соотношении подушевых доходов России и США, пересчитанные по ППС рубля к доллару, могли составлять около 20–24%.

Итак, перед нами довольно широкий интервал значений этого соотношения: от 17–20 до 28–29%. *В этих условиях цифры в 23–25% представляются вполне реалистичными и могут использоваться для сравнения уровней экономического развития России и США в начале XX и XXI столетий. Трезво оценивая меру точности или неточности имеющихся данных, можно полагать, что за эти сто лет индикаторы сравнительного уровня экономического развития России и США практически не изменились или изменились не слишком значительно. И в начале XX, и в первые годы XXI столетия подушевой национальный доход, или ВВП России, составлял примерно 23–25% от величины аналогичного показателя в США.* Мы остановимся подробнее на смысле и значении этих результатов в конце статьи; пока же целесообразно вернуться к другому, частично рассмотренному ранее вопросу.

экономического роста // Россия и окружающий мир: контуры развития. М., 1996. С.144.

¹⁶ Gregory P.R. *An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-year. Princeton, 1994. P.21.*

**Россия и окружающий мир
в 1913–2003 годах:
некоторые варианты
межстрановых
сопоставлений**

Период 1991–2004 годов отмечен двумя важнейшими разнонаправленными процессами в экономическом развитии России. В 1991–1998 гг. наблюдался глубокий экономический кризис переходного типа (начавшийся, впрочем, еще в 1990

или даже 1989 г.). В этот период наблюдалось особенно резкое падение всех обобщающих хозяйственных показателей ВВП, промышленного и сельскохозяйственного производства и т.д. С 1999 года и вплоть до настоящего времени на смену кризису пришел экономический рост, имеющий во многом восстановительный характер, хотя одновременно происходят и существенные структурные сдвиги в народном хозяйстве страны. Формально именно 2000 год знаменует окончание прежнего и начало нынешнего столетия (даже тысячелетия); именно к этому году «привязаны» показатели по всем странам, характеризующие итоги их экономического развития в XX веке. Но применительно к России нам представляется более целесообразным использовать сведения не за один этот год, а, скорее, усредненные данные за 2000–2004 гг.

Как уже подчеркивалось, при любых межстрановых сопоставлениях учитывается не только внутренняя экономическая динамика, но и внешнеэкономическое положение сопоставляемых государств. В России это положение, ввиду резкого перехода от командно-административной к рыночной экономике, было особенно тяжелым и к тому же, так сказать, «трудноизмеряемым» именно в 90-е годы, когда итоговые данные расчетов ВВП в американских долларах по валютному курсу и по ППС рубля и доллара на протяжении ряда лет изменялись в прямо противоположных направлениях. В этих условиях усредненные данные за 2000–2004 гг., и особенно за 2003–2004 гг., как мы полагаем, позволят получить более правильное представление об итогах изменения места России на шкале мирового экономического развития в XX – начале XXI вв. Такое сопоставление кажется более правильным и потому, что сами данные о ВВП России в этот период, рассчитанные по итогам разных раундов международных сопоставлений (1996, 1999 и 2002 гг.), будут далеко не одинаковыми. В этих условиях именно усредненные показатели позволяют избежать разнонаправленных перепадов цифр, характеризующих соотношения между подушевыми ВВП в России, США и в среднем по всему миру. Что касается

последних сопоставлений (между Россией и среднемировыми уровнями ВВП), то их результаты достаточно очевидны: в 1913 г. подушевой ВВП России был несколько ниже или почти равен, а в начале 2000-х годов, скорее, существенно превышал величину среднемировых показателей.

Чтобы сделать эти сравнения более наглядными, приведем соответствующие сопоставления, охватывающие как первую, так и вторую половину XX века и начало века настоящего.

Таблица 3¹⁷

Соотношение российского и среднемирового уровней подушевого ВВП (доллары 1990 г. по ППС валют)

	1913	1950	1973	1990	2002	2003
Среднемировой подушевой ВВП (в долл. 1990 г.)	1 525	2 111	4 091	5 154	6 091	6 177
Подушевой ВВП России (в долл. 1990 г.)	A. 1600 B. 1300 B. 1450	2 963	6 509	7 762	6 235	6 937
% к среднемировому	A. 105 B. 85 B. 95	140	160	150	102	112

Как видно из этих данных, в 1950–1990 гг. среднедушевой ВВП России довольно устойчиво превышал аналогичный показатель по всему миру на 40–60%. В дальнейшем, в годы экономического кризиса, величина этого показателя постоянно сокращалась и к концу 90-х годов оказалась ниже среднемирового уровня. Только в начале нынешнего столетия, по мере того, как на смену кризису пришел восстановительный экономический рост, вновь наметилась тенденция к устойчивому превышению подушевого ВВП России над среднемировым показателем.

Что касается 1913 года, то здесь трудно дать однозначный ответ на вопрос о соотношении этих индикаторов. В этот период можно наметить три оценки подушевого ВВП России: максимальную в 1 600 долл. (вариант А, равный 30% от показателя по США); минимальную в

¹⁷ Составлено и подсчитано по: Maddison-2003. P.262; World Development Report 2005. P.276; World Development Indicators 2004. P.16.

1 300 долл. (вариант **Б**, равный 24% от показателя по США); среднюю в 1 450 долл. (вариант **В**, равный 27% от показателя в США).

По нашей оценке, ближе к действительности варианты **Б** и **В**. Поэтому наиболее вероятно, что накануне Первой мировой войны подушевой ВВП России был либо немного ниже, либо практически равен среднемировому показателю. Косвенно об этом же свидетельствует и оценка А.Мэддисоном подушевого ВВП в России того времени (но без Польши и Финляндии), равная 1 488 долл. Конечно, дело тут опять-таки не в мнимой точности этой цифры; важна лишь общая тенденция. На наш взгляд, особенно примечательно, что в начале 2000-х годов подушевой ВВП России хотя и не достиг уровня 1990 г., но все же преодолел «знаковый» рубеж – вновь стал превышать среднемировой показатель подушевого ВВП. Данные за 2004 год свидетельствуют о продолжении и усилении этой четко наметившейся тенденции.

Чтобы рельефнее представить многовариантный характер дальнейших расчетов, характеризующих итоги сопоставлений подушевых ВВП России и США за весь период с 1913 по 2003 год, приведем данные, полученные по трем вариантам таких сопоставлений (см. таблицу 4).

Таблица 4
Подушевой ВВП России и США в долл. 1990 г.

Россия	1913	2003	2003/1913 (в размах)
А.	16 00 (30% от уровня США)	6 937 (24% от уровня США)	4,5
Б.	1 300 (24% от уровня США)	6 937 (24% от уровня США)	5,3
В.	1 450 (27% от уровня США)	6 937 (24% от уровня США)	4,8
США	5 301	28 906	5,45

Сразу же подчеркнем, что все показатели подушевого ВВП России в 1913 г. округлены нами специально, чтобы показать, что они не претендуют на точность; более того, речь идет о весьма широком интервале оценок, свидетельствующих о потенциальной многовариантности искомой величины. Но даже в тех случаях, когда мы воспроизводим данные о подушевом ВВП России в 2003 г. или соответствующие показатели по США за 1913 и 2003 гг. с «точностью» до 1 доллара, это всего лишь условность, ибо в дальнейшем эти данные почти наверняка будут

неоднократно уточняться. В нашу задачу входит лишь получение результатов, характеризующих примерный порядок итоговых цифр.

Если теперь попытаться оценить меру «предпочтительности» каждого из вариантов, то, на наш взгляд, первый из них, т.е. вариант **А**, более или менее существенно завышает реальный уровень экономического развития России накануне Первой мировой войны. Гораздо ближе к действительности вторая и третья оценки. Причем совершенно очевидно, что только в том случае, если мы будем рассматривать как наиболее близкий к реальности вариант **Б**, можно сделать вывод о том, что и в 1913, и в 2003 (и особенно в 2004 г.) соотношение подушевых показателей ВВП России и США было примерно одинаковым или изменилось не слишком значительно. Средний вариант **В** позволяет сделать аналогичный вывод, относящийся скорее к 1913 и 2004 г. Однако во всех случаях это соотношение в период глубокого и продолжительного экономического кризиса переходного типа в России 90-х годов было гораздо менее благоприятным и не превышало, по-видимому, 18–20%.

Сравнение масштабов и темпов экономического роста России и США при всей его значимости не исчерпывает, конечно, решения проблемы о сравнительной динамике экономического роста в России и других странах Запада и Востока. Чтобы рельефнее показать, как развивались эти страны в 1913–2003 гг., были использованы оценки подушевого ВВП различных государств в 1913 г. и 2001 г., содержащиеся в работе А.Мэддисона 2003 года, а показатели на 2003 г. рассчитаны нами в тех же ценах 1990 г. по материалам о темпах изменения их подушевого ВВП в 2002 и 2003 гг., содержащимся в ежегодниках Всемирного Банка¹⁸.

Как видно из таблицы 5, страны и регионы мира на протяжении XX века развивались далеко не одинаково. Разрыв между группой экономически развитых государств Европы, Северной Америки и Океании, с одной стороны, и большинством государств Азии, Африки и Латинской Америки, с другой, – существенно увеличился. В особенно тяжелом положении оказались страны Африканского континента: если США, Западная и Южная Европа смогли увеличить свой подушевой ВВП в 5–6 раз, то соответствующий показатель по Африке не превышал 2,3–2,4 раза, а по Латинской Америке – 3,8 раза.

¹⁸ *World Development Indicators 2004. P.14–16, World Development Report 2005. P.256–257.*

Таблица 5¹⁹

Рост подушевых показателей ВВП в различных регионах и странах в 1913–2003 гг. (в размах)

Страны Африки, Западной и Южной Европы, а также Японии	
Африка в целом (1 516 : 637) = 2,38	Великобритания (20 858 : 4 921) = 4,24
Алжир (3 033 : 1 163) = 2,6	Германия (18 658 : 3 648) = 5,1
ЮАР (4 248 : 1 602) = 2,65	Франция (21 176 : 3 485) = 6,1
Египет (3 067 : 902) = 3,4	Италия (191 936 : 2 564) = 7,48
Марокко (2 934 : 710) = 4,13	Швейцария (21 842 : 4 266) = 5,1
Тунис (4 947 : 883) = 5,6	Швеция (21 849 : 3 096) = 7,1
Испания (16276 : 2 056) = 7,9	Португалия (14 129 : 1 250) = 11,3
	Япония (21 284 : 1 387) = 15,3
Страны Латинской Америки	
Латинская Америка в целом (5 683 : 1481) = 3,8	Аргентина (7 397 : 3 797) ≈ 2
Чили (10 293:2 653) = 3,9	Мексика (7 046 : 1 732) = 4,1
Бразилия (5 508 : 811) = 6,8	Венесуэла (3 642 : 1 104) = 3,3
Океания	
Н.Зеландия (16 718 : 5 152) = 3,24	Австралия (22 455 : 5 157) = 4,35
Азия	
Филиппины (2 529 : 1 053) = 2,4	Шри Ланка (3 815 : 1 234) = 3,1
Индонезия (3 424 : 904) = 3,8	Таиланд (7 392 : 841) = 8,8
Малайзия (8 156 : 900) = 9,0	Южная Корея (11 588 : 820) = 14,13
Индия (2 145 : 673) = 3,2	Китай (4 167 : 552) = 7,5

Впрочем, и в самой группе развитых стран Запада наблюдалась очевидная неравномерность в масштабах и темпах экономического роста. Если взять группу крупных стран Западной Европы, то окажется, что наименьшие темпы были характерны для Великобритании, где с 1913 по 2003 г. подушевой доход возрос лишь в 4,2–4,3 раза, тогда как для Франции – в 6,1, а в Италии – даже 7,5 раз. Что касается Германии, то здесь увеличение подушевого ВВП «только» в 5,1 раза (по данным А.Мэддисона) объяснялось необходимостью интеграции Западной и

¹⁹ Составлено и подсчитано по: Maddison-2003. P.262; World Development Indicators 2004. P.14–16; World Development Report 2005. P.257–258.

Восточной Германии в 90-х годах, после их объединения, и связанными с этим огромными расходами, предназначенными для «подтягивания» бывшей ГДР до уровня ФРГ. Что касается малых стран Западной Европы, то в целом масштабы и темпы экономического роста у них колебались примерно в тех же пределах (например, 5,1 раза в Швейцарии и 7,1 раза в Швеции).

Благодаря политике экономической интеграции, проводившейся в Западной Европе, страны Южной Европы, еще в 50-х и 60-х годах прошлого столетия значительно отстававшие от своих северных соседей, смогли повысить темпы экономического роста и сократить свое исторически сложившееся отставание. В связи с этим особенно характерен пример Испании и Португалии, где подушевой ВВП за 90 лет увеличился соответственно в 7,9 и 11,3 раза.

«История с Португалией» представляет, пожалуй, наибольший интерес уже хотя бы потому, что некоторое время назад перед Россией ставилась очередная задача: лет за 10 «догнать», а потом, очевидно, и «перегнать» Португалию. У многих в России, да и за ее пределами, возник недоуменный вопрос: почему именно Португалию? Между тем ответ на него достаточно прост: Португалия входит в число стран, «закрывающих» группу развитых в экономическом отношении государств с высокими подушевыми показателями ВВП. Точнее, она находится на ее нижней границе. «Догнав и перегнав» Португалию, Россия тем самым может войти в «клуб развитых стран». Но далеко не все представляют себе, как в прошлом изменялось соотношение подушевых ВВП в Португалии и России; кто был тогда «более развит»? Ниже приводятся данные, охватывающие период с 1913 по 2003 г.

Таблица 6²⁰

**Подушевые показатели ВВП Португалии и России
в 1913–2003 гг. (в долл. 1990 г)**

	1913	1950	1970	1972	1973	1990	2003
Португалия	1250	2 086	5 473	6 355	7 063	10 826	14 129
Россия	а) 1 300 б) 1 600	2 963	5 990	6 049	6 500	7 762	6 937

Примечание. а) наименьшая оценка; б) наибольшая оценка.

²⁰ Составлено и подсчитано по: Maddison-2203; World Development Indicators 2004; World Development Report 2005. P.276, 277.

Хотя в 1913 г. подушевой ВВП России, по разным оценкам, составлял от 1 300 до 1 600 долл., это не меняет общего вывода: накануне Первой мировой войны подушевой ВВП России был либо выше, либо почти равен португальскому, лишь незначительно превосходя его. Интересно и то, что в 1950–1970 гг. подушевой ВВП России (в 1970 г. даже подушевой ВВП СССР, достигавший 5 575 долл.) неизменно оставался выше, чем в Португалии. Лишь во время начавшегося в СССР периода застоя экономический рост в Португалии резко ускоряется, а в СССР и РСФСР, напротив, темпы роста начинают снижаться.

В последние два десятилетия существования СССР разрыв между подушевыми показателями России и Португалии неуклонно увеличивается – теперь уже в пользу Португалии. Эта тенденция усилилась в годы экономического кризиса в России и не была преодолена вплоть до начала 2000-х годов. В итоге к 2003 г. разрыв между подушевым ВВП Португалии и России достиг двукратных размеров.

Думается, что с этим связана и задача удвоения за 10 лет ВВП России. Правда, на протяжении этих будущих 10 лет Португалия вряд ли будет топтаться на месте. Если учесть, что с 1980 по 2002 г. ее ВВП ежегодно увеличивался в среднем на 3%, то и в дальнейшем он будет возрастать примерно тем же темпом. Это значит, что через 10 лет ВВП Португалии увеличится не менее, чем на треть... Таким образом, даже при решении задачи удвоения российского ВВП за 10 лет догнать Португалию окажется возможным лишь за 15 лет. Все это показывает, что временные рамки для возможного вступления России в группу экономически развитых стран, даже в самом благоприятном случае, т.е. при среднегодовом росте ВВП в 7,2–7,3% (необходимых для удвоения ВВП за 10 лет), неизбежно включают 15 и более лет.

Закончив сюжет о Португалии и России, вновь вернемся к анализу материалов об экономическом росте макрорегиона Западной и Южной Европы. Обобщая с этой целью данные по всем странам Западной и Южной Европы, получим следующий результат. С 1913 по 2001 гг. их усредненный подушевой доход увеличился с 3 458 до 19 256 долл., т.е. в 5,6 раза, а к 2004 г., по нашей оценке, даже в 5,7 раза. Таким образом, масштабы экономического роста в Западной и Южной Европе оказались несколько выше, чем в США, а разрыв в уровнях относительного экономического развития между Россией и всей группой этих стран к

началу XXI в. значительно увеличился по сравнению с началом века двадцатого.

Наименее благоприятные результаты экономического роста обнаружили у развитых стран Океании: в Австралии подушевой ВВП увеличился в 4,35, а в Новой Зеландии – лишь в 3,24 раза. Обнаружилась любопытная закономерность. Великобритания, Новая Зеландия и Австралия, которые в 1913 г. имели весьма высокие индикаторы душевого ВВП и почти не отличались в этом отношении от США²¹, за последующие 90 лет показали самые низкие среди стран Запада темпы экономического роста. И, напротив, находившиеся в 1913 г. на гораздо более низких ступенях развития страны Южной Европы (Португалия – 1 250 долл., Испания – 2 056 долл., Италия – 2 564 долл.) обнаружили самые высокие темпы экономического роста и благодаря этому существенно сблизились по уровню экономического развития с другими странами Западной Европы, а также Океании. В самом деле, если в 1913 г. душевой доход Португалии был в 4 с лишним раза меньше аналогичного показателя по Австралии и Новой Зеландии, то теперь «разрыв» между ними составлял лишь 20–40%.

Если теперь сравнить масштабы экономического роста в России и странах Запада, то такое сопоставление не дает «однозначного» результата. Принимая во внимание показатели вариантов **Б** и **В** при оценке душевого ВВП России в 1913 г., мы придем к выводу о том, что к 2003–2004 гг. он увеличился примерно в 4,8–5,3 раза. В таком случае, несмотря на экономический кризис 90-х гг., Россия увеличила свой душевой ВВП больше, чем Великобритания, Австралия и Новая Зеландия и, возможно, не слишком отличалась по этому показателю от Германии (по расчетам А.Мэддисона для Германии). Но именно ввиду кризиса 90-х гг. она, по-видимому, отставала по этому показателю от США, хотя масштабы различий в средних темпах экономического роста, охватывающих весь 90-летний период, были совсем не велики.

Однако если исходить из максимальной величины оценки душевого ВВП России в 1913 г. (1 600 долл.), то окажется, что по масштабам увеличения душевого ВВП Россия практически не отличалась от Англии или Австралии. Ранее мы уже отмечали, что эта наиболее высокая оценка представляется явно преувеличенной и

²¹ В США – 5 301, в Австралии – 5 157, в Новой Зеландии – 5 152 и в Великобритании – 4 921 долл.

существенно завышает, на наш взгляд, реальный уровень экономического развития России в 1913 г. Тем не менее представляется целесообразным позволить читателям, и особенно специалистам в области экономической истории, ознакомиться с различными вариантами соответствующих расчетов. Думается, что назрела необходимость точнее оценить величину основных макроэкономических показателей по России в первое десятилетие XX в. Только после этого станет возможным получить если не «окончательные», то, во всяком случае, более фундированные выводы об итогах экономического роста страны в XX веке и изменении ее положения на геоэкономической карте мира, и особенно – по отношению к развитым странам Запада.

Однако сравнение с государствами Западной и Южной Европы, Северной Америки и развитыми странами Океании не дает еще полного представления о сравнительных масштабах экономического роста других государств, расположенных в Азии, Африке и Латинской Америке. Одних лишь усредненных показателей по континентам здесь явно недостаточно, ибо повсюду наблюдалась отчетливая неравномерность масштабов и темпов экономического роста отдельных стран.

Наименьшие усредненные показатели масштабов экономического роста оказались характерны для стран Африканского континента. Именно поэтому в настоящее время проблемы бедности, голода и нищеты в Африке находятся в фокусе внимания политических деятелей и экономистов развитых стран Запада. К сожалению, по большинству стран Африки отсутствуют достоверные данные об уровне их экономического развития, измеряемом подушевым ВВП, относящиеся к началу XX в. Более или менее обоснованные оценки величины соответствующих индикаторов обычно относятся к началу 1950-х гг. Вот почему целесообразно изучить экономическую динамику в тех африканских странах, в которых подобная информация присутствует и охватывает весь XX век. К числу этих стран относятся Алжир, Египет, Марокко и Тунис, а также ЮАР. При этом выясняется, что в странах со сравнительно многочисленным европейским населением, где уровень экономического развития в начале XX столетия был несколько более высоким (Алжир – 1 163, ЮАР – 1 602 долл.), масштабы экономического роста за весь период с 1913 по 2003 г. не превышали 2,6–2,7 раз. Следовательно, они оказались ниже, чем в Египте, Марокко и Тунисе, где в 1913 г. подушевой ВВП колебался в пределах 700–900

долл. Однако и в Египте, где этот показатель увеличился в 3,4 раза, и в Марокко, где он возрос в 4,1 раза, величина этих индикаторов была значительно ниже, чем в США, Западной и Южной Европе. Поэтому разрыв в уровнях развития Алжира, ЮАР, Египта и Марокко и стран Запада к концу XX столетия оказался значительно большим, чем в его начале. Что же касается подавляющего большинства стран Западной, Центральной и Восточной Африки, то, несмотря на отсутствие необходимых индикаторов уровней экономического развития в начале XX в., ряд прямых и косвенных данных свидетельствует о том, что у этих стран темпы и масштабы экономического роста были гораздо ниже, чем у стран Северной Африки. Более того, даже на протяжении последних 30–40 лет в некоторых государствах Африки наблюдалась стагнация, а порою и прямое снижение подушевого ВВП²².

Если теперь перейти к странам Латинской Америки, то целесообразно учитывать в первую очередь динамику развития таких ее крупнейших стран, как Бразилия, Мексика, а также Аргентина и Чили. Чили выбрана в данном случае потому, что многие процессы в ней нередко ставятся нам в пример некоторыми российскими реформаторами. Соответствующие расчеты показывают, что в 1913–2003 гг. подушевой ВВП Аргентины увеличился лишь в 2, в Чили – в 3,9, в Мексике – в 4, но в Бразилии – в 6,8 раза.

А ведь Аргентина и Чили в 1913 г. находились на сравнительно высоком уровне экономического развития: подушевой ВВП Аргентины был выше, чем во Франции или Германии, и к тому же в 1,5 раза превышал аналогичный показатель по Италии; в Чили подушевой ВВП также превосходил аналогичный показатель по Италии. Что касается Мексики, то здесь, по-видимому, сказались, во-первых, экономические последствия революции, гражданской войны и других пертурбаций 1910-х – 1930-х годов, которые повлекли за собой тяжелые человеческие и экономические потери. Однако это не может объяснить не слишком благоприятные итоги экономического роста страны во второй половине прошедшего столетия. В Чили, если исключить кратковременный период нахождения у власти президента С.Альенде в 1970–1973 гг., ничего подобного революционным потрясениям в Мексике не наблюдалось. К тому же после свержения Альенде прошло

²² См. об этом, например: Фридман Л.А. *Глобализация: развитие и развивающиеся страны*. М.: Российская экономическая школа, 2000. С.21.

уже более 30 лет. Следовательно, более чем умеренные итоги экономического развития Чили на протяжении XX века заставляют, на наш взгляд, по-новому, более «беспристрастно», посмотреть на конечные результаты либеральных реформ, проводимых в этой стране в последние десятилетия.

Демографический и экономический гигант Латинской Америки – Бразилия, которую порой не без основания сравнивают с Россией и по масштабам территории, и по численности населения, и по крайней неравномерности развития отдельных регионов, и по многим другим характеристикам, добилась в XX веке очень высоких темпов экономического роста. Правда, не исключено, что оценка ее подушевого дохода в 1913 г. несколько занижена, и в таком случае окончательный результат оказался бы равен не 6,8, а 6–6,5 раз. Но это не меняет общий вывод о высоких, по любым критериям, темпах экономического роста огромной страны на протяжении почти столетия. И если в 1913–1990-х годах масштабы экономических результатов Бразилии и России были в целом более или менее сопоставимы, то в дальнейшем Бразилия продолжила свой экономический рост, а Россия оказалась в 90-х годах отброшена назад и лишь теперь частично восстановила прежние позиции. В итоге, если в 1913 г. подушевой доход России был больше бразильского в 1,5–2 раза, то в 2003 г. и по данным текущей статистической службы Всемирного Банка, и по расчетам, базирующимся на материалах А.Мэд-дисона, подушевой доход России превосходил аналогичный показатель по Бразилии лишь на 20% (в 2003 г. в долл. того же года соответствующие абсолютные показатели достигли 8 920 и 7 480 долл.).

Гораздо больший разброс траекторий экономического роста просматривается в странах Азии. Здесь четко выделяются три группы государств и территорий. Одна из них включает, прежде всего, Японию, Южную Корею и Тайвань, которые в исследуемый период совершили почти невозможное: Япония увеличила свой подушевой доход в 15, а Южная Корея и Тайвань – в 19–20 раз. При этом Япония, которая еще в 1913 г. по уровню своего подушевого дохода (1 388 долл.) либо лишь незначительно отставала от России (вариант В – 1 450 долл.), либо столь же незначительно превосходила ее (вариант Б – 1 300 долл.), в результате ускоренного экономического роста в 50-е – 80-е годы прочно вошла в «клуб богатых стран». Конечно, депрессия, низкие темпы роста

в 1990-х и начале 2000-х годов показали, что пока ее соперничество с США не представляется реальным.

Однако именно пример Японии с ее достаточно многочисленным населением, при отсутствии богатых месторождений полезных ископаемых, в том числе нефти и природного газа, свидетельствует о том, что и крупные страны могут на протяжении 80–100 лет (а в XX в. – и полувеков: ведь к 1950 г. Япония в результате поражения в войне была отброшена назад в своем развитии) благодаря высоким темпам экономического роста перейти из группы «развивающихся» (по современной терминологии) в категорию стран с высокими доходами.

Еще более внушительными оказались достижения Южной Кореи и Тайваня. Они в начале 2000-х гг., несмотря на потери, понесенные во время финансово-экономического кризиса конца 90-х и определенные трудности на Тайване в последние годы, также включены экспертами международных организаций в группу стран с высокими доходами, хотя и занимают там более низкое место, чем Япония.

Вторая группа стран Азии включает Малайзию, Таиланд, а также Китай. В этих странах за период с 1913 по 2003 г. подушевой доход увеличился в 7–9 раз. Причем все эти достижения, оказавшиеся возможными вследствие высоких темпов экономического роста, относятся в основном к последней трети XX и началу нынешнего столетия. Еще в 1913 г. не только Китай, но также Малайзия и Таиланд (900 и 841 долл.) по уровню душевого дохода более чем в 1,5 раза отставали от России (вариант **Б** и **В**), но к 2003 году Малайзия имела практически тот же уровень душевого ВВП, что и Россия, а Таиланд значительно сократил свое отставание от нее.

Конечно, и Малайзия, и Таиланд не такие крупные страны, как Россия, и прямое сравнение с ними носит в известном смысле условный характер. Поэтому именно сопоставление с Китаем, т.е. своеобразной «страной-континентом», которая по численности населения превосходит Россию в 8,5 раз, более показательна. Если учесть к тому же, что Китай не столь богат ресурсами полезных ископаемых, как Россия, то приходится признать, что достигнутые им необычайно высокие темпы экономического роста за последние 25 лет являют собой невиданный в прошлом результат.

В истории еще не было случая, чтобы огромная страна на протяжении столь длительного времени добивалась среднего ежегодного прироста ВВП в 7–10%. Конечно, официальные показатели,

регулярно публиковавшиеся в Китае в этот период, несколько завышали реальную экономическую динамику. Не случайно А.Мэддисон, который в прошлом совершил ошибку, оценивая уровень подушевого ВВП Китая в 1990-м году, счел возможным снизить официальный показатель среднегодового темпа увеличения ВВП в 1995–1998 гг. с 8,7% до 6,6%, или на 24%²³. Но и после корректировки официальных данных столь высокие темпы экономического роста гигантской страны с наиболее многочисленным в мире населением представляются более чем внушительными по любым стандартам. Не менее важно то, что все эти достижения относятся по существу к последним 25 годам.

Но совершенно иная картина вырисовывается при попытке анализа экономической динамики в Китае за длительный период, охватывающий весь XX и даже XIX век. В первой половине XX столетия страшные последствия гражданских войн, революций, а также японской оккупации привели к тому, что к концу 40-х гг. подушевой доход Китая (около 440 долл.) оказался существенно ниже, чем не только в 1913 (552 долл.) или в 1870 (530 долл.), но даже в 1820 или 1700 гг. (600 долл.)²⁴. Можно заранее согласиться с аргументами тех специалистов по экономической истории и межстрановым сопоставлениям, которые укажут, что все эти оценки А.Мэддисона (как, впрочем, и ряда других исследователей экономической истории Китая) базируются в основном на ретрополяции данных, относящихся к более позднему времени. Но для нас здесь важна не мнимая точность приведенных цифр, а характеристика общей тенденции, согласно которой подушевой доход Китая к середине XX в. был не выше, а, возможно, и на треть ниже, чем за 150 или даже 250 лет до этого.

Но и на протяжении первых 20–25 лет существования КНР, ознаменовавшихся «большим скачком», «великой пролетарской культурной революцией» и другими печально известными стратегическими инициативами председателя Мао, в какой-то мере напоминавшими некоторые черты политики коллективизации и индустриализации СССР 30-х гг., подушевой ВВП в Китае хотя и увеличился (около 840 долл. в 1973 г.), все еще был лишь на 30–40% выше той цифры, которая соответствовала уровню подушевого ВВП Китая в 1700–1800 гг. Таким образом, все действительно выдающиеся достижения в обеспечении ускоренного экономического роста,

²³ Maddison-2001. P.202.

²⁴ См.: Maddison-2003. P.262.

благодаря которым подушевой доход страны возрос примерно в 4,8 раза, свершились в последние 30 лет.

Итак, на протяжении первой половины XX столетия подушевой ВВП Китая снижался, а в последние 30 лет, напротив, увеличивался ускоренным темпом. Если теперь попытаться выяснить, как изменялось соотношение уровня развития Китая и США на протяжении всего XX столетия, то окажется, что в 1913 г. подушевой ВВП Китая составлял около 10–10,5% от американского, а в 2001 г., по оценке Мэддисона, 12,8%. Однако если воспользоваться не данными в ценах 1990 г., а сопоставить уровни душевого ВВП Китая и США в текущих ценах, то окажется, что в том же 2001 г. подушевой ВВП Китая (3 950 долл.) составлял не более 11,5% от аналогичного показателя по США (34 280 долл.).²⁵ К тому же надо учесть, что в 1900–1913 гг., ввиду высоких темпов экономического роста США и крайне низких показателей по Китаю, соотношение их душевых ВВП изменялось не в пользу Китая, так что в 1900 году оно, возможно, достигало не 10,5, а 11–12 или даже 13–15%. Напомним, что в уже упоминавшемся «Обзоре мировой экономики МВФ за май 2000 г.» подушевой ВВП Китая в 1900 г. был оценен в 14% от английского и 15–16% от американского (в 1900 г., по данным составителей «Обзора...», Англия все еще занимала первое место на шкале экономического развития).

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что в начале XXI в. соотношение уровней экономического развития Китая и США практически не изменилось по сравнению с началом века XX-го. Правда, к 2003–2004 гг., ввиду продолжающегося ускоренного экономического роста в КНР, величина этого индикатора, по данным экспертов Всемирного Банка, достигла, возможно, 13–14%. Это, вероятно, не слишком отличается или даже вообще не отличается от величины аналогичных индикаторов в начале XX в. Данный вывод может показаться неожиданным для тех, кто следит за реальными экономическими успехами КНР в последние десятилетия. Быть может, он окажется вдвойне неожиданным и для тех исследователей, которые наблюдали за длительным экономическим кризисом и спадом производства в России в 90-х годах и начавшимся восстановительным экономическим ростом, продолжающимся последние 7 лет. Напомним, что, несмотря на все эти пертурбации, соотношение уровней экономического развития России и США с 1913 по 2003–2004 гг. также

²⁵ См.: *World Development Indicators 2003*. P.14, 16.

практически не изменилось или изменилось не слишком значительно (в зависимости от того, какой из вариантов оценки подушевого ВВП России в 1913 г. считать более точным).

Третья группа стран Азии включает те государства, в которых масштабы экономического роста в 1913–2003 гг. оказались гораздо менее значимыми, чем в странах первой и второй групп. Так, на Филиппинах и в Шри Ланке за этот период подушевой ВВП увеличился соответственно в 2,4 и 3,1 раза, и даже в Индонезии – в 3,8 раза. В результате относительный разрыв в уровнях экономического развития этих стран Азии, с одной стороны, США и государств Западной и Южной Европы, с другой, – к концу XX века стал гораздо большим, чем в его начале.

Особое место среди азиатских стран третьей группы занимает другой демографический и экономический гигант континента – Индия с ее многочисленным населением, превышающим ныне 1 млрд. человек. По оценкам А.Мэддисона в постоянных ценах 1990 г., за период с 1913 по 2003 г. подушевой ВВП Индии увеличился в 3,2 раза, т.е. меньше, чем в Индонезии, и почти в тех же масштабах, что и в Шри Ланке. Однако если принять во внимание материалы текущей статистики, публикуемые в ежегодниках Всемирного Банка, то этот показатель увеличится до 3,5 раз.

Соответственно, если, по данным А.Мэддисона, подушевой ВВП Индии в 2003 г. составлял примерно 7, то, по материалам ежегодника Всемирного Банка, – 7,7% от уровня США. В итоге, если в 1913 г. подушевой доход Индии достигал 12–13% от аналогичного показателя в США, то к 2003–2004 гг. эта цифра снизилась до 8%. Итак, хотя Индия не переживала столь сильных экономических и политических потрясений, как Китай, за последние 90 лет ее положение относительно Китая значительно ухудшилось. Еще в 1913 г. подушевой доход Индии был на 22% выше, чем в Китае, тогда как в 2003 г., по данным экспертов Всемирного Банка, он не превышал 57–58% аналогичного китайского показателя.

(Окончание следует)

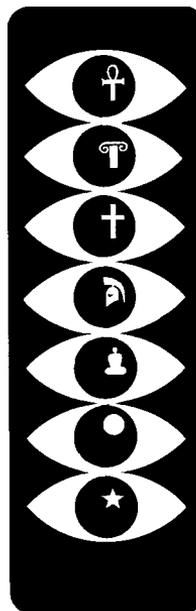
Постепенно и довольно быстро ... угасает самый интерес к Византии. Решающим было скорее всего именно националистическое самоутверждение. А в то же время развиваются и укрепляются связи с Западом. Для многих ... Запад представляется уже более реальным, чем разоренная и завоеванная Византия. Такое самочувствие довольно понятно и естественно у «реальных политиков», у людей политического действия ...

Грозный оборачивался не только на старину. Его привлекали люди Западной веры, хотя бы он и обрушивался на них с неистовым обличением и прещениями... И не случайно ведь именно при Грозном начинается этот массовый наплыв западноевропейцев в Московскую землю.

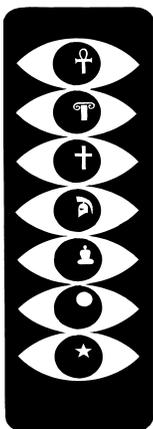
Георгий Флоровский

Но как же война может не создать зла, если при ней уже непременно льется кровь, десятки тысяч людей теряют жизнь, и сотни тысяч выходят временными или вечными калеками? ... Само собой, эта сторона войны очень печальна и составляет не зло, а несчастье. Но ведь созидание войны не в этом. Если бы дело войны было только в истреблении друг друга, то кто же бы воевал? Зачем? Но цель войны не убийство, а защита какой-либо идеи, какого-либо интереса, и наше отношение к войне определяется тем, насколько велик интерес, ее вызывающий, и насколько он ею достигнут.

Лев Тихомиров

Александр Филошкин

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ: ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО¹

The author deals with the Polish interregnum period (1572–1576) and describes programs offered by the principal pretenders to the royal throne: Maximilian, the Emperor of the Holy Roman Empire, his son Ernest, Johan III, the King of Sweden, Ivan the Terrible, the czar of Russia, Henry d'Anjou, the French prince, Stephan Bathory etc. In May of 1573 the Rzecz Pospolita elected Henry Valois to the throne because Poland wanted to arrange an alliance with France. However Henry's escape 16 weeks after the coronation divided Polish and Lithuanian societies into several factions. One of them provided support for Maximilian Habsburg, the other one did the same for Ivan the Terrible and the third faction rallied around Stephan Bathory. The author makes conclusion on principal contradictions between the Russian and the European political cultures: the notions of a king's prerogatives and powers were absolutely different. It is noted that parties could not find a common language. Every party insisted on its own program. Under such circumstances Stephan Bathory, «the upstart from Transylvania» proved to be in the most favorably situation and won at elections of 1576. Unlike other pretenders Stephan did not confine himself to the royal etiquette but acted in a more decisive way. Having lost the election Ivan the Terrible missed a chance to win the Livonian War by diplomatic means and afterwards lost it altogether.

¹ Работа выполнена по проекту AZ 08/SR/04 «Der historische Diskurs um den Livlandkrieg (1558–1583)», поддержанному Gerda Henkel Stiftung.

Выход Московской Руси на международную арену в конце XV–XVI вв. был ознаменован не только ее участием в европейских войнах и вступлением в международные коалиции, но и участием русских государей в выборах на престолы иностранных держав. Впервые слух о возможности выдвижения москвитина на трон европейской страны, Священной Римской империи, возник при Василии III. А его сын, Иван IV, дважды, в 1572–1573 и 1574–1575 гг. принимал совершенно реальное участие в избирательной кампании на престол Речи Посполитой².

Пикантность ситуации состояла в том, что Россия одновременно вела с этим государством многолетнюю кровопролитную Ливонскую войну (1558–1583). И поэтому ставка в борьбе за польскую корону была необычайно высока: в случае победы на выборах Иван IV мог блистательно завершить войну и создать на востоке Европы огромное государство практически в границах европейской части Российской империи XIX в. Несомненно, что судьба народов континента в этом случае могла бы сложиться иначе.

Помимо политического противостояния, элекционная кампания была первым случаем непосредственной идеологической схватки Московского царства и Запада. В этом плане первые в русской истории выборы верховного правителя, пусть и соседней державы, были необычайно важной вехой. В 1598 г. избрание Бориса Годунова, а в 1613 г. – Михаила Романова явно опирались на политический опыт, обретенный Россией во время польских бескоролевий 1570-х годов.

² См. обзоры источников и библиографии в работах: Флоря Б.Н. *Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978; Pilinski T. Bezkrólewie po Zygmuncie Auguscie i elekcja Króla Henryka. Kraków, 1872; Zakrzewski W. Po ucieczce Henryka. Drieje beskrólewia. 1574–1575. Kraków, 1878; Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków, 1906; Lepsy K. Bibliographie Polonaise d'etienne Batory. Cracovie, 1935; Barylów L. Starania Stefana Batorego o korone Polska. Wrocław, 1947; Macůrek J. Čechve o Poláci v druhé polovině XVI století. Praha, 1948; Grushewski St. Walka o władzę w Rzeczypospolity po wygaśnięciu dynastii Jagiellonów. 1572–1573. Warszawa, 1969; Serwański M. Henryk III Walezy w Polsce: Stosunki polsko-francuskie w latach 1566–1576. Kraków, 1976; Olejnik K. Stefan Batory: 1533–1586. Warszawa, 1988; Pirožniński J. Die Verfassungsänderungen in Polen der beiden ersten Interregna nach Sigismund Augusts Tod und ihr Echo im Reich. Basel, 1991 etc.*

Возможность наступления бескоролья в случае смерти бездетного Сигизмунда II Августа рассматривалась в Польше с середины 1560-х годов. Уже в 1566 г. посольству Ф.И.Умного-Колычева была дана специальная инструкция, что делать, если на переговорах будет поднят вопрос о возможности участия царевича Ивана или самого Ивана Грозного в выборах короля после смерти бездетного Сигизмунда³. Появление в наказе этого пункта было вызвано полученной в Москве информацией о слухах, которые ходят в Литве, будто бы православные паны хотят сменить короля-католика на государя, близкого им по вере. В наказе гонцу Ф.Мясоедову говорилось: «Проведати ему того, которым обычаем то слово в Литве и в Полше в людех носитца, что хотят взять на Великое княжество Литовское и на Полшу царевича Ивана, и почему то слово в люди пушено, оманкою ли, или в правду того хотят, и почему то слово делом не объявится, а в людех носится»⁴.

Сигизмунд II Август,
последний польский король из династии
Ягеллонов

Намерения литовских панов были официально озвучены только 10 июня 1570 г. на переговорах в Москве посольства Я.Скратошина, перед лицом самого Ивана IV. Посол заявил, что и польская, и литовская рада на совещании с королем «...о том себе радили посполь, что у государя нашего детей нет: и доколе государю нашему Бог живота продлит, и мы во всем смотрим на государя нашего, а нечто Пан Бог милостиваго государя нашего от сего света поберет, и рады обе посполь о том не мыслят, что им государя себе взять от бесерменских или от инших земель государя, а желают, чтоб им государя себе избрати

³ *Наказ посольству в Литву Ф.И.Умного-Колычева от ноября 1566 – февраля 1567 гг. // Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. III (1560–1571 гг.) / Под ред. Г.Ф.Карпова // Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892 (далее – Сб. РИО. Т. 71). С. 464.*

⁴ *Наказ гонцу в Литву Ф.Мясоедову, февраль 1569 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 593.*

от словенского роду по воле, а не в неволю, и прихияютца тебе великому государю и твоему потомству. И ты б, великий государю, опатрил по тому писму нашему, что есмя дали список рубежом Полотцкому повету и иным змком рубежи, велел своим бояром по тому перемирное постановление делати, чтоб меж вас великих государей могло стати доброе постановление на избаву крестьянскую от рук бесерменских»⁵.

Последние слова избобличали неискренний характер делаемого предложения. Обещание короны Речи Посполитой оказывалось лишь приманкой, польстившись на которую московский царь должен был пойти навстречу Сигизмунду по условиям заключения долгожданного перемирия. Поэтому речи послов вызвали у Ивана IV недоверчивую реакцию: «А у нас Божиим милосердием и прародителей наших молитвами наше государство и без того полно, и нам вашего чего хотети? А коли уж ваше хотение к прихилности, и вам пригоже нас не раздражати, а делати так, на чем есмя велел с вами бояром своим говорити, чтоб крестьянство в покою было»⁶. Таким образом, и бояре, и царь отнеслись к предложению польского престола лишь как к риторическому приему на переговорах.

Заметим, что вопрос о призвании московского государя на литовский престол был первоначально, в 1570 г., поставлен не русской стороной, а литовскими аристократами. Несмотря на всего лишь дипломатический подтекст такого предложения, сам факт его озвучивания говорит о том, что такая возможность рассматривалась в принципе. Весной 1571 г. посол в Литву Г.Мещерский передавал новые слухи: король «хвор и бездетен», «говорит обоим радам, чтоб себе государя избрали, откуда хотят... И рада литовская и полская мыслили добре, чтоб им быти за государем царем и великим князем, или б бити челом царю и великому князю, просити на королевство Полское и на Великое княжество Литовское царевича... А про государя царя и великого князя говорят, что государь воинской и сильной, может от турецкого салтана и ото всех земель оборонь держати, и прибавление государствам своим чинити»⁷.

⁵ Радить – советовать; посполь – запросто; прихиять – приклонять; опатрить – надевать; змк – замок.

⁶ Материалы переговоров в Москве с посольством Я.Скратошина в июне 1570 г. // РИО. Т.71. С.676–677.

⁷ Отчет посла в Литву Г.Мещерского, весна 1571 г. // Сб. РИО. Т.71. С.802.

В Варшаве весной 1571 г. даже началась мода на русскую одежду: «А сказывают: платья однорядки и кафтаны, и шубы, и шапки лисьи черные, и сапоги, и седла, и садаки радные паны причиняют делати и многие любят носить ныне с московского обычая, а в королевнину казну збирают бархаты и камки и сукна всякие цветные, черлены, светло-зелены, белы, цененны, на платье с московского же обычья. А хочет, сказывают, королевна добре, чтобы ей быти за государем царем и великим князем». Царь импонировал и литовцам, и полякам тем, что «умом крепок и всеми силен, людми, и казною, и вотчиною»⁸.

Но в Москве на эти слухи по-прежнему реагировали сдержанно и недоверчиво. Слишком уж необычной была ситуация. Рюриковичи имели опыт покорения чужих земель силой, а также добровольного принятия в подданство правителей соседних княжеств и земель. Но никогда русский царевич не садился на престол в соседнем государстве (практика, привычная для тех же Ягеллонов). Настораживал и масштаб акции: одно дело – присоединение Казани или принятие в подданство пятигорских черкас. А здесь под гипотетической властью Рюриковича, севшего на престол Речи Посполитой, оказывалось бы огромное государство, со сложным и неприемлемым для Руси политическим устройством, с качественно иным, чем в Московии, статусом сословий, этносов и конфессий. Русская политическая культура не находила аналогов ситуации в собственной истории и политической практике удельного времени.

К тому же статус польских и литовских королей вообще на Руси ценили невысоко. Русские посольские службы с презрением писали в инструкциях для дипломатов: «В Литовской земле были великие князи, а ныне государи их короли и в Литовскую землю они пришельцы, а не искони вечные были короли, а королевство им досталось в приданные для женитьбы, что королевну Едвигну понял Ягайло... И то не искони вечное королевство, а сажают на королевство короля панове по своей воле и держат его, как захотят»⁹.

Тем не менее соблазн оказался слишком велик. Осложнение политической ситуации в регионе в случае смерти бездетного Сигизмунда рассматривали в Москве как возможность выиграть Ливонскую войну

⁸ Там же. С.804.

⁹ Наказ посольству Ф.И.Умного-Колычева... С.474.

дипломатическим путем¹⁰. 7 июля 1572 г. король Речи Посполитой скончался. Царь Иван IV решил не пренебрегать подарком судьбы. Когда в сентябре 1572 г. в Москву прибыл литовский посол Ф.Воропай, Грозный объявил ему о своем желании баллотироваться на польский престол. Кроме него, выдвигалось несколько кандидатов: император Священной Римской империи Максимилиан, его сын Эрнест, шведский король Юхан III, французский принц Генрих Анжуйский.

Поляки были более склонны поддерживать французскую и в меньшей степени германскую кандидатуры. Литовские же паны склонялись к православному царю или его сыну. Однако они опасались, не придет ли в Речь Посполитую вместе с новым государем кровавая тирания по образцу недавней московской опричнины. Поэтому от царя Ивана литовцы ждали разъяснения его позиции по принципиальным вопросам: о сейме, о шляхетских вольностях, о правах собственности на имения, о религиозной свободе и т.д. Если переводить на современный политологический язык, от царя ждали предвыборную программу, хотя, конечно, в XVI столетии такого термина не знали.

Что-то вроде такой программы царь изложил на переговорах в Новгороде с литовским послом М.Гарабурдой (февраль–март 1573 г.) и в посланиях, отправленных в Литву (апрель 1573 г.). Иван IV выдвинул идею объединения в Восточной Европе Королевства Польского, Великого княжества Литовского и Московского государства в единое образование под властью одного монарха, носящего титул «Божией милостию государь и великий князь всея Руси, Киевский, Владимирский, Московский, король Польский и великий князь Литовский». Грозный уклонился от обещания перейти в католическую веру, зато особо оговорил себе право поощрять в Литве православие. Он также поставил ряд личных усло-

Иван Грозный. Гравюра 1563 г.

¹⁰ Donnert E. *Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583*. Berlin, 1963. S.57.

вий: хоронить членов династии правителей нового государства будут только в России, они имеют право выбирать жен из числа подданных, на старости лет монарх может добровольно отойти от дел и постричься в монастырь¹¹.

Царь сопроводил свою «предвыборную» речь антимусульманской риторикой: «И мы, как есть Государи христианские всегда издавна того бережем, чтобы христианство в покое было, а бусурманская бы рука не высилая, и кровь бы христианская не разливалась». Само приглашение на престол он расценил как «добрую смолву (договоренность – А.Ф.)», которая могла бы «на вечной покой крестьянству доброе дело постановити». На время переговоров Иван IV объявлял о продлении перемирия 1570 года¹². И – все... Ни о дворянских вольностях, ни о правах и обязанностях короля Иваном не было сказано ни слова. Таким образом, ответа на животрепещущие вопросы шляхта не получила.

В мае 1573 г. Речь Посполитая избрала своим королем французского принца Генриха Валуа.

Элекционная ситуация чуть не привела к гибели Речи Посполитой как единого государства, образованного в 1569 году, путем слияния Королевства Польского и Великого княжества Литовского (ВКЛ). Аристократия последнего чувствовала себя униженной, считая, что поляки все решают без них. Шляхта Великого княжества Литовского поддерживала кандидатуру Валуа, но с тем условием, чтобы он женился на последней представительнице династии Ягеллонов – Анне, даме престаре-

¹¹ *Ответ Гарабурде известен по его реляции (отчете о посольстве) в латинском переводе: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И.Тургеневым (Historia Russia Monumenta). Т.1. СПб., 1841. С.237–242. К сожалению, русской посольской книги за 1573 год не сохранилось (см.: Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994. С.131). Известный нам список послания Ивана Грозного к панам рад о посольстве Гарабурды (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф.304 (Троицкое собр.). Доп. II. №17. Л.189–193 об.; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.79. Оп.1. Реестр 2. №1. Л.4–7 об.), по сути дела, является верительной грамотой, и не содержит никаких «программных» положений. Поэтому позицию царя мы знаем только по ее пересказу литовским дипломатом, что, конечно, заставляет относиться к данному тексту с известной осторожностью.*

¹² *Послание Ивана IV к панам рад от 2 марта 1573 г. // ОР РГБ. Ф.304. Доп. II. №17. Л.189–193 об.; РГАДА. Ф.79. Оп.1. Реестр 2. №1. Л.4–7 об.*

лой по меркам того времени (ей было больше 50 лет). На выборах Генрих был провозглашен от имени Польши королем и великим маршалком коронным, от имени Литвы – только великим маршалком Литовским. Обиженные литовцы послали в Париж пана Криштофа Радзивилла, который отдельно принес королю выражения литовского подданства, а затем из Вильно прислали особый диплом, которым ВКЛ отдельно от Польши подтверждало избрание Генриха королем Речи Посполитой¹³.

На специальном сейме в Вильно литовцы предъявили свои требования к короне: 1) вернуть Литве все южные земли; 2) созывать общие сеймы по очереди в Литве и Польше; 3) расширить состав общего сената, приняв в него всех бывших членов литовской рады, которые не попали в нынешний сенат. Элекционный сейм в Варшаве отверг обсуждение этих вопросов до приезда короля, принял решение собирать подать на войну с Россией только с Литвы, а с Польши – лишь на защиту Ливонии. По словам А.Е.Преснякова, «так защита великого княжества признана собственным делом литовцев, а защита Лифляндии возложена на них с польской денежной субсидией. Тем самым признано существование в Вильно особого правительства, т.е. панов рады как носителей государственной власти в великом княжестве, хотя по унии рада одна! "Единство" Речи Посполитой осталось на бумаге»¹⁴.

Генрих Анжуйский ехал за своей короной очень долго и был встречен в Кракове только 15 февраля 1574 г. 21 февраля состоялась коронация, сопровождавшаяся торжественным поклонением французского гостя королевским гробницам в подземельях польского кремля – Вавеля¹⁵. Генрих принес присягу на условиях, серьезно ограничивающих права монарха и фактически передающих всю власть в стране в руки высшей польской аристократии. Король Генрих **имел**:

- корону, но она хранится в Кракове в ларце за печатями каштеляна Краковского, воевод Краковского, Виленского, Сандомирского, Калишского и Троцкого, которые выступают ее хранителями;
- коронную печать.

¹³ Пресняков А.Е. *Лекции по русской истории. Т.II. Вып.1. Западная Русь и Литовско-русское государство. М., 1937. С.232.*

¹⁴ Там же. С.231.

¹⁵ *Strzykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska I wszystkiej Rusi. T.2. Warszawa, 1846. S.420.*

И – все. Дальше начинались королевские обязанности. Королю Генриху **предписывалось**:

- «держат» незыблемыми все права и вольности шляхты, данные издревле от польских королей;
- после своей смерти не передавать престол наследникам, а вновь объявить выборы («вольное обирание»), чтобы «война внутренняя» не началась;
- гарантировать сохранение религиозного плюрализма («разных вер»);
- обеспечивать безопасность границ государства, причем четверть «государева наклада» шла на оборону. В случае войны король оплачивал панам участие в ней;
- Генрих был обязан оплатить все долги польской короны, для этого с собой из Франции привезти «пенязи»;
- в Ливонской войне Генрих брал обязательство одержать победу и привести поляков к славе;
- созывать сейм шляхты не реже одного раза в два года;
- гарантировать шляхте «вольный суд»;
- гарантировать право всех обывателей держать вотчины. При этом замки, данные за службу, не конфисковывались после смерти короля («по утрачению почтivosti и горла»), а оставались у владельцев навсегда;
- награждать за службу званием «рыцарский пан»;
- снабжать «науку» молодых людей в Кракове.

Королю Генриху **запрещалось**:

- принимать решения, которые могут привести к ограничению вольностей панов Речи Посполитой;
- вести внешнюю политику без ведома панов рады;
- начинать войну без разрешения панов рады и санкции сейма;
- увеличивать поборы и вводить новые налоги;
- «не оженати се кроме ведома бояр, а ни розводу неподелно не искати»;

Генрих, как французский принц, **должен был обещать** «всему посполитству»:

- вечное перемирие с Францией;
- при этом Франция обязана помогать Польше в ее конфликте с Турцией;
- в случае нужды «на всякую потребу» Франция предоставляет Польше 4000 «стрельцов» на 12 месяцев. Первая партия этих наемников отправляется на фронты Ливонской войны;

- Франция предоставляет Польше четыре раза в год 100.000 золотых каждый год правления Генриха, выделение этих денег гарантируется лично Карлом IX;
- Франция делится доходами, получаемыми с земель, оказавшихся под ее контролем (около 150.000 дукатов);
- во Французской земле организуется «склад» (база) для польских гостей, польским купцам предоставляются особые льготы;
- Балтийская торговля контролируется совместно Францией и Польшей, при этом последняя контролирует все ливонские порты вплоть до Нарвы;
- 100 детей польских аристократов получают «воспитание рыцарское» и место при королевском дворе;
- при этом приезд французов в Польшу ограничен, Генрих обещал «иноземцов много с собою не приводить» и иностранных обычаев не навязывать;
- с помощью французской дипломатии Генриху надлежало наладить мирные отношения с Крымским ханством и Швецией.

В ответ на все это паны имеют единственную обязанность: пользоваться всеми вышеназванными правами, но при этом не требовать новых прав («а иных прав ниоткуда брать не будем»)¹⁶.

Воплощенные в данных требованиях амбиции польской шляхты произвели на Генриха ошеломляющее впечатление. Очевидно, что для монарха, привыкшего к гораздо более сильной королевской власти, вышеназванные положения звучали абсурдно. Новоиспеченному польскому королю было в Речи Посполитой дико и неудобно. В отличие от поляков, расценивавших свою родину как «одну из красивейших цивилизаций в Европе», принц Валуа считал свое новое королевство жутким захолустьем. Неудивительно, что правление Генриха продолжалось всего 16 недель. После этого он тайно, ночью сбежал во Францию, получив известия о том, что французский престол стал вакантным – умер Карл IX...

Бегство Генриха вызвало в Речи Посполитой шок. Впервые в истории из страны сбежал король, не пожелав править этой «красивейшей цивилизацией». Паны были страшно оскорблены демонстративным пренебрежением французского принца к их государству. В Литве возник даже комплекс «убегающего короля», монарха-предателя. Девять лет спустя, в июле 1583 г., русские пленные в Орше сообщили московскому посланнику

¹⁶ Грамота Яна Глебовича Ивану IV от 24 июля 1574 г. // РГАДА. Ф.79. Оп.1. Реестр 2. №1 (столбцы). Л.10 об.–19.

С.Ододурову о множестве слухов, будто бы новый правитель, Стефан Баторий, тоже хочет сбегать с престола. Признаком этого якобы явилось то, что после окончания войны с Московской Стефан послал в свою родную Семиградскую землю «скарб». Подольский воевода перехватил обоз и отослал обратно к королю: «преже того у иных королев так не было, скарбу своего в иные земли не посылавали, и ты де, король, нас издражаеш». Король-предатель, дескать, «хочет утечь» с награбленным за войну имуществом, пока паны-патриоты собирают «великий съезд», чтобы решить, кого им побеждать после России – Турцию или Швецию¹⁷. Посланник Б.Воейков передавал другой слух: паны Стефану не верят, боятся, что он хочет «выдать» польскую и литовскую земли туркам, а сам – бежать в Венгрию. Будто бы король лично посылает письма султану, побуждая к нападениям на Речь Посполитую¹⁸.

Причиной «наведения Турции» на свои же владения объявлялся гнев Батория на панов, которые не захотели признавать посажение «на Ливонию» племянника Стефана с закреплением Ливонии как отдельного владения за его потомками. Литовская шляхта заявила, что и у нее много «панов великих», а кому быть на «ливонском государстве – то Бог даст» (показания купца Андрея Барышникова от 8 сентября 1583 г.). Вот за это непослушанье Баторий якобы и захотел навести Турцию на Речь Посполитую. Причем король ссылался на политическую практику Московии: «хочу владети, как Московской государь, не паны б были большие, яз бы, деи, был болшой». Перепуганные паны будто бы даже ночью у постели стерегли короля, дабы он не сбежал, и преследовали его на охоте, когда Стефан подозрительно уклонился с собачьей сворой в лес. Король же оправдывался перед ними: «Собаки, де, у меня загналися, за ними и езжу». Паны также стерегут, «чтоб то слово не пронеслося в ыные государства, покрывают, деи, свой сором», потому что, если Стефан сбежит, «после того не ведают, где себе государя взяти»; у себя не сыщут, а в других странах брать «соромятся». А в целом «болшое у них умышленье, чтобы всем владети паном, а не королю»¹⁹.

¹⁷ Грамота С.Ододурова Ивану IV, получена 14 августа 1583 г. // РГАДА. Ф.79. Оп.1. Д.14. Л.703 об.

¹⁸ Статейный список посланника в Речь Посполитую Б.Воейкова, сентябрь 1583 г. // РГАДА. Ф.79. Оп.1. Д.14. Л.728, 729 об.

¹⁹ Статейный список посланника в Речь Посполитую С.Ододурова от 27 октября 1583 г. // РГАДА. Ф.79. Оп.1. Д.14. Л.758 об., 759 об., 760.

Но вернемся к событиям лета 1574 года. После бегства Генриха поляки создали экстренный съезд в Варшаве, чтобы решить, как быть. Литовцы бойкотировали его, собрали свою «конвокацию» под Полоцком, заявили, что из-за московской опасности покинуть земли Великого княжества Литовского они не смогут, но при этом требуют, чтобы без них не принималось никаких важных решений, которые могли бы ущемить права Литвы. Они протестовали даже против отправки посольства во Францию за Генрихом без согласования наказа посольству с панями рады Великого княжества. Единственное, о чем аристократия Речи Посполитой сумела договориться: Генриху был дан срок одуматься и вернуться на престол до 12 мая 1575 г.

В Польше конвокационный сейм провозгласил Варшавскую конфедерацию²⁰. Литовцы тут же создали свою – на основе ранее специально созданного сейма под Полоцком. Они решили поддержать германскую кандидатуру, Эрнеста, с расчетом, что он вернет Литве отнятые Польшей воеводства. В этих условиях в Литве оживилась и прорусская партия. Генрих как король устраивал всех, и пань желали обрести нового монарха на тех же условиях. Грамота от 24 июля 1574 г., присланная от Яна Глебовича, является фактически манифестом литовской аристократии и ярко рисует облик идеального для шляхты короля. Она начинается обращением к Грозному: «Православный государю царю и христианства всего великий государю на листе вашей царской милости мне отписывати невозможно, бо царскому розуменню наше безумие приравнено быти не может, для того я слуга и хлебоедца вашей царской милости»²¹. Далее следуют рассуждения о том, что пань хотят «промышляти о государе», и многочисленные намеки, что хорошо бы это был Иван IV.

Наличие еще живого Генриха Валежного, который «нам присягнул» (*sic!*), Глебовича нимало не смущало: если царь Иван четко изложит через послов свои намерения и готовность править Литвой и Польшей, то вопрос, что делать с Генрихом, решаемый. Ведь «того от Господа надежда, чтобы ваша царская милость нашей земле государем был». Следует только прислать «людей промышленных», «с великим умень-

²⁰ Варшавская генеральная конфедерация – общегосударственный закон, принятый в 1574 г., – гарантировал населению Речи Посполитой равенство вероисповеданий, религиозный мир, одинаковые избирательные права.

²¹ Грамота Яна Глебовича Ивану IV от 24 июля 1574 г. Л.7 об.

ем», которые и обеспечат смену власти²². Фактически перед нами – приглашение на престол Речи Посполитой, но приглашение, содержащее, несмотря на все реверансы, совершенно определенные требования, каким должен быть король.

Собственно, Грозному прямо высказаны только два условия: чтобы он был подлинно христианским государем и избавил бы народ от ба-сурманской руки. Ни то, ни другое не могло противоречить пониманию верховной власти самим Иваном Васильевичем. Единственное, что нуждалось в урегулировании, – это вопрос, кем Грозный будет прежде писаться в титуле: королем польским или царем русским?

Но в дальнейшем тексте грамоты Глебович помещает в качестве приложения текст присяги короля Генриха от 21 февраля 1574 г. с намеком, что царю Ивану было бы неплохо соответствовать этим же параметрам идеального правителя. Основные положения этого документа были приведены выше, при описании условий, на которых Генрих занял трон. Эмоции Грозного при прочтении этого документа нетрудно представить. Конечно, ни о каком ограничении прав монарха a la Henrick не могло быть и речи.

Что из данного манифеста вольностей литовских панов уловил и усвоил Иван IV? Царь прочел послание Глебовича через призму собственных воззрений на сущность монаршей власти. Он одобрил стремление панов обрести себе господина и благосклонно воспринял свое приглашение на польский престол. Однако дальше начались требования соблюдения посольского ритуала. Вместо обсуждения принципов, на которых он готов встать во главе Речи Посполитой, Грозный в первую очередь был озабочен тем, чтобы литовцы вовремя и обязательно первыми прислали больших послов. До этого предпринимать какие-либо шаги государь отказывался: «Ино тому как возможно статися, что украсти государство, украдом на государство приехати и послов своих послати. А король не ведомо будет, и нам неведомо не будет. И нам послов своих с чем послати? Лишь роздор делати, запосмешно и себе укоризну». Свою прежнюю неудачу на выборах Грозный связывал именно с невнятными действиями посольских служб: «Федарь Воряпай первое приходил Михайла Галабурды, и взяти от нас две опасные (охранные. – А.Ф.) грамоты на ваши послы. И нам было недождьдавшися

²² Там же. Л.8, 8 об., 9.

ваших послов и не услышав у них речей. И с чем своих посланников и послов послати? И потому делу то дело порушилося».

Позиция Ивана IV, возможно, была вызвана недоверием к литовским панам, которые уже звали его на престол во время первого бескорольвья, а затем выбрали Генриха. Царь писал Глебовичу: «А наша царская милость не всякому духу верит, бо старая пословица: "У сих искушай, не всему уфай". А хотя к нашей царской милости и посылат[ь] будут, и нам бы верить оглядаючися». Царь требовал точно и официально узнать: Генрих остался королем, хоть и беглым, или же сложил с себя польскую корону. Глебовичу и его сторонникам обещалось великое жалование в случае победы Ивана IV.

Но в целом тон царского послания укоризненно-выжидательный. Грозный действовал осторожно. Очень показательно, что он ни одним словом не откликнулся на рассуждения Глебовича, каким должен быть монарх. Ивана IV интересовали практические вопросы и политический ритуал. Он не видел необходимости в дискуссии о прерогативах королевской власти, поскольку имел об этом свое твердое мнение и не собирался его пересматривать.

Существует еще один документ, в котором якобы отразилась политическая идеология Ивана Грозного в предвыборный период. Согласно гипотезе Б.Н.Флори, 2 апреля 1575 г. в Александровой слободе состоялась встреча Ивана IV с польским шляхтичем Криштофом Граевским. Последний не был официальным дипломатом. По свидетельству современника событий С.Ожельского, Граевский отправился в Москву, чтобы выручить принадлежавшие ему товары, которые московские власти конфисковали у польских купцов. Грозный, по мнению ученого, решил воспользоваться этим случаем, поскольку «официальным путем царь действовать не мог: враждебные его кандидатуре литовские магнаты закрыли границу... приходилось искать неофициальные каналы, отсюда – интерес царя к Граевскому»²³.

Таким образом получается, что государь вручил судьбу своей элекционной кампании никому не известному польскому шляхтичу, который должен был довести до участников готовящегося съезда литовской аристократии в Стенжице волю русского монарха. По Б.Н.Флоре, это было вызвано двумя причинами. Во-первых, Грозный якобы боялся

²³ [Флора Б.Н.] Иван Грозный – претендент на польскую корону // Исторический архив. 1992. №1. С.173–174.

подвоха, потому что Генрих еще не был официально лишен короны и государь опасался попасть впросак. Во-вторых, литовцы настолько перекрыли границу, что другой возможности, кроме как воспользоваться услугами Граевского, у Ивана Васильевича и всего Посольского приказа не оказалось²⁴.

Согласно сведениям, сообщенным Граевским от имени Ивана Грозного, русский царь, в случае его избрания польским королем, предполагал осуществить следующую систему правления:

- «народ свой русский с вашими людьми объединять, сравнять в чести и благородстве, сделать одним народом и оставить жить в мире для общего добра и славы»;
- объединение государств должно быть по образцу польско-литовских уний;
- для их управления избирается единый монарх из членов династии Рюриковичей;
- объединенные державы имеют единые вооруженные силы;
- при государе существует единый совет знати;
- устройство новой державы – федеративное. И Польша, и Литва, и Московия сохраняют свою структуру внутренних должностей, свои государственные печати, свои границы, свое законодательство;
- все права и привилегии аристократии и католической церкви, как данные при прежних королях, так и учрежденные шляхтой в последнее время, безоговорочно сохраняются и еще будут приумножены царскими «пожалованиями»;
- Грозный признает ограничения власти польских монархов панами рады и только просит дать ему право награждать пожалованиями отличившихся подданных;
- коронация католическим митрополитом для царя неприемлема, но он готов уступить, «если мне убедительно докажут и объяснят, что это может быть без греха против совести». Тогда «и сам с сыновьями к этой вере пристану и иных много с собою приведу»;
- область Киева переходит в подчинение Московии, а новый титул Грозного пишется с Киева. В раде иерархия панов выстраивается следующим образом: воевода киевский на первом

²⁴ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения... С.53, 56, 66, 98; Он же. Артикулы, сказанные через Кристофа Граевского, – важный источник по истории русской внешней политики 70-х годов XVI в. // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С.334–338.

месте, затем краковский, виленский, троцкий и т.д., воеводы московских городов даже не упоминаются;

- члены династии правителей нового государства в случае их смерти будут погребены в Москве, в родовой усыпальнице Рюриковичей²⁵.

В полной ли мере данная схема отражает позицию Ивана IV? Можно ли с ее помощью отыскать ответ на главный вопрос: почему русский царь проиграл борьбу за трон Речи Посполитой? Думается, что эта схема является неполной. Прежде всего, вызывает большое сомнение историческая адекватность «артикулов Граевского». В историографии уже высказывалась точка зрения, согласно которой перед нами подделка, апокриф²⁶. Однако после публикаций И.С.Рябининым²⁷ и Б.Н.Флорей новых документов о пребывании Граевского в Москве факт его поездки в русскую столицу и проведения неких переговоров с Иваном IV и Афанасием Нагим у большинства историков не вызывает сомнения.

А вот насколько точно поляк пересказал позицию русского царя, неизвестно. Нам кажутся неубедительными причины, по которым столь серьезная программа была доверена случайному заезжему гостю. Почему после его неудачи не было повторных попыток сделать аналогичные предложения литовской и польской знати, что, кстати, как раз было бы характерно для русской дипломатической службы, зачастую раз за разом повторявшей в своих декларациях одно и то же, мало считаясь с меняющейся международной обстановкой? Сомнительна история обретения данных текстов (оригинала не сохранилось, а есть лишь очень подробный, «в лицах», пересказ, претендующий на цитатное изложение). До участников Стенжицкого съезда предвыборная программа Грозного, якобы записанная Граевским, вообще была доведена в виде ее пересказа братом Граевского Петром.

Подозрителен и характер документов: наиболее достоверной выглядит грамота Граевского к Ивану IV, содержащая советы о том, с какими предложениями русский царь должен обратиться к польской шляхте.

²⁵ [Флоря Б.Н.] *Иван Грозный – претендент на польскую корону. С.176–179.*

²⁶ *Уманец Ф.М. Русско-литовская партия в Польше // Журнал министерства народного просвещения. 1875. Декабрь. С.264.*

²⁷ *Показания польского шляхтича Кристофа Граевского о своей поездке в Москву, с предисловием И.С.Рябинина // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1905. Кн.1. Отд.III. Материалы иностранные.*

Такого рода сочинения как раз не редкость (ср. аналогичные послания Яна Глебовича и Я.Уханьского). Не могло ли тут быть обратной связи? Граевский сочинил сперва письмо Ивану IV в духе посланий Глебовича и Уханьского, а затем дополнил его вымышленным диалогом с русским царем, подтверждающим предложения шляхтича. В результате получился памятник польской политической мысли, памфлет, подобных которому тогда ходило в Речи Посполитой великое множество. Но доверчиво использовать его в качестве источника по элекционным планам русского царя, как это считает возможным Б.Н.Флоря, на наш взгляд, будет неосторожным.

«Артикулы» в идеологическом плане имеют слишком много сходства с откровенно прошляхетскими проектами эпохи бескоролевий. Вряд ли их можно приписать, как это делает Б.Н.Флоря, «редактуру» Граевским слов царя. Идеология документа откровенно пропольская. В ней в искаженной форме отражены и некоторые реальные планы Грозного. Например, вопрос о передаче России Киева ставился на переговорах русских дипломатов со Священной Римской империей в связи с возможностью избрания на польский престол Максимилиана²⁸. С другой стороны, «киевская проблема» неоднократно поднималась русскими дипломатами на различных переговорах с Литвой и ранее, и вряд ли ее упоминание может служить доказательством адекватности «артикулов Граевского» реальным политическим планам Ивана IV.

Генрих в назначенный срок (к маю 1575 г.) на трон не вернулся. 11 мая 1575 г. состоялся польско-литовский съезд в Стенжице. Литовцы начали с заявления, что не признают никаких решений Варшавской конфедерации, но, поскольку такая позиция сразу заводила ситуацию в тупик, в конце концов признали их. Иначе – тянуть бескорольеве дальше. Правда, на очередную просьбу литовцев о военной помощи – отказ, в момент бескорольевья каждый сам по себе.

Литовцы отказались голосовать по новому административному делению – воеводствам Речи Посполитой – и подали единый голос от Великого княжества – за Эрнеста. Великопольские аристократы и примас²⁹ встали за Максимилиана, которого и провозгласили королем 12

²⁸ *Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. Т.1. СПб., 1851. С 1488 по 1594 г. Стб.589.*

²⁹ *Примас (от латинского primas – первенствующий) в католической и англиканской церквях почетный титул главнейших епископов.*

декабря 1575 г. Против – малопольские политики во главе с Яном Замоиским и Андреем Тенчинским. Они провозгласили Анну, а в супруги ей избрали семиградского князя Стефана Батория. На 19 января 1576 г. назначили съезд в Андрееве, который должен был утвердить такое решение. Тем временем Максимилиан присягнул и принял Польскую корону. На Андреевский съезд его представители не явились, а съезд объявил себя «вальным» (т.е. великим) сеймом, на 4 марта назначил бракосочетание и коронацию.

В апреле Стефан прибыл в Польшу. Одновременно в Гродно начал работу сейм, создавший литовскую конфедерацию ввиду «опасности государственной по причине избрания двух королей». На съезде был выработан ультиматум к польским панам: с избранием Батория погодить; собрать общий съезд в Варшаве, на нем урегулировать все обиды, причиненные литовцам от поляков, а затем уже обсуждать вопрос о новом короле. Хотя литовская шляхта на Батория была в принципе согласна, но панам очень хотелось поторговаться...

Поляки же не стали ждать своих новых сограждан по Речи Посполитой. Коронационный сейм прошел в Кракове без литовцев. Последние в гневе заявили, что «совершенно уже освобождены от уз с Польшей». Но Баторий собрал литовских представителей в Мстибогове, провел с ними переговоры и 29 июня издал привилей, в котором утвердил пять литовских требований: 1) о порядке участия литовских сенаторов в «прибочной раде» королевской; 2) о возобновлении распоряжений правительства, приостановленных со смертью Сигизмунда; 3) об амнистии противникам Батория; 4) о переходе королевских имений к великому княжеству; 5) о неприкосновенности литовской юрисдикции. Остальные требования выносились на грядущий сейм. После этого Стефан особо присягнул Литве.

Была ли в 1576 г. элекционная борьба соперничеством программ, моделей, развития Речи Посполитой или же речь может идти только о противостоянии кланов и группировок? Сравним «условия», на которых кандидаты были готовы стать королем, поданные от цесаря Максимилиана, от феррарского князя Альфонса и от Стефана Батория. Все тексты, видимо, с целью того же сравнения и противопоставления, были размещены в хронике М.Стрыйковского³⁰.

³⁰ *Масей Стрыйковский – польский хронист XVI века, автор одной из самых подробных Хроник по истории правления польского короля Сигизмунда Августа (1548–1572) и исто-*

От Максимилиана были поданы следующие «условия»:

- ❖ Все старые права, привилегии и вольности подтверждаются и сохраняются неизменными и будут приумножаться для обустройства Речи Посполитой.
 - ❖ Духовные и светские должности не может занимать иностранец, а только уроженец Речи Посполитой.
 - ❖ Спор о Пруссии и Ливонии между Речью Посполитой и Священной Римской империей прекращается навечно, а претензии на Мазовию могут быть выдвинуты, только если вопрос о своем подданстве поднимет сама Мазовецкая земля.
 - ❖ Решить Нарвский вопрос с датским королем и установить союзные отношения ливонских владений Речи Посполитой с 70 немецкими «местами вольными».
 - ❖ Речь Посполитая устанавливает союзнические отношения с королями испанским, венгерским и чешским.
 - ❖ Устанавливается «приязнь и вечный союз» Речи Посполитой и Священной Римской империи, их взаимная помощь против всех неприятелей, а также сотрудничество и товарищество с датским и шведским королями и всеми немецкими княжествами.
 - ❖ Свобода торговли и «хода купцам» между государствами.
 - ❖ Империя и Речь Посполитая готовы совместно выступить против Турции.
 - ❖ На войну, которую император ведет в Венгрии, он не может привлекать польских и литовских жолнеров, только добровольцев.
 - ❖ Для обороны границ короны император обязуется возвести четыре замка.
 - ❖ Император должен выделить средства для развития Краковской академии.
 - ❖ Решение вопроса о военных и дворских службах между высшей аристократией империи и Речи Посполитой.
 - ❖ В первый год внести в польскую корону 300.000 злотых для обороны границ и выплаты жалования жолнерам.
 - ❖ Погасить за счет императора долги всей короны жолнерам и дворянам за воинскую службу³¹.
- «Условия» феррарского князя Альфонса:
- ❖ Сохранение всех вольностей и привилегий Речи Посполитой.

рии первого бескорольва.

³¹ Strykowski M. *Op. cit.* S.422–423.

- ❖ Не вносить в законы никаких изменений и обновлений, только за дозволением всех станов.
- ❖ Чинов и начальников из иноземцев не назначать.
- ❖ Прислать в Краковскую академию ученых людей и ремесленников для постройки и обороны замков, которые будут возведены за счет нового короля.
- ❖ Построить в Польше новый морской порт для купцов.
- ❖ Против великого князя московского или какого другого неприятеля в течение шести месяцев после избрания выставить 6.000 стрельцов.
- ❖ Со своих владений феррарский князь будет собирать специальный налог для обороны Речи Посполитой.
- ❖ Новый король обязан лично участвовать в обороне границ Речи Посполитой.
- ❖ В мирное время король должен соблюдать законы короны, объезжать ее границы или сидеть в одном городе.
- ❖ Заплатить долги короны.
- ❖ Ежегодно присылать деньги, которые пойдут на оборону Речи Посполитой.
- ❖ 50 польских шляхтичей едут учиться в Феррару или еще в какое место.
- ❖ В течение двух месяцев от настоящего момента Альфонс должен прислать 300 000 злотых и прибыть лично с войсками, имуществом и людьми, которые могут оказать помощь Речи Посполитой³².

Как мы видим, Максимилиан делал ставку на интеграцию Речи Посполитой со Священной Римской империей, а Альфонс – на готовности представить финансовую помощь для обороны страны в текущей Ливонской войне. По сравнению с этим «условия» Стефана Батория выглядели очень лаконично:

- ❖ Все права Посполитства сохраняются.
- ❖ Все долги короны будут уплачены.
- ❖ Стефан обязуется «добывать» великого князя московского.
- ❖ Добиться вечного примирения с татарами и турками.
- ❖ Охранять все границы Речи Посполитой.
- ❖ Прислать 100 000 злотых на нужды Речи Посполитой.
- ❖ Освободить из татарского плена всех полоняников³³.

³² *Ibid.* S.423–424.

³³ *Ibid.* S.424.

Король Речи Посполитой Стефан Баторий.
Гравюра XVI в.

Баторий при вступлении на престол заявил: «Не в хлеву, но вольным человеком родился я, и было у меня, что есть и во что одеться, прежде чем прибыл я в эту страну. Люблю мою свободу и храню ее в целости. Королем вашим я стал, волею Божьей вами избранный, прибыл сюда вследствие ваших просьб и настояний, и вы сами возложили корону мне на голову. Поэтому я настоящий король, а не король, нарисованный на картинке. Хочу царствовать и приказывать и не потерплю, чтобы кто-нибудь правил надо мной. Будьте стражами вольности вашей – это дело доброе,

но я не позволю вам стать опекунами для меня и для моих сенаторов. Храните вольность так, чтобы она не выродилась в своеволие»³⁴.

Итак, 4 марта 1576 г. состоялась коронация Батория и его свадьба с Анной Ягеллонкой. Руководил церемонией Киевский епископ Станислав Карнковский, поскольку гнезнинский архиепископ Якуб Уханьский, который должен был ее проводить, являлся сторонником цесаря, императора Священной Римской империи Максимилиана³⁵. После этой акции страна оказалась на грани гражданской войны: некоторые районы, например, Гданьск, отказались признать «семиградского воеводишку». Максимилиан, видя недовольство литовских панов, пытался завязать с ними тайные переговоры и даже прислал на Мстибоговский сейм своего посланника Яна Кохциецкого Чеха, привезшего специальные «листы» от Максимилиана. Над Речью Посполитой нависла угроза вторжения Священной Римской империи. Россия поспешила воспользоваться благоприятным моментом, чтобы повернуть ход войны в свою пользу.

Почему русская дипломатия потерпела неудачу во время вторых польских выборов? Проследим ход событий.

³⁴ Цит. по: Пресняков А.Е. Указ. соч. Т.II. Вып.1. С.235.

³⁵ Strykowski M. Op. cit. S.425.

Русский гонец Федор Елчанинов вел 15 июня 1575 г. переговоры в Бересте с Жемоитским старостой Остафием Воловичем о кандидатуре «цесарева сына» на польский престол. Остафий сообщил, что паны в принципе готовы рассматривать этот вопрос, но только в переговорах с «большими послами» и при персональном обращении Ивана IV к литовской верхушке панов рад (подчеркивалось, что она куда лояльней польской). Для этого было необходимо выслать пять грамот: к воеводе Виленскому, старосте Жемоитскому, пану Троцкому, маршалку Радзивиллову и «ко всему рыцарству». Иначе невозможно решить «некоторые дела трудные и народу нашему незносные»³⁶.

Посольство москвитов в Священной Римской империи в 1576 г. Гравюра XVI в.

К Елчанинову в ходе переговоров приехал государев гонец Петр Климов с грамотой Ивана IV, но ее содержание не удовлетворило литовскую сторону. Русскому дипломату вручили списки «с ляцкого (польского. – А.Ф.) листа». Они содержали примерные образцы грамот, которые Иван IV должен был прислать в Литву. Автором проекта выступал гнездинский архиепископ Я.Уханьский.

³⁶ РГАДА. Ф.79. Он.1. Д.10. Л.5–13.

Содержание текстов Уханьского крайне примечательно и демонстрирует «модель идеального властителя» для литовских панов рад. Прежде всего, это государь христианский, оплот веры, чей основной долг – оборона христианского мира. Во-вторых, перед нами «пастырь народов», покровитель народа «сарматского или словенского». Историческая миссия такого монарха – преодоление «христианского великого упадка». В-третьих, это правитель сословного государства, Иван IV должен был обратиться со специальными декларациями к духовенству и «рыцарству». Воеводам он обещает «великое жалование», а также гарантирует, что будет «рядить и судить с ними о всех делах». Он рад иметь многих панов «в товарищех», поскольку они «люди мудрые». В-четвертых, Иван должен дистанцироваться от сбегавшего Генриха и объявить себя преемником политики Сигизмунда Августа, отвечать перед «тению брата нашего». В-пятых, Грозный обязан объявить политическую амнистию всем политэмигрантам (в том числе Андрею Курбскому и Владимиру Заблоцкому)³⁷.

Декларация Уханьского рисует нам «шляхетский тип» короля, фактического слуги панов, воплощающего в своей политике исключительно их волю. По сути, от самодержавного властного дискурса здесь присутствует только признание сакральной роли монарха как охранителя веры. Государю также оставлена державная роль поводыря народов, но она полностью дезавуирована тем, что он при этом выступает проводником воли этих самых народов (в лице их лучших представителей – шляхетства). Очевидно, что подобная концепция не просто противоречила взглядам царя, она была для него непонятна и неприемлема.

Однако позиция панов рад, продемонстрированная в декларации Уханьского, не позволяла сделать дальнейших шагов в борьбе за польский престол. Грозный не мог найти общего языка с потенциальными подданными, чувствовал серьезную разницу между тем, каким королем Речи Посполитой он себя мыслит и каким его хочет видеть население Литвы и Польши.

Поэтому русская дипломатия продолжала действовать нерешительно и мелкомасштабно. Вместо «великих послов» в Вильно поехал сын боярский Семен Янгальчевич Бастанов (комплекс выданных ему грамот и составление текста наказа датируется 13 июля 1575 г.). Он вез два отдельных послания – к панам радным Польши и знати Литвы, в кото-

³⁷ Там же. Л.14 об.–17 об.

рых лишь декларировалась готовность Ивана IV к переговорам и уступкам во имя «покою христианского».

Бастанову поручалось уточнить, на каких именно условиях шляхта готова позвать русского царя на престол Речи Посполитой и как в таком случае планируется решать вопрос с подданством Ливонии. Предстояло прощупать, насколько по данным проблемам позиция польского и литовского дворянства может быть единодушной. Также Бастанов должен был разведать действия конкурентов – приехали ли турецкие и «цесарские» послы и «какие вели речи». Никаких конкретных инструкций, позволяющих вести активную «избирательную кампанию» Ивана Грозного в Литве, посол не получил³⁸.

21 августа 1575 г. в Вильно был отпущен с более широкими полномочиями Лука Новосильцев. В этот день в Москве с гонцом Третьяком Ефимьевым получили сообщение от Бастанова, что паны желают Ивана IV на королевство, «не мешкая», и готовы о том официально «бить челом»³⁹.

Новосильцев вез отдельные верительные грамоты для польских и литовских аристократов. Однако содержание данных ему речей мало напоминало избирательную кампанию. Он должен был предъявить жесткие претензии к поведению литовских войск в Ливонии, потребовать расследования самовольства воевод Речи Посполитой и немедленного возврата русских пленных. Ни о какой уступке «вотчины Ивана IV» – Ливонской земли – не стоит и говорить. Но Россия в принципе готова мириться, и Грозный уже отдал распоряжение обдумать пути к заключению соглашения своим боярам⁴⁰. Подобная позиция ничем не отличалась от более ранних действий московской дипломатии, была столь же декларативной, негибкой и бесперспективной.

³⁸ Там же. Л.18 об.–34.

³⁹ Там же. Л. 39 об. – Б.Н.Флоря считает, что посольство Новосильцева явилось реакцией на обнадеживающие сведения Бастанова (Флоря Б.Н. Русско-польские отношения... С.109). Однако думается, что подготовка этой миссии началась раньше, еще до приезда Ефимьева, – выданные Новосильцеву грамоты датируются тем же 21 августа. Вряд ли за один день российская дипломатическая служба, получив отчет о действиях одного посла, успела бы тут же разработать на его основе инструкции для следующего. Предполагаем, что новое посольство готовилось заранее, известия от Бастанова лишь заставили поторопиться с его отправкой.

⁴⁰ РГАДА. Ф.79. Оп.1. Д.10. Л.42 об.–48.

С Новосильцевым Грозный послал комплекс писем к панам рад⁴¹, разъясняя свою позицию по отношению к проектам Уханьского. Она весьма примечательна и довольно выпукло демонстрирует принципиальные составляющие московского властного дискурса. Если шляхтичей волновали гарантии неприкосновенности своих прав со стороны монарха и масштабы собственного участия в политической жизни, то Грозный просто не мыслил себе иной модели отношений между царем и подданными, чем служилая: король правит, дворяне служат. Именно в этом и будет «прибыток всему христианству». Сам факт приглашения на польский престол для Ивана Васильевича в первую очередь означал то, что паны «похотели нам послужити».

Примечателен тон посланий царя. Он рассматривает службу панов как одолжение, которое он делает им же: ваша главная привилегия после моего избрания – повиноваться мне и исполнять мои приказы. Сама идея дворянской вольности с возмущением отмечается, но Иван IV готов обсуждать вопрос о пожаловании за верную службу. И хотя конечное решение вопроса о размерах вознаграждения, как подчеркивает московский государь, остается за ним, но он обещает «доброе жалование».

Нельзя сказать, чтобы русская сторона оказалась абсолютно глухой к словам контрагентов. Иван Васильевич среагировал на навязчивый рефрен посланий литовской стороны о стремлении к миру и «покою христианскому». Однако подход Грозного к этому вопросу довольно своеобразен: он намекает, что именно его избрание на престол Речи Посполитой – лучший способ прекратить войну. Ведь он тогда окажется правителем обеих противоборствующих держав, что разрешит все противоречия в регионе. Соединенным под московским скипетром государствам будет уже не из-за чего сражаться. Из гарантий прав, требуемых литовской стороной, Грозный подтвердил только свое принципиальное невмешательство в религиозный вопрос и в деятельность духовенства Речи Посполитой⁴².

Однако стоит отметить, что миссия Новосильцева не соостояла в официальном выдвижении кандидатуры Грозного на престол Речи Посполитой. Главной задачей посла было «разузнать накрепко» настрое-

⁴¹ Они были адресованы Якубу Уханьскому, Франциску Краинскому, Яну Костке, Петру Уборскому, Яну Гомицкому, Миколаю Радзивиллу, Остафию Воловичу и др., отдельным являлось декларативное послание «к шляхетству и рыцарству литовскому».

⁴² РГАДА. Ф.79. Оп.1. Д.10. Л.48 об.–50 об., 53–55, 68 об.–70.

ния панов, какое у них «умышление» по ливонскому и элекционному вопросам, о чем были «ссылания» с Турцией, Крымом, Швецией и т.д. Поручалось также проведение сепаратных консультаций с лидерами литовской знати – Я.Хоткевичем, М.Радзивиллом, О.Воловичем⁴³. Таким образом, действия Новосильцева в рамках «избирательной кампании» русского царя можно расценить как сугубо предварительные.

Бастанов провел встречи с М.Радзивиллом и другими представителями шляхты и духовенства 24, 25, 26 и 27 сентября 1575 г. Впечатление от них, судя по статейному списку⁴⁴, было вполне благоприятным: казалось, что симпатии шляхты на стороне московской кандидатуры⁴⁵.

Статейный список Бастанова, вернувшегося в Москву в январе 1576 г., содержал собранные им тщательно документированные свидетельства, что «паны рад хотят бити челом тебе, государю, а опричь тобя, государя, не хотят искать никою», «и многие мещане опричь тебя, великого государя, никого не хотят». Посол записывал все случаи подобных высказываний с указанием числа, дня недели, с кем была встреча и т.д.⁴⁶ Они занимают в статейном списке несколько листов.

Поэтому вряд ли можно согласиться с Б.Н.Флорей, что Ивана Грозного смутило содержащееся в отчете посла описание «рокоша» (съезда) литовской знати, на котором «паны радны вышлех таковы, еха на поле, мало не побилис[ь] с теми, которые цесаря на государство хотят, и учали из луков и из самострелов стрелят[ь] и копы шюрмовать (размахивать. – А.Ф.)»⁴⁷. Ученый считает, что русский царь усомнился в своих возможностях управлять столь буйными и необузданными подданными, поэтому и был столь медлителен и нерешителен в избирательной кампании. Но рассказ о «рокоше» в статейном списке ничтожен по сравнению с многостраничными описаниями готовности панов принять московского государя. Да и вряд ли Иван Грозный сомневался в своих возможностях управлять кем угодно. С его-то опытом усмирения непокорной знати!

⁴³ Там же. Л.75, 77, 86 об.–87 об.

⁴⁴ Статейный список – отчет посла по возвращении из посольства, содержащий описание его посольства.

⁴⁵ РГАДА. Ф.79. Оп. 1. Д. 10. Л.95 об., 96.

⁴⁶ Там же. Л.95, 95 об., 96 об., 97 об., 100.

⁴⁷ Там же. Л.103 об.; Флоря Б.Н. Русско-польские отношения... С.113.

Речь тут скорее должна идти о том, что царь просто опоздал (причины его медлительности мы попробуем объяснить ниже). Помимо стайного списка Бастанов привез написанную в жестких тонах грамоту панов рад к Ивану IV от декабря 1575 г. В ней содержался призыв вести себя «яко годно государю христианскому», а нападение царя на Ливонию никак не соответствует облику правильного государя. Он должен немедленно унять своих воевод на границах и принять реальные меры к обустройству «христианской тишины»⁴⁸.

3 марта 1576 г. в Москве начались переговоры с прибывшими литовскими посланниками Мартыном Страдомским и Матушем Нарбутом. Они вручили царю датированную 19 декабря 1575 г. грамоту от панов рад с содержанием еще более неприятным, чем письмо, доставленное Бастановым. В ней не явно, но все же достаточно однозначно Грозный обвинялся в нерешительности и недостаточной активности во время избирательной кампании, несмотря на оказанную ему поддержку. Шляхта упоминала выборы Генриха и Стефана Батория, в которых (на разных этапах) они участвовали лично, а Грозный лишь «являл свою государскую милость через послов».

Между тем король мыслился прежде всего как гарант прав аристократии, поэтому знати долго быть без него нельзя, и затягивать избрание в темпе, угодном московскому царю, было невозможно. Вместо шагов навстречу, дипломатической отзывчивости одновременно с переговорами Грозный «чинил шкоды», никак не мог обозначить своей четкой позиции, а все бесконечно слал послов с одними и теми же речами. Паны пишут о провале переговоров России со Священной Римской империей, которые не позволили достичь альянса «государей на пользу христианству». Поэтому пусть русский царь не удивляется, что, несмотря на поддержку его кандидатуры, шляхта предпочла видеть королем Стефана Батория⁴⁹.

С литовскими дипломатами, отбывшими домой 4 марта 1576 г., Грозный отправил послание к панам рад, которое проливает свет на мотивы столь вялого, с точки зрения аристократии Речи Посполитой, ведения избирательной кампании. В соответствии со стилистикой посольских документов в грамоте излагается история вопроса: бегство Генриха, обращение панов к Ивану IV, что им «без государя долго быти не мож-

⁴⁸ РГАДА. Ф.79. Он.1. Д.10. Л.90 об.–94.

⁴⁹ Там же. Л.116 об.–120.

но», переговоры с Максимилианом (посольства Даниила Принца и Яна Кобенцля), выдвижение согласованной кандидатуры сперва самого кесаря, а затем его сына Эрнеста. Однако паны захотели «нашего над собою государства» или звать на престол Федора Ивановича. Это необходимо обсудить, оформить («о тех делех докончанье»), выработать единую позицию со Священной Римской империей, прежде «больших переговоров» достичь компромисса по военным вопросам и по Ливонии⁵⁰.

Что здесь двигало русской дипломатией? Чрезмерная осторожность, желание учесть все нюансы и заранее их обговорить? Нерешительность, заставлявшая искать все новые и новые поводы для оттягивания решительных шагов? Думается, что помимо этих факторов, которые, вероятно, также имели место, большую роль играла приверженность российской стороны к определенному ритуалу. И у Грозного, и у Посольского приказа было определенное представление, КАК полагается занимать престол в чужих государствах. Оно во многом вытекало из политической доктрины «Сказания о князьях Владимирских»: государь должен быть официально и торжественно ПРИЗВАН на государство по желанию «всего посполитства». Ситуация, когда за корону надо бороться, добиваясь благосклонности знати, не укладывалась в существовавшие представления о том, каким должен быть порядок восшествия на трон.

Иными словами, отечественной дипломатии пришлось выработать свою линию поведения в непривычных и нестандартных условиях⁵¹. Москва оказалась способной действовать только в соответствии со своим властным дискурсом: пытаться воплотить на международной арене собственную модель того, как надо занимать трон в соседнем государстве.

Грозный действовал, сообразуясь с некими стереотипным представлениями, а не с реальной ситуацией. Такая негибкая политика обуславливала близорукость русских посольских служб. Они не были отзывчивы на шаги контрагентов, пытались переиграть оппонентов за счет досконального соблюдения ритуала. Возможно, это и дало бы результат, если бы соперником был такой же связанный традициями государь, а не

⁵⁰ Там же. Л.121 об.–128.

⁵¹ До этого были прецеденты с декларативными претензиями на иноземный престол (например, при Василии III), но они никогда не переходили в плоскость практических действий.

Стефан Баторий, руководствовавшийся не только политическими обычаями, а тем, что обычно называют «здравым смыслом».

Об этом свидетельствует поведение Москвы уже после избрания Батория: в Кремле никак не могли осознать, что «поезд ушел». 20 апреля 1576 г. из Литвы возвратился Лука Новосельцев. Он рассказал, что об избрании Батория он узнал в Крево 3 февраля. Реакция литовских панов на это событие была неприязненной, они больше склонялись к кандидатуре Максимилиана или Ивана IV. В Батории видели выскочку, презрительно называли его «семиградский воевода». Он не устраивал шляхту и тем, что был поставлен «турком и ляхом», что плохо соответствовало облику «христианского государя» и оскорбляло амбиции Литвы⁵².

С 16 по 21 февраля 1576 г. в Вильно Новосельцев провел важные переговоры с М.Радзивиллом. Последний сожалел, что только сейчас русская сторона заговорила о возможности замены страшноватой для шляхты кандидатуры самого Грозного на более нейтральную – его сына Федора (это предложение внес Новосельцев). Паны выдали опасную грамоту для «больших послов» Москвы а также ряд посланий от имени отдельных аристократов, представителей духовенства. В них говорилось о том, что Грозный должен официально заявить своим «жалованным словом» о своем восшествии на престол, а «мы хотим ему послушати». Предлагалось «на том встати заодин»⁵³.

Лояльность литовской стороны дошла до того, что в грамотах активно муссируется титул «государя всея Руси», то есть фактически провозглашается приверженность доктрине объединения всех русских земель, в том числе входящих в Речь Посполитую, под короной московского государя. От Грозного просили гарантий соблюдения всех шляхетских свобод. Авторы грамот прибегали и к броским демагогическим приемам. Так, одно из посланий называлось «челобитьем», которое следовало символично «положить под ногу» Ивану IV. В нем московский царь изображался спасителем Литвы и Польши от их захвата цесарем, «а ты, государь, пожалуй нас, а кроме тебя, мы никого видеть не хотим».

При этом провозглашалось, «чтоб ты, государь, oprичь меня никому не отдал, а в том городе в Ковле ж, иде ж твой изменник Курбский». Последняя фраза показывает степень уступчивости шляхты: еще недавно амнистия политэмигрантам была непременным условием приглаше-

⁵² РГАДА. Ф.79. Он.1. Д.10. Л.129 об., 140 об., 143, 156, 161.

⁵³ Там же. Л.150 об., 153 об.–154, 156, 158, 159, 160 об., 163.

ния московского царя на престол, а теперь они уже и в глазах литовцев изменники⁵⁴.

Однако дальнейшее развитие событий было не столь радужным для Москвы. 27 февраля 1576 г. Новосельцев, удовлетворенный итогами переговоров с литовскими панями, «пошел в коруну Полскую». Но в Краков его не пустили. Вместо этого начались непонятные и муторные переговоры с представителями шляхты, на которых в основном на разные лады звучала тема скорейшей необходимости приезда «больших российских послов». 6 марта послу категорически заявили: в Краков ему нельзя, потому что туда пришел «Обатура» (Баторий). Новосельцев пытается снестись с «панями коронными», но тут противится литовская сторона: дипломату сообщают, что «они с нами ныне во брани» из-за избрания Батория «не делом государским» и с ними ссылаться «невместно»⁵⁵.

Начиная с 6 марта, в Вильно разворачивается драматический торг за польскую корону, поскольку Максимилиана признала одна часть страны – Гданьск и Пруссия, Батория – другая: Младопольша и Великая Польша, позиция Литвы вообще была неопределенной. Сюда прибыли гонец Батория князь Якуб Воронецкий и посол Священной Римской империи Якуб Кутецкий. Новосельцев не смог принять непосредственного участия в переговорах, но получил обнадеживающие известия: архиепископ Я.Уханьский отказался ехать в Краков на коронацию. 9 марта русские послы отбыли из Вильно ни с чем, а 10 марта архиепископ с дороги вызвал Новосельцева и заявил, что надо срочно звать на престол Федора.

Правда, в ходе дальнейшего выяснения позиций паны признались, что вконец запутались. Стефан им не нравился, они верили слухам, что он собирается в Венгрии посадить турецкого пашу. Но «посулы Обатура» заставляют колебаться литовскую шляхту. Тут больше подошел бы Максимилиан, но его не устраивало требование литовской стороны писаться в титуле сперва королем Речи Посполитой, а лишь затем «цесарем». Мотивы этого требования понятны, паны опасались, что Польско-литовское государство просто растворится в имперских владениях, но при данном титуле нарушалась иерархия власти: королевство не может присоединить к себе империю. Москва же ведет себя нерешитель-

⁵⁴ Там же. Л.131–132 об., 134–136 об., 139–139 об.

⁵⁵ Там же. Л.164, 166, 167–168.

тельно: вроде бы царевич Федор и хочет на престол, но где «большие послы»? В начале апреля Новосельцев отбыл домой⁵⁶.

«История не терпит сослагательного наклонения», но мог ли Иван IV добиться успеха в случае более решительных действий? Например, по примеру Батория лично отправиться за польской короной или же быть более настойчивым на дипломатической арене? Судить о конечных перспективах подобных действий трудно, но несомненно, что шансы, по крайней мере, осложнить положение Стефана и политически расколоть Литву у Грозного были. В условиях Ливонской войны это явилось бы фактором, работающим на пользу России. И этот шанс был упущен. Единственная выгода, которую Россия извлекла из польских бескорольев, – это возможность апеллировать к ним как к историческому эпизоду, в котором Москва проявила благородство, «пощадила» Речь Посполитую в трудное для последней время и не стала ее завоевывать.

Например, на переговорах в августе 1580 г. посол И.В.Сицкий говорил панам рады:

«Да и то вам, панове рада, пригоже государя нашего к себе и ко всей земле Литовской жалованье помнити, как Божиим судом государя вашего, Жигимонта Августа короля, не стало, а вы без государя остались. А в то время у государя нашего рать была наготове собрана. А вы, панове рада, ко государю нашему прислали своих гонцов ... чтоб государь на вашу незгуду не стоял, видя вас в безгосударных. И государь наш, как есть государь крестьянской, о преставлении брата своего, Жигимонта Августа королю, зельно скорбел, и о вас, что вы безгосударные остались, и над вами свою государскую милость показал, и того, что годна государю крестьянскому. Сам с коня ссел, и людей своих посылати не велел, и по всем границам рати и войны всчиняти не велел, и вам, панове, таких дел забывати непригоже»⁵⁷.

Правда, с точки зрения литовских панов, они полностью расплатились за эту милость Ивана Грозного, якобы целый год удерживая Стефана Батория от немедленного нападения на Россию. Так что «цена вопроса» в Литве была признана невысокой:

«И мы к себе и ко всей земле Полской и Литовской государя вашего жалованье помним, что когда государь ваш, видя нас безгосударных, на

⁵⁶ Там же. Л.171–172 об., 176, 177 об., 182 об., 187 об.

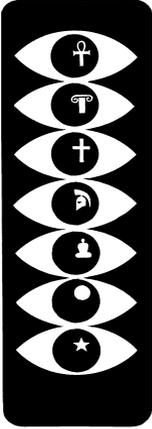
⁵⁷ *Статейный список посольства И.В.Сицкого, март 1581 г. // РГАДА. Ф.79. Оп.1. Д.12. Л.91–91 об.*

нас ратью не наступил, и то государь ваш учинил, как годится государю хрестьянскому, и мы, паны рада, государю своему за то государя вашего жалованье били челом, и государь наш для нашего челобитья сам на государя вашего землю не пошел, и рать свою позадержал мало на целый год. И мы то государя вашего жалованье отправили»⁵⁸.

Зато к своему новому государю паны предъявляли высокие требования, главным из которых была победа в войне с Московией. На переговорах с посольством И.В.Сицкого в Варшаве (февраль 1581 г.) они заявили: «А у нас государство поволное, обираем себе государя кого захотим», и он без совета со знатью ничего не делает, «а что и захочет делати, то мы не дадим». При избрании Баторий получил «наказ», что он обязан возратить земли предков, от которых литовцы были насильно отлучены москвитями. И король на том присягал. Правда, в список этих исконно литовских земель попала и Ливония. И теперь Стефан был «обязан присягою» побеждать Московию⁵⁹. Исполнение этой присяги он начал сразу же после избрания на польский престол.

⁵⁸ Там же. Л.92 об.

⁵⁹ Там же. Л.157 об.–158.

Александр Орлов

ЯПОНСКИЙ ФАКТОР В ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЕ. 1941–1945 гг.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

The war against Germany required maximum efforts from all countries of anti-Nazism coalition. But the US waged the war against Japan too. Roosevelt was very worried by the fact that the properly Japanese territory was inaccessible for the American air forces that were incapable to strike at it. In Tehran and later Stalin promised to start the war against Japan in 2-3 months after victory in Europe. Yet the US President was preoccupied with the question how to use the USSR in this war. In 1943–1944 the Americans arranged with Moscow to make use of the Soviet airfields in Siberia and in Far East. However by 1945 it became obvious that this plan was impractical. Besides that, Americans had got B-29 bombers that could reach the Japanese Islands and strike at them. However the effect of these air raids was less than it was anticipated. Meanwhile the most difficult and bloody battles on the Japanese Islands and in China lied ahead. Being aware of the Japanese fanaticism the Americans did their best to avoid major land battles that took a terrible toll in lives. It was considered that the war would possibly continue for a year and losses would amount to 1.5 million people. Then an idea came: exerting the maximum effort aimed at destruction of Germany the USA had to wait for the deadline Stalin had indicated for attack on Japan (3 months) when the USSR would attack the most battle-worthy Japanese forces deployed in the mainland of Asia (i.e., in Manchuria, North China, Korea) and would assume the main brunt of land battles. Indeed, even after the atomic bombardments the Japanese continued to fight. Only destruction of main land forces of Japan made by the Soviet troops in 23 days accelerated the fall of the Japanese aggressor considerably.

Историография Второй мировой войны, как отечественная, так и зарубежная, как правило, рассматривает войну против германо-итальянского блока и войну против Японии не во взаимосвязи (если да, то весьма в малой степени ее), а как отдельные кампании с участием разнородных сил.

Между тем более углубленный анализ событий Второй мировой войны, особенно американско-советской политики, говорит о том, что европейско-африканская война была неразрывно связана в стратегии и политике с войной против Японии.

Известно, что в начале Второй мировой войны американское общество, несмотря на стремление Рузвельта и его команды активизировать усилия США в их помощи Англии, воевавшей против Германии, не находили в американском обществе адекватного ответа. Позиции изоляционизма были еще очень сильны. А удар по Пирл-Харбору означал для большинства американцев, что их главная война – это война с Японией.

Поэтому, когда Германия в декабре 1941 г. объявила войну США, население Соединенных Штатов рассматривало это как отдаленную, не первостепенную угрозу, считая, что главный враг – Япония. И слоган Рузвельта, понимавшего суть Второй мировой, – «сперва Германия» – первоначально не находил отклика в сердцах соотечественников. Более того, ряд видных военачальников, возглавлявших американские вооруженные силы на Тихом океане (Макартур, Нимиц и даже Главком ВМС Кинг) полагали, что основные силы США должны быть брошены именно на японский театр войны.

Когда Дж.Маршалл и Д.Эйзенхауэр в марте–апреле 1942 г. разрабатывали план вторжения во Францию, это еще находило понимание у «дальневосточников». Но, когда возобладала стратегия Черчилля начать борьбу против Гитлера с высадки в Африку, это не нашло поддержки у большинства военачальников США высшего эшелона. Они стояли за то, чтобы основные усилия американских вооруженных сил были направлены на Тихоокеанский театр военных действий.

Потому-то 50% американских сухопутных войск, флота и ВВС к 1943 году оказались на Тихом океане, хотя наличные силы Англии и США позволяли сосредоточить в Англии достаточно сил сухопутных войск и ВВС, кораблей и судов ВМФ, чтобы успешно осуществить вторжение во Францию. Особенно в августе–сентябре 1943 г., когда

подавляющее большинство войск вермахта было сковано, а затем в решающей степени ослаблено на Восточном фронте Германии. Но этого не произошло.

Тем не менее в европейской войне, а главное, в политике Рузвельта одним из важнейших приоритетов было убедить нацию, что победа над Германией есть залог разгрома Японии. Но для войны на Тихом океане требовались силы, которые могли бы наносить удары не только по захваченным японцами островам Тихого океана, но, главным образом, по территории непосредственно метрополии, где сосредоточивались главные силы и органы руководства войной, а также территории оккупированного ею Китая.

Но как наносить удары по метрополии? Постепенно в ходе длительных сражений – морское сражение в Коралловом море (май 1942 г.), битва у о. Мидуэй (июнь 1942 г.) – у американцев появился перевес в войне на море. Но даже захват ряда стратегически важных районов (Гуадалканал, Новая Гвинея) не давал возможности американской стратегической авиации бомбить Японию с баз, расположенных на этих территориях: не хватало дальности бомбардировщиков В-17, а тяжелые бомбардировщики В-29 еще не вошли в строй.

Лучшим способом решить задачу было добиться у СССР разрешения действовать с территории СССР, но для этого нужны были авиабазы на советском Дальнем Востоке и в Сибири, с которых американская авиация могла бы наносить удары непосредственно по метрополии Японии. Не по завоеванным ею территориям, а по главным японским островам: Хонсю, Сикоку, Хоккайдо и др., а также по Китаю.

Для этого нужно было установить такие отношения с СССР и со Сталиным лично, чтобы преодолеть недоверие русских к западным союзникам (которые не раз их обманывали), дать им понять, что американцы – надежные партнеры. И Рузвельт начал политику сближения со Сталиным, поскольку от последнего зависело все, что происходило в СССР.

Помимо ленд-лиза – главного экономического рычага в укреплении советско-американского партнерства – наиболее важным для американцев было добиться разрешения Сталина на использование американской авиации с советской территории. Первая задача состояла в налаживании взаимодействия русских и американских авиаторов. Ведь именно в

авиации американцы чувствовали себя сильнее и полагали, что с помощью американских инструкторов помогут русским перенять их опыт.

29 июля 1942 г. Рузвельт писал Черчиллю: «Я все же надеюсь, что мы сможем разместить авиацию непосредственно на русском фронте и обсудить сейчас этот вопрос»¹. И действительно, в августе 1942 г. во время визита Черчилля в Москву сопровождавший премьера специальный представитель президента А.Гарриман поднял этот вопрос. Но Сталин сказал, что проблема требует специального изучения².

В декабре 1942 г., в дни Сталинградской битвы, Рузвельт предложил Сталину направить на Кавказ американские авиачасти, которые могли бы оказать существенную помощь в обороне Северного Кавказа. Сталин ответил, что «в настоящий момент отпала необходимость в их присылке в Закавказье». Он сообщил, что в СССР «летчиков более чем достаточно, но не хватает самолетов», и просил ускорить поставки самолетов³. В октябре 1943 г. по настоянию американского посла в СССР А.Гарримана в Москве была создана американская военная миссия во главе с генерал-майором Джоном Дином. Главной задачей миссии являлось налаживание и поддержание успешного взаимодействия между вооруженными силами обеих стран и контроль за поставками военной техники по ленд-лизу. Но сверхзадачей Дина, которую поставил ему президент Рузвельт, было добиться от Москвы разрешения на использование авиабаз и военно-морских баз на советском Дальнем Востоке.

Эта задача, по мысли Вашингтона, должна была решаться поэтапно. Надо было убедить Кремль и, прежде всего, Сталина в том, что присутствие американских ВВС в СССР может оказать существенную помощь Красной Армии в войне против вермахта. В сентябре 1943 г. правительство США обратилось к советскому правительству с предложением выделить на советской территории несколько аэродромов для посадки при проведении т.н. «челночных операций» американской стратегической авиации, действующей с авиабаз Англии и Италии⁴.

¹ *Roosevelt and Churchill. Their Secret War Time Correspondence. L., 1975. P.228–229.*

² Черчилль У. *Вторая мировая война. М., 1991. Кн.2. С.515.*

³ *Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.2. М., 1976. С.41–42.*

⁴ *Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С.216.*

Прибыв в Москву в октябре 1943 г., генерал Дин на первой же встрече с Молотовым поставил вопрос о «челночных полетах». Через два дня ему было сообщено, что американские предложения «в принципе» одобрены. Но дальше этого дело не пошло.

На Тегеранской конференции Рузвельт направил Сталину три меморандума по проблемам использования авиации США с советских авиабаз сперва в Европе, а затем и на Дальнем Востоке, а также относительно военно-морской базы (ВМБ).

Первый из них касался «челночных операций на европейском театре войны». В нем, в частности, говорилось:

«Во время недавней Московской конференции делегация Соединенных Штатов предложила, чтобы были предоставлены воздушные базы в СССР, на которых самолеты Соединенных Штатов могли бы заправляться горючим, а также производить срочный ремонт и пополнять боеприпасы в связи со сквозной бомбардировкой с баз Соединенного Королевства. Было также предложено, чтобы более эффективно производился взаимный обмен информацией о погоде и чтобы между нашими обеими странами были улучшены средства связи и воздушное сообщение.

Насколько мне известно, СССР согласился в принципе с этими предложениями, и соответствующие советские власти получают указание встретиться с моей военной миссией для рассмотрения конкретных мероприятий, которые будут необходимы для осуществления этих предложений.

Я надеюсь, что будет возможным быстро выработать эти мероприятия.

29 ноября 1943 года»⁵.

Советское руководство согласилось с предложением Рузвельта. Для американцев был выделен аэроузел, включавший три аэродрома: Полтава (базовый), Миргород и Пирятин. В течение зимы и весны 1944 г. эти аэродромы, оборудование и жилье были подготовлены к приему американских стратегических бомбардировщиков В-17 и истребителей сопровождения. С начала июня начались «челночные» полеты американских экипажей из Италии и Англии на полтавский аэроузел. Эти операции получили условное наименование «Фрэнтик» (разъяренный) и продол-

⁵ *Переписка... Т.2. С.113.*

жались до середины сентября 1944 г. Всего было проведено 18 операций, в которых участвовало 1 030 самолетов, в том числе 529 В-17. В ходе воздушных налетов на объекты Германии и оккупированных ею стран (в основном, по советским заявкам) было сброшено более 2 тыс. тонн бомб⁶.

Таким образом, первый этап американского плана – наладить сотрудничество между ВВС США и СССР – в пределах Европы выполнялся достаточно эффективно. Однако Варшавское восстание в августе 1944 г., спланированное в Лондоне, но не согласованное с Москвой, привело к охлаждению отношений между СССР и западными союзниками. Авиация США и Англии сбрасывала для повстанцев оружие и снаряжение, но дальность расстояния от Италии и Англии до Варшавы делала эти полеты малоэффективными. Сталин вообще считал Варшавское восстание «авантюрой», полагал необходимым «отмежеваться» от нее и запретил использовать советскую авиацию для помощи восставшим. Запрет распространялся и на американские бомбардировщики, действовавшие из Полтавы до середины сентября, когда восстание уже было обречено на поражение. Американцы были недовольны.

Этот инцидент повлиял в значительной степени и на выполнение второго меморандума Рузвельта. В нем речь шла о предоставлении советских аэродромов и военно-морских баз на Дальнем Востоке для американской авиации и флота.

Рузвельт писал Сталину:

«Мы считаем, что в целях сокращения сроков войны бомбардировка Японии с баз Вашего Приморского края немедленно после начала военных действий между СССР и Японией будет иметь весьма большое значение, поскольку это предоставит нам возможность разрушить японские военные и промышленные центры.

Если это приемлемо, примете ли Вы меры к тому, чтобы моя Военная Миссия в Москве получила необходимую информацию, касающуюся аэродромов, жилищ, снабжения, средств связи и метеорологических условий в Приморском крае, а также о маршрутах туда с Аляски? Нашей целью является базирование максимального количества сил бомбардировочной авиации, от 100 до 1 000 четырехмоторных бомбардировщиков

⁶ *Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С.214.*

с их обслуживающим и оперативным персоналом, в этом районе; количество будет зависеть от имеющихся возможностей.

Крайне важно, чтобы планирование с этой целью было начато немедленно. Я понимаю, что ознакомление наших людей с условиями на месте должно быть ограничено в настоящий момент весьма небольшим количеством лиц и проведено с наибольшей секретностью. Мы, конечно, пойдем на все условия, которые Вы можете поставить в этом отношении.

В случае, если будет достигнуто соглашение по вышеизложенным мероприятиям, я уверен, что наступление срока использования наших бомбардировщиков против Японии будет существенно ускорено.

29 ноября 1943 года»⁷.

Этот меморандум был продиктован заявлением Сталина в Тегеране о том, что, пока идет война с Германией, СССР не может выступить против Японии, но, когда Германия будет разгромлена, СССР сможет начать войну на Дальнем Востоке. «Ударим вместе», – сказал лидер советского государства. Это обнадежило Рузвельта.

И в тот же день он пишет третий меморандум Сталину о предварительном планировании военно-морских операций в северо-западной части Тихого океана:

«Я желал бы в настоящее время договориться с Вами об обмене информацией, а также о таком предварительном планировании, которое может быть подходящим при существующих условиях для возможных операций против Японии, когда Германия будет выведена из войны. Чем больше мы сможем предварительно спланировать, без того чтобы подвергнуть чрезмерному риску существующую обстановку, тем скорее война в целом может быть доведена до окончания.

В частности, я имею в виду следующие пункты:

а) мы были бы рады получить военно-разведывательные данные относительно Японии;

б) принимая во внимание тот факт, что порты, где базируются Ваши дальневосточные соединения подводных лодок и эсминцев, могут подвергнуться серьезной угрозе наземного и воздушного нападения, не считаете ли Вы желательным, чтобы Соединенные Штаты достаточным

⁷ Переписка... Т.2. С.114.

образом расширили базовые устройства, чтобы ими могли пользоваться эти вооруженные силы на базах Соединенных Штатов?

в) какую прямую или косвенную помощь смогли бы Вы оказать, если бы Соединенные Штаты начали наступление на северную группу Курильских островов?

г) можете ли Вы сообщить, могут ли наши вооруженные силы пользоваться портами, и если да, то какими, а также могли ли бы Вы сообщить сведения об этих портах в отношении их использования военноморскими силами, так же как и грузопропускную способность портов?

Эти вопросы могут быть обсуждены, если Вы сочтете подходящим, с нашей Военной Миссией в Москве, подобно тому как это предложено в отношении планов, касающихся воздушных операций.

29 ноября 1943 года»⁸.

После этих меморандумов, благожелательно воспринятых Сталиным, военная американская миссия в Москве с энтузиазмом взялась за работу, тем более что время работало на антигитлеровскую коалицию.

К моменту нападения Японии на США японская Квантунская армия, насчитывавшая почти миллион солдат и состоящая из 18 дивизий и некоторого числа независимых бригад, значительно превосходила дислоцированные в Сибири части Красной Армии. С 1932 года Квантунская армия находилась в Маньчжурии, имела склады, проводила маневры и ежедневную боевую подготовку. Она контролировала самую большую промышленную область на азиатском материке и могла рассматриваться как экономически независимая самостоятельная единица, особенно если бы дело касалось короткого похода. Квантунская армия была готова для нападения на СССР.

Однако после Сталинградской битвы Красная Армия хоть и медленно, но все же наращивала свои силы в Сибири, так что в конце 1943 г. на Дальнем Востоке уже ощущалась достаточная оборонительная мощь СССР. В Японии осознали, что Квантунская армия в Маньчжурии скорее потребует для защиты собственной страны, чем для нападения на СССР.

Американцы полагали, что после оккупации ими японских островов Квантунская армия, как самостоятельная сильная единица, сможет про-

⁸ Там же. С.115.

должить борьбу, объединится, возможно, с японскими силами в Китае и попытается образовать новое японское государство. Поэтому, пока существовала эта армия, для американцев не могло быть окончательной победы. Если бы американцам были предоставлены прибрежные районы СССР, они смогли бы очень быстро после поражения Германии перебросить в Японию свои европейские воздушные силы и ввести их в действие, так что Гарриман и Дин делали все, чтобы как можно скорее решить вопрос с авиабазами на советском Дальнем Востоке⁹.

2 февраля 1944 г. состоялась встреча А.Гарримана и Дж.Дина со Сталиным. Советский лидер сообщил, что после объявления СССР войны Японии американской авиации будет разрешено проводить воздушные операции с территории Сибири и Советского Дальнего Востока. Сталин сказал, что если он правильно понял президента, то США намерены разместить на территории СССР до 1 000 тяжелых бомбардировщиков¹⁰. Далее он сообщил Гарриману, что вначале должны быть созданы авиабазы только для 300 машин и он хотел бы исходить из этого проекта. По его указанию высшие офицеры уже находятся в пути с Дальнего Востока и по прибытии в Москву смогут обсудить с генералом Дином планы создания стратегических американских ВВС.

В конце апреля 1944 г. Советский Союз потребовал поставку 300 самолетов «Либереитор» и 240 В-17 – «летающих крепостей». Для создания стратегической авиации нужна была длительная подготовка. Стратегическая авиация представляла собой новое направление в ведении войны и требовала не только тяжелых бомбардировщиков, но хорошо обученный персонал и соответствующее оснащение, чтобы умело управлять этой сложной техникой. Красная Армия в то время ограничивалась защитой своих сухопутных войск тактической авиацией.

⁹ Дело в том, что по расчетам американцев овладение Японскими островами требовало еще одного года времени и 1,5 млн. потерь американских войск. Поэтому вступление в войну СССР, который отвлек бы на себя главную сухопутную силу Японии – Квантунскую армию (более 1,5 млн. человек с приданными ей частями), – было главной стратегической задачей Вашингтона. Разгромить Японию силами Красной Армии и минимизировать потери войск США – вот была их главная задача. И даже атомные удары по Хиросиме и Нагасаки не меняли ее.

¹⁰ Дин Дж. Странный союз. М., 2005. С.204–205.

Поставка четырехмоторных самолетов в Россию открывала одновременно дальнейшую возможность доставлять американским ВВС большие количества материалов для создания стратегических ВВС, не вызывая подозрений со стороны Японии. После совместных совещаний встал вопрос, где именно разместить стратегические бомбардировщики в Сибири для борьбы против Японии.

10 июня 1944 г. Сталин сообщил Гарриману и Дину, что он тщательно изучил вопрос о сотрудничестве на Дальнем Востоке и что американцы, по его мнению, должны вместе с Красной Армией вести войну не только в воздухе, но также на суше и на море. Сталин добавил, что он уже говорил со своими представителями ВВС на Дальнем Востоке. Договорились создать 12 аэродромов для тяжелых бомбардировщиков в районе Владивостока и Советской Гавани. Он сообщил, что шесть или семь таких аэродромов могут быть предоставлены в распоряжение ВВС США. Одновременно он попросил поставить несколько сот тяжелых бомбардировщиков в Советский Союз для использования их на Дальнем Востоке. Гарриман сразу ответил: как президент, так и Объединенный штаб надеются оснастить Советский Союз всеми необходимыми материалами для создания стратегических ВВС, которые могли бы действовать совместно с американскими; и четырехмоторные машины будут направлены в Россию, как только будет готова общая программа операции. Он особо подчеркнул, что США потребуются, по меньшей мере, шесть месяцев для подготовки и обучения персонала для тяжелых бомбардировщиков¹¹. Сталин, не принимая сказанное всерьез, заявил, что советская авиация для этой цели будет использовать только квалифицированных пилотов и сможет создать стратегическую авиацию в более короткое время. Сталин предложил, чтобы несколько американских инструкторов приехали в Советский Союз и обучили советских летчиков владению этой техникой¹². Была составлена программа обучения, однако практически она не была реализована.

29 сентября 1944 г. Советское правительство, учитывая неуверенность в сроках поставки «Либерейторов», решило не проводить программу обучения¹³.

¹¹ Там же. С.207.

¹² Там же.

¹³ США намеревались передать СССР тяжелый бомбардировщик B-24 («Либерейтор»).

Однако по просьбе ВВС СССР американцы передали русским наиболее совершенный бомбоприцел «Норд», правда, после того, как эти прицелы стали уже известны немцам. Генерал Арнольд, главнокомандующий ВВС США, приказал направить в СССР один «Либерейтор», но 2 ноября американцам сообщили, что Советский Союз не выдает разрешение на такую поставку ввиду нецелесообразности отвлечения с фронта летчиков для обучения на проблематичных для использования самолетов.

Наибольшие успехи были достигнуты в обмене военной информацией о Японии. 25 декабря 1943 г. Гарриман был информирован Молотовым, что Сталин согласен удовлетворить просьбу президента об обмене развединформацией.

24 февраля 1944 г. советский ВМФ выразил готовность обмениваться информацией о ВМФ Японии с американцами. Что касается армии, то советские и американские специалисты разведслужбы разработали систему, которая сообщала о «состоянии группировок войск» японцев с достаточной полнотой.

23 сентября 1944 г. А.Гарриман и английский посол К.Керр посетили маршала Сталина, чтобы сообщить ему о ходе второй конференции в Квебеке¹⁴. Подобные сообщения стали обычными после окончания всех англо-американских конференций. В этот раз Сталин заметил, что в сообщениях Рузвельта и Черчилля не было ничего сказано о запланированных операциях на Тихом океане и об участии СССР в этих операциях. Он спросил Гарримана, считает ли еще президент вступление СССР в войну против Японии важным делом. Ему показалось удивительным, что, несмотря на данное им в Тегеране заверение об участии России, она уже не фигурирует в планах союзников. Сталин твердо заявил, что в позиции СССР ничего не изменилось, но если США и Великобритания предпочитают поставить Японию на колени одни, то он ничего против не имеет¹⁵.

Это был наиболее слабый бомбардировщик такого класса по сравнению с Б-17 («Летающая крепость»). Но американцам предписывалось всячески хвалить Б-24.

¹⁴ Конференция глав правительств США и Англии состоялась в Квебеке в сентябре 1944 г. (вторая Квебекская конференция). Первая прошла в августе 1943 г.

¹⁵ Дин Дж. Указ. соч. С.214. Сталин знал о разработке атомной бомбы в США при участии Англии. Но западные лидеры полагали, что он не в курсе. Не знали они и о том, что в СССР разрабатывается свой атомный проект. Отсюда и недоверие Сталина к искрен-

Гарриман и Керр заверили Сталина, что как президент, так и премьер-министр рассчитывают на помощь России на Дальнем Востоке. Одновременно дипломаты указали на то, что западные союзники будут нести груз войны одни до тех пор, пока Сталин не будет готов принять участие в совместном планировании наилучшего применения общих сил¹⁶. Сталин добавил, что русские должны быть обязательно информированы о планах союзников и, прежде всего, о предполагаемой роли СССР в этих планах.

После этой беседы глава военной миссии США в Москве направил в Объединенный штаб Комитета Начальников Штабов США послание, в котором перечислил, по степени важности, следующие задачи для России на территории СССР:

«Обеспечение безопасности Транссибирской железнодорожной магистрали и полуострова в районе Владивостока (это стоит на первом месте, так как без выполнения этого пункта всякое снабжение становится невозможным).

Создание советских и американских стратегических ВВС, чтобы можно было проводить операции против Японии с прибрежных областей (сделать это было еще не поздно).

Обеспечение безопасности маршрутов снабжения через Тихий океан, при этом на Россию возлагаются следующие задачи:

- а) сделать Петропавловск опорным пунктом ВМФ США;
- б) нейтрализовать воздушные подходы с Южного Сахалина и Хоккайдо;
- в) улучшить портовые сооружения на Амуре;
- г) оккупировать Южный Сахалин;
- д) провести совместные советско-американские операции ВМФ, если они потребуются.

Уничтожение японской армии в Маньчжурии. (В этом пункте, собственно, состояла главная задача Советского Союза, но другие пункты были необходимыми предпосылками к нему.)

29 сентября был добавлен еще пункт: Россия должна воспрепятствовать или прервать морское и воздушное сообщение японцев между Азией и Японией»¹⁷.

ности планов союзников на Тихом океане, о чем он и спросил Гарримана.

¹⁶ Дин Дж. Указ. соч. С.214.

¹⁷ Там же. С.215.

14 октября 1944 г. Сталин, Гарриман и Дин, а также прибывшие в Москву Черчилль и Иден обсуждали операции, проводимые в разных частях Тихого океана, а также планы вторжения в Японию.

Сталин интересовался задачами, возложенными на СССР. Американцы считали важным прояснить следующие вопросы:

К какому сроку после разгрома Германии можно рассчитывать на вступление России в войну с Японией? Сколько времени потребуется Советским вооруженным силам на Дальнем Востоке, чтобы вооружиться и начать наступление? Насколько может быть увеличена пропускная способность сибирской магистрали для создания и обеспечения всем необходимым стратегической американской авиации в Сибири и на Дальнем Востоке?

Когда Сталин на следующий вечер взял слово, он сказал, что Красной Армии потребуется сконцентрировать на Дальнем Востоке 60 дивизий, прежде чем она сможет начать наступление, т.е. дополнительно еще тридцать к тем, что там уже имеются. Переброска транспорта после поражения Германии займет три месяца. Так как Транссибирская железная дорога, несмотря на ее способность пропустить в сутки 26 составов, не будет в состоянии обеспечить продовольственное снабжение 60 дивизий, резервы продуктов должны быть складированы в Сибири за 2–3 месяца до начала операции. На прямой вопрос Гарримана Сталин ответил, что Советский Союз надеется начать наступление на Японию через три месяца после поражения Германии, предполагая, что США будут способствовать этому и что политические предпосылки для участия России будут урегулированы. Сталин заявил далее, что СССР готов предоставить вспомогательные авиабазы для американской авиации в прибрежных районах Дальнего Востока. Но подчеркнул, однако, что в отношении обеспечения всеми необходимыми материалами полагаться следует на тихоокеанские маршруты, так как Транссибирская магистраль будет использована для других целей. Он сказал, что Петропавловск можно использовать как опорный пункт для ВМФ США.

Что касается участия СССР в войне на Тихом океане, то оба первые заседания показали определенную уверенность в этом вопросе. Иден посчитал допустимым, если и он, и Гарриман письменно оформят это заверение и представят бумаги Молотову для подтверждения согласия. Гарриман несколько скептически отнесся к этому предложению, так как подобная процедура могла создать впечатление, что западные союзники

не совсем доверяют искренности устного заверения Сталина. Несмотря на это, Иден с большой настойчивостью отстаивал свою точку зрения: в интересах полной ясности письменная договоренность была бы желательна. И Гарриман в конце концов, колеблясь, согласился. Сталин был в высшей степени возмущен, когда получил документ, назвав его новым доказательством разглашения секретов западными союзниками¹⁸. На следующей встрече он сделал Гарриману строгое замечание и сказал, что малейшая информация о проходящих дискуссиях почти наверняка может вызвать японское нападение и нанести ущерб району Владивостока. После того как Сталин высказал свои упреки Идену и Гарриману, он передал им семистраничный машинописный документ, в котором содержался список всех необходимых СССР на два месяца резервных запасов в Сибири.

Затем русские и американцы обсуждали операции Красной Армии в войне с Японией. Сталин еще раз подтвердил, что Россия через три месяца после окончания войны с Германией перейдет в наступление. Он согласился с предлагаемыми ему союзным Объединенным штабом задачами. Сталин продемонстрировал по карте выработанную стратегию наступления Красной Армии. В общих чертах его предложение заключалось в следующем. Вдоль северной и восточной границ с Маньчжурией надо создать прямое давление на японцев. В то время как основной удар подвижными соединениями следует нанести в направлении от озера Байкал через внешнюю и внутреннюю Монголию на Калган, Пекин и Цинцзян. Целью этого большого маневра было разделение японских сил в Маньчжурии с силами в Китае. Было решено создать группу совместного планирования будущих операций.

16 декабря генерал Дин встретился с генералом Антоновым. Последний на этой встрече заявил: «После глубоких размышлений мы пришли к выводу, что все советские вооруженные силы будут нуждаться в опорных пунктах ВВС и ВМФ, и поэтому американские ВВС и ВМФ не могут действовать оттуда». Дин заявил, что это утверждение находится в прямом противоречии с шестью различными обещаниями, данными Сталиным. Антонов пообещал еще раз доложить мнение аме-

¹⁸ Дин Дж. Указ.соч. С.219. Сталин имел основание для замечания. В сентябре 1940 г. его секретный разговор с послом Англии С.Крипсом стал через несколько часов достоянием прессы, что осложнило в то время международную позицию СССР.

риканцев Сталину. Однако через три дня он сообщил Дину, что отказ остается в силе¹⁹. Дальнейшие переговоры состоялись в ходе Ялтинской конференции «Большой тройки» 4–11 февраля 1945 г. Рузвельт пытался добиться от Сталина разрешения использовать американскими ВВС советских аэродромов и военно-морских баз на Дальнем Востоке. Однако Сталин разрешил совершать полеты бомбардировщиков США только в районе Комсомольск–Николаевск вдоль нижнего течения реки Амур.

Но важнейшим для американцев заявлением Сталина было подтверждение обещания СССР выступить против Японии через три месяца после окончания войны в Европе. Это позволяло США надеяться на ускорение победы над Японией, тем более что приближался период, когда сражения должны были начаться на островах собственно Японии и в Китае. То есть близился этап континентальной, самой кровопролитной войны, которая привела бы к потерям многих жизней американцев (до 1,5 млн. человек) и грозила затянуться как минимум еще на год.

Но для того, чтобы Красная Армия начала наступление на Квантунскую армию, войска японцев в Корее и на Курильских островах, необходимо было как можно быстрее разгромить германский фашизм. Это стало главной задачей армий Эйзенхауэра в Европе. Нужно было создать такое положение, чтобы немцы не могли затянуть войну. А весной 1945 г. такая угроза существовала.

Весной 1945 г. советские войска стояли в 60 км от Берлина, а армии Эйзенхауэра переправились через Рейн. В те дни на совещаниях в гитлеровском генштабе, в разведсводках союзников все чаще замелькали термины «Альпийская крепость» и «Национальный редут». Это было связано со стремлением немцев продлить войну, чтобы выиграть время, за которое (как они полагали) произойдет разложение антигитлеровской коалиции, этого «противоестественного союза», как его называл Гитлер. Зная о растущих противоречиях в стане союзников, особенно между Англией и СССР, немцы рассчитывали заключить сепаратный мир с Западом на приемлемых для Германии условиях, избежав безоговорочной капитуляции. Идея заключалась в том, чтобы отвести возможно большее число войск вермахта в Австрийские и Баварские Альпы. И там, в горных районах, продержаться до следующей зимы в расчете, что к тому времени союзники по антигитлеровской коалиции станут врага-

¹⁹ Дин Дж. Указ. соч. С.229.

ми. А это облегчит участь Германии. В Австрии уже находилась сильнейшая 6-я танковая армия СС, значительные силы могли быть переброшены в Альпы с севера Германии, где сосредоточилось до 2 млн. войск. В Альпах, в Берхтесгадене, намеревались разместить ставку фюрера. В высших военных кругах Германии было немало сторонников этой идеи, но Гитлер колебался.

Американская разведка знала об этих планах, но точных данных не имела. Так, 10 апреля объединенный разведывательный комитет союзников докладывал командованию, что нет «каких-либо признаков того, что германское верховное командование намерено переместиться в "Национальный редут", но комитет считал весьма вероятным, что "Национальный редут" вполне может явиться единственным средством продлить войну до зимы»²⁰. В то же время и Красная Армия, и войска западных союзников стремились первыми овладеть Берлином. Но союзников от столицы рейха отделяли 450–500 км.

И тогда Эйзенхауэр отвергает план похода западных армий на Берлин, принятый осенью 1944 года. 28 марта выдвигается новый: как можно быстрее соединиться с Красной Армией, разрезать вермахт на две части и не допустить отхода их в «Альпийскую крепость». Теперь по его плану главный удар наносит не 21-я группа армий Монтгомери, ближайшая к Берлину с запада, а 12-я группа армий (американская) генерала Брэдли, наступая по оси Эрфурт–Дрезден, с тем чтобы южнее Берлина где-то на Эльбе соединиться с Красной Армией. Неважно где, важно быстрее.

Это объяснялось тем, что отсчет срока, когда СССР объявит войну Японии, начнется лишь после окончания войны в Европе. Вот что торопило американское военное политическое руководство, невзирая на возражения и обиды англичан, не желавших отказаться от наступления на Берлин.

В Москве все это прекрасно понимали и выдвинули на Ялтинской конференции условия вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Они хорошо известны: возвращение СССР южного Сахалина и Курильских островов, передача СССР портов Дайрен и Порт-Артур, участие вместе с Китаем в эксплуатации КВЖД и др.

²⁰ *Beevor A. Berlin. The Down Fall 1945. L., 2002. P.195–196.*

В историографии последнего наступления союзных войск в Германии, да и в отечественной литературе, все внимание историков приковано к Берлинской операции. Поэтому решение Эйзенхауэра отказаться от похода на Берлин объясняется только опасением больших потерь (100 тыс. человек) и сравнительно большим расстоянием до Берлина 450–500 км. Но в середине апреля обстановка изменилась. 13 апреля 9-я американская армия Симпсона вышла в районе Дассау на Эльбу и захватила плацдарм на ее восточном берегу. Симпсон просил два дня на перегруппировку и уже составил план выхода к Берлину через Потсдам. Он умолял Эйзенхауэра разрешить ему бросок к Берлину. (Видимо, если бы это произошло, немцы сами открыли бы ворота Берлина, чтобы избежать штурма столицы Красной Армией.) Но Эйзенхауэр, Маршалл и начальники штабов США не изменили своего решения, несмотря на требования Лондона. Быстрейшее окончание войны в Европе и вступление СССР в войну на Дальнем Востоке было для них важнее.

Ведь по мере приближения к Японским островам американцев ожесточенность сопротивления японских войск возрастала, а потери союзников росли. Поэтому, не рассчитывая в короткие сроки своими силами разгромить противника и опасаясь затяжной войны и больших жертв, США и Англия и настаивали на быстрейшем выступлении СССР против Японии. «Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе», – говорилось в памятке американской делегации на Ялтинской конференции²¹.

Однако Япония не собиралась сдаваться. 7 апреля 1945 г. премьер-министр Судзуки заявил: «Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны». Даже 9 мая 1945 г., когда фашистская Германия капитулировала, он выразил уверенность в том, что Япония будет продолжать войну. В случае вторжения американско-английских войск в метрополию предполагалось сбросить их в море или, отойдя в горы, сражаться, применяя тактику «дождевого червя», то есть упорных оборонительных боев с использованием подземных убежищ. В критический момент император и японское правительство должны были эвакуироваться в Маньчжурию и оттуда руководить ведением войны. Японская императорская ставка начала формировать две объединенные армии в составе 57 пехотных и двух бронетанковых ди-

²¹ Орлов А.С. *За кулисами второго фронта. М., 2001. С.321.*

визий, а также авиационную армию. Одновременно создавался «народный добровольческий корпус». Кроме того, японские милитаристы тогда же добились принятия закона «О чрезвычайных мерах военного времени», в соответствии с которым планировалось к концу 1945 года за счет тотальной мобилизации сформировать так называемую «народную армию» численностью до 28 миллионов человек²².

В этих условиях правительство США считало, что если СССР не выступит против Японии, то им для вторжения на Японские острова потребуется армия в семь миллионов человек, а сама война затянется еще на длительное время. «Начав вторжение в Японию, – писал военный министр США Стимсон президенту Трумэну в июне 1945 г., – нам придется, по моему мнению, завершить его даже более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери»²³.

И основания для этого были. К августу 1945 г. вооруженные силы Японии насчитывали 7,2 млн. человек, в том числе 6,5 миллионов в сухопутных войсках. На флоте имелось 109 надводных боевых кораблей и 58 подводных лодок. К концу 1945 г. планировалось довести количество японских микролодок и человеко-торпед (смертников) до 3 тысяч. ВВС страны насчитывали 10,5 тыс. самолетов, половина экипажей которых комплектовалась летчиками-смертниками. Особую, высокоорганизованную силу представляла собой Квантунская армия, состоявшая из ряда фронтовых объединений. Ее оборона опиралась на ряд сильно укрепленных районов.

Зная о военных приготовлениях противника, американское командование рассчитывало на помощь СССР, особенно в разгроме мощных сухопутных сил Японии на Азиатском континенте. Начальник штаба генерал Маршалл подчеркивал: «Важность вступления России в войну заключается в том, что оно может послужить той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать». Он писал также, что «риск и потери будут в величайшей степени снижены, если перед нашим вторжением (в Японию. – *А.О.*) будет осуществлено наступление из Сибири»²⁴.

²² Там же. С.322.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С.323.

Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило военную необходимость наступления Советских вооруженных сил. Президент США Трумэн писал позднее, что «русские... спасли нам много жизней в войне против немцев... Мы очень хотели, чтобы русские вступили в войну против Японии...»²⁵.

И действительно, даже подвергая японские города ожесточенным воздушным бомбардировкам самолетов В-29 с недавно захваченных Марианских островов (после того как не удалось размещение стратегической авиации США на советском Дальнем Востоке), даже сбросив атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, американцы не смогли заставить противника сложить оружие. И только 9 августа, когда началось наступление Красной Армии, премьер Японии Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»²⁶.

Наступление Красной Армии, за 23 дня разгромившей Квантунскую армию и другие японские войска в Маньчжурии, Китае, на Сахалине, в Корее и на Курильских островах, избавило американцев от изнурительной и кровопролитной войны на азиатском континенте и значительно ускорило победу союзников над Японией.

Таким образом, идея Рузвельта и американского командования заставить капитулировать Японию под ударами авиации с советских авиабаз, а в дальнейшем с Марианских островов и применением атомных бомб не дала желаемого результата. Предстояла континентальная война с Японией, грозившая большими потерями и затягиванием военных действий. Задачу быстрого разгрома противника в сухопутной войне могла выполнить только Красная Армия. И она это сделала. Американцам не пришлось открывать второй континентальный фронт против главных японских сил. Конечно, они не ожидали, что Маньчжурская операция Красной Армии пройдет в столь короткие сроки и закончится триумфальным разгромом главных сил врага. Она значительно ускорила победу над Японией, хотя, безусловно, основную тяжесть войны с ней в течение четырех лет несли американцы.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С.325.

Опыт разгрома Японии еще раз подтверждает, что Вторая мировая война по своему характеру была войной континентальной.

Воздушные бомбардировки Германии союзниками стали лишь важным подспорьем для сухопутного второго фронта, открывшегося вторжением во Францию армий Эйзенхауэра и ускорившего победу над Германией.

То же самое произошло и на Востоке. Наступление Красной Армии в Китае и Корею сыграло большую роль в ускорении победы над Японией, чем удары по ней с воздуха в течение длительного времени. И это понимали политики и стратеги США уже в ходе войны с Германией. Поэтому уже со времен Ялтинской конференции они настаивали на вторжении в Маньчжурию Красной Армии. Вот о чем говорит опыт истории.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда «Экспериментальный
творческий центр», главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Контонер Дов

публицист, политический аналитик, член редколлегии газеты «Вести»
(Израиль)

Фридман Леонид Абрамович

доктор экономических наук, профессор,
руководитель Лаборатории по комплексному изучению
Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ

Орлов Александр Семенович

доктор исторических наук, академик РАН,
главный научный сотрудник Института военной истории

Филюшкин Александр Ильич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation «Experimental Creative Center»,
editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Kontorer Dov

the political observer and the member of editorial board of «Vesti» newspaper, Israel

Fridman Leonid Abramovich

D.Sci. in economics, Professor, the chief of the Laboratory
for interdisciplinary studies of Central Asia and Caucasus,
the Institute of Asian and African Countries at Moscow State University

Orlov Alexander Semenovich

D.Sci. in history, Academician of Russian Academy of Natural Sciences,
principal researcher of the Institute of Military History

Filyushkin Alexander Il'ich

Ph.D., historian, assistant Professor of the History Chair
of St.-Petersburg State Politechnical University

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

Сергей Кургинян

Взгляд из Китая на общую ситуацию и текущие события в России

Владимир Дегоев

«Народ собрался в дорогу...»

Степан Сулакшин

Идеология экономической политики России: проблемы, механизмы формирования, практики

Алексей Шевцов

Политико-правовые возможности и трудности образования союзного государства России и Беларуси

Владимир Бородулин

Об одном странном признании ученого и о некоторых проблемах формирования научных школ

Александр Ужанков

Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв.

и другие статьи.

Учредитель
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор

С.Е.Кургинян

Редколлегия:

Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),

Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),

Каравашкин А.В.,

Куриленкова А.А.,

Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года

Регистрационное свидетельство 011074

Юридический адрес редакции:

123001, Москва, Вспольный пер.,18

Редакция располагается по адресу:

Москва, Садовая-Кудринская, 22

телефон (095)291-74-79

факс (095)200-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2005

Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 19.07.2005. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная I. Объем 12,5 печ. л.

Тираж 2000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

4. 2005 july-august

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

«CHiK» and «TSyK» or What is the Real Content
of the Intensifying Power Collision _____ **4**

Geopolitics and International Policy Issues

Dov Kontorer

The Enemy at the Gate: Jubilee Reflections ____ **62**

Russia in the World

Leonid Fridman

On Multivariance of International
Economic Comparisons _____ **108**

Pages of History

Alexander Filyushkin

The First Election: Electoral Campaign
of Ivan the Terrible _____ **144**

Alexander Orlov

The Japanese Factor in War
in Europe, 1941–1945 _____ **176**